



ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И
ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СО РАН

ДИАЛЕКТЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 100-летию со дня рождения
доктора филологических наук *М.С. Воронкина*,

95-летию со дня рождения доктора филологических наук *С.А. Иванова*,

95-летию со дня рождения кандидата филологических наук *П.С. Афанасьева*

Якутск 2024

*Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук*

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук *Ю.М. Борисова* (отв. редактор),
канд. филол. наук *Н.А. Сивцева*,
канд. филол. наук *А.А. Скрябина*,
канд. филол. наук *Е.Р. Николаев*

Рецензенты:

докт. филол. наук, проф. ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова *И.Е. Алексеев*
канд. филол. наук, с.н.с. ИГИиПМНС СО РАН *Л.М. Готовцева*

Д44 Диалекты в языке и культуре: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / Отв. ред. Ю.М. Борисова; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2024. – 178 с.

В сборник вошли материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора филологических наук М.С. Воронкина, 95-летию со дня рождения доктора филологических наук С.А. Иванова, 95-летию со дня рождения кандидата филологических наук П.С. Афанасьева. В материалах конференции отражены результаты изучения территориальных диалектов и говоров языков народов России, а также итоги анализа диалектов в традиционной народной культуре.

Рекомендуется специалистам, а также широкому кругу читателей.

DOI: 10.25693/Dialect2024-sbornik

УДК 811(082)
ББК 81.2я43

ISBN 978-5-902198-68-0

© Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, 2024

Содержание

<i>От редколлегии</i>	5
Михаил Спиридонович Воронкин	7
Спиридон Алексеевич Иванов	8
Петр Саввич Афанасьев	9
<i>Данилова Н.И., Николаев Е.Р.</i> Якутская диалектология: основные достижения, проблемы и перспективы	11

I. ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ГРАММАТИКЕ И ФОНЕТИКЕ

<i>Дьячковский Ф.Н.</i> О словообразовательном аффиксе <i>-лаах</i> в трудах С.А. Иванова	20
<i>Иванова И.Б.</i> Вопросы словообразования в трудах С.А. Иванова	25
<i>Сивцева Н.А.</i> Диалектные глаголы как периферийные средства категории бытийности в якутском языке (на примере лингвистического наследия А.Е. Кулаковского)	29
<i>Самсонова Е.М.</i> Явление редупликации в диалектах якутского языка	36
<i>Ефремов Н.Н.</i> Квазисинонимичные полипредикативные конструкции с формами <i>-быт</i> и <i>-табына</i>	40
<i>Шарина С.И.</i> Диалектная система эвенского языка	47
<i>Андреева Т.Е.</i> Фонетические особенности аяно-майских говоров эвенкийского языка	55
<i>Бочкарев В.В.</i> Сахалы тылынан суруллубут тизкис истиилин улары-тар бырагыраама	60
<i>Винокурова Н.И.</i> Диалектизмы в «Якутско-русском тематическом словаре: имя существительное, глагол»	64

II. ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

<i>Афанасьева Е.Н.</i> Якутско-монгольские лексические параллели в монографии П.С. Афанасьева «Говор верхоянских якутов»	73
<i>Васильева Н.Н.</i> Түөлбэ тыллара синоним кэккэтигэр	78
<i>Аммосова И.В.</i> Саха тылын түөлбэ тылдыттар	81
<i>Васильева Н.М.</i> Түөлбэ тыла саха литературнай тылыгар кириитэ	86
<i>Жансай А.Л.</i> Саха куолутунан быраап тизэрминнэрэ түөлбэ тылын тылдытыгар	92
<i>Скрябина А.А.</i> Лексика брачно-семейных отношений в говорах якутского языка	99
<i>Стручков К.Н.</i> Иноязычные заимствования в эвенкийском языке (на примере лексики)	105

<i>Бадмаева Л.Б., Цыбенова Э.Б.</i> Неологизмы в современном бурятском языке	110
<i>Шаймердинова Н.Г.</i> Древнетюркский язык как стандартное руническое койне	118
<i>Булатова М.Р.</i> Общие особенности говоров татар Башкортостана со старотатарским литературным языком	125

III. ДИАЛЕКТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>Чарина О.И.</i> Особенности диалектных включений в русском эпическом фольклоре Якутии	130
<i>Васильев В.Е.</i> Саха төрүт итэбэлигэр баар түөлбэ тыллара этнография уонна этимология көмөтүнэн ырытан көрүү	137
<i>Алексеева С.А.</i> О некоторых заимствованных терминах из языка саха в материальной культуре тунгусов по экспедиционным материалам Виктора Николаевича Васильева	145
<i>Прокопьева А.Н.</i> Локальные особенности керамических традиций долины р. Суола XVII–XVIII вв.	151
<i>Кузьмина А.А.</i> Түөлбэ олонхотун үөрэтии билинни туруга уонна кыһалбата	154
<i>Васильева Р.И.</i> Функционирование языка саха в полиэтнической языковой среде (на материале полевого исследования в Красноярском крае)	161
<i>Дьячкова Ж.А.</i> Локальная специфика традиционных песен луоравэтланов (чукчей) Якутии	172

От редколлегии

Изучение диалектов имеет большое значение для понимания языкового, культурного, исторического многообразия народов России. Данное направление языкознания особенно актуально для решения вопросов сохранения и развития родных языков путем их документирования, в том числе, с опорой на экспедиционные исследования в условиях их естественного использования. Обсуждение проблем диалектов в языках и культуре разных народов способствует также укреплению научных связей и широкому обмену опытом и результатами исследований в данной области.

Сборник научных статей «Диалекты в языке и культуре» основан на материалах традиционной научно-практической конференции, организованной Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках Дня родного языка и письменности в Республике Саха (Якутия). В 2024 году данная конференция была посвящена юбилейным датам исследователей диалектов якутского языка: 100-летию со дня рождения доктора филологических наук Михаила Спиридоновича Воронкина, 95-летию со дня рождения доктора филологических наук Спиридона Алексеевича Иванова, 95-летию со дня рождения кандидата филологических наук Петра Саввича Афанасьева.

Работа конференции охватила следующие аспекты изучения диалектов: вклад М.С. Воронкина, С.А. Иванова, П.С. Афанасьева в развитие якутского и тюркского языкознания; особенности территориальных диалектов и говоров языков народов России; отражение особенностей диалектов и говоров в лексикографии и ономастике; исследование диалектов и говоров в текстах разного стиля: художественном, публицистическом, фольклорном; вопросы кодификации литературного языка и функционирования диалектов. В конференции приняли участие исследователи из г. Новосибирск, Кызыл (Республика Тыва), Улан-Удэ (Республика Бурятия), Благовещенск, Казань (Республика Татарстан), Астана (Казахстан). Мероприятие предоставило ученым-лингвистам возможность обменяться результатами и методами анализа особенностей диалектов, что способствует взаимодействию между разными языковыми сообществами и пониманию социокультурных процессов в отдельных этнических группах.

Предлагаемый сборник научных статей предваряет обширная статья, в которой д.филол.н. Н.И. Даниловой и к.филол.н. Е.Р. Николаевым освещены основные достижения, задачи и перспективы якутской диалектологии. В первом разделе «Отражение диалектных особенностей в грамматике и фонетике» представлены статьи, посвященные научному анализу фонетических и морфологических особенностей говоров якутского языка. Во второй раздел «Особенности лексики территориальных диалектов и говоров языков народов России» вошли статьи, в которых дано описание специфических слов и выражений,

используемых в различных диалектах, и их функционирование в лексикографических источниках. Третий раздел охватывает широкий спектр тем, связанных с анализом и интерпретацией текстов в разных жанрах и контекстах. Каждая статья в сборнике демонстрирует уникальный подход к исследованию языковых особенностей, выявляет новые тенденции и закономерности в функционировании диалектов и говоров, а также подчеркивает их значимость для изучения культурного наследия народов России. Авторы статей обращают внимание на важность сохранения и документирования территориальных диалектов как ключевого элемента в понимании языкового многообразия России и его роли в формировании культурной идентичности народов страны.

Выражаем благодарность всем участникам конференции за активное участие в ней и вклад в изучение проблем становления, современного состояния, перспектив развития литературных языков и сохранения диалектного многообразия в языках и культурах народов России. Надеемся, что данный сборник будет способствовать дальнейшему развитию научных исследований в области диалектологии и станет полезным ресурсом для исследователей, студентов и всех интересующихся вопросами диалектологии, лексикологии.

**Михаил Спиридонович Воронкин
(1923–2016)**

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР М.С. Воронкин родился 21 ноября 1923 г. в Оргетском наслеге Верхневилюйского улуса ЯАССР. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», отмечен Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЯАССР, знаком отличия «Гражданская доблесть», нагрудным знаком «Учитель учителей».



В 1967 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Есейский говор якутского языка». В исследовании впервые нашли отражение особенности говора, носители которого проживают в территориальном отдалении от основной массы якутов. В области морфологии языка есейцев обнаружены архаические черты, восходящие к древности. В 1988 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Диалектная система якутского языка: образование, взаимодействие с литературным языком и структура». В работе впервые раскрыты исторические корни образования диалектов якутского языка, представлено описание его диалектной системы. На основе территориально-лингвистического принципа изложена классификация говоров якутского языка.

М.С. Воронкин внес большой вклад в становление региональной диалектной лексикографии. Он один из авторов «Диалектологического словаря якутского языка» (Якутск, 1976), «Диалектологического словаря языка саха» (Новосибирск, 1995), с изданием которых впервые в якутском языкознании в научный оборот в полном объеме была введена диалектная лексика. Указанные словари представляют собой первый опыт издания систематизированного словарного состава якутских говоров, содержащего их лексико-грамматическую характеристику.

Он автор монографий «Очерки по диалектологии якутского языка. Фонетика и морфология» (Якутск, 1980), «Северо-западная группа говоров якутского языка» (Якутск, 1984), «Якутский язык. Диалектология» (Новосибирск, 1998), «Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика» (Новосибирск, 1999). Принимал постоянное участие в создании диалектологических атласов говоров северо-западной и олекмо-вилюйской диалектных зон якутского языка. Внедрил преподавание якутской диалектологии как учебной дисциплины в вузе, читая по подготовленным изданиям лекции.

М.С. Воронкин является одним из инициаторов придания государственного статуса якутскому и русскому языкам в республике. Как опытный специалист-якутовед, активно выступал в средствах массовой информации по различным вопросам языкового строительства.



Спиридон Алексеевич Иванов (1928–2019)

Доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР С.А. Иванов родился 16 марта 1928 г. во II Кюльском наслеге Вилюйского района. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью Президиума АН РС (Я) «За заслуги в развитии науки Республики Саха (Якутия)», медалью РАЕН «Автор научного открытия», посвященной лауреату Нобелевской премии П.Л. Капице, отмечен почетным знаком СО РАН «Серебряная Сигма», знаком отличия «Гражданская доблесть».

В 1982 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Аканье и оканье в говорах якутского языка». В работе впервые определены объем и территориальные зоны распространения этого наиболее распространенного диалектного явления, представлено объяснение его происхождения. В 1993 г. получил ученое звание старший научный сотрудник по специальности «Тюркские языки». В 1995 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Центральная диалектная зона якутского языка: фонетика и морфология (в ареально-историческом освещении)». В исследовании на основе широкого привлечения сравнительного материала из древнетюркского, современных тюркских, а также монгольских и тунгусских языков обоснованы суждения по всем основным диалектным явлениям языка, по их относительной хронологии, причинам возникновения и направлениям их развития, с помощью картографирования и изображения территориального распространения тех или иных языковых явлений (изоглосс) установлены первоначальный очаг зарождения и дальнейшее географическое распространение характерных диалектных явлений.

С.А. Иванов одним из первых в республике начал заниматься изучением якутских говоров методами лингвистической географии, ареальной лингви-

стики и другими приемами сравнительно-исторического языкознания. В его трудах, основанных на принципах исторической диалектологии, изучены архаические черты и реликтовые явления, сохранившиеся в якутском языке и его диалектах. Он автор монографий «Аканье и оканье в говорах якутского языка» (Якутск, 1980), «Центральная группа говоров якутского языка» (Новосибирск, 1993), «Морфологические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2014), «Лексические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2017), составитель «Диалектологического атласа якутского языка» в двух частях (Якутск, 2004, 2010). Один из авторов «Граматики современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология» (М., 1982), в соавторстве написал учебники якутского языка для 4-го, 5-го и 6-го классов, методические пособия по якутскому языку.

Петр Саввич Афанасьев (1928–2000)

Кандидат филологических наук П.С. Афанасьев родился 15 июля 1928 года в Тогусском наслеге Вилюйского улуса ЯАССР. Является первым лауреатом Премии Главы Республики Саха (Якутия) в области сохранения, изучения и развития родных языков им. С.А. Новгородова (2005, посмертно).

П.С. Афанасьев внес значительный вклад в становление якутской диалектологии как самостоятельной научной дисциплины, в создание научных и практических основ современной якутской лексикографии. В 1965 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Говор верхоянских якутов». В ней, опубликованной в виде монографии с одноименным названием, впервые представлено описание фонетических, лексических и грамматических особенностей языка верхоянских якутов как переселенцев из центральной Якутии на север. В работе изложено обоснование отличий указанного говора, имеющего общие черты с особенностями говоров центральных районов, что характеризует его как особую самостоятельную систему якутского языка.

П.С. Афанасьев является одним из авторов, участвовавших в создании «Диалектологического словаря якутского языка» (М., 1976), издание которого представляет собой первую в якутской лексикографии попытку систематизации, лексико-грамматической характеристики всего словарного состава якутских говоров.



Талант лексикографа П.С. Афанасьева проявился в разработке словарей разного типа. Совместно с Л.Н. Харитоновым отредактировал «Русско-якутский словарь» (М., 1968), содержащий наиболее употребительную лексику современного русского языка, устойчивые словосочетания, идиоматические выражения и специальную терминологию. По его инициативе был создан «Краткий толковый словарь якутского языка» (Якутск, 1994), получивший широкое признание в республике и переизданный в 2008 г. Указанный словарь, содержащий наиболее содержательную, но малоупотребительную литературную лексику современного якутского языка, является строго нормативным изданием, послужившим компактным, но весомым подспорьем для создания «Большого толкового словаря якутского языка» (2004–2018) и других изданий якутской лексикографии.

П.С. Афанасьев известен как крупный ученый-методист, подготовивший такие учебные пособия для студентов, как «Якутская лексикография» (Якутск, 1976), «Лексикология якутского языка» (Якутск, 1977), «Современный якутский язык. Лексикология» (1996), соавтор школьного учебника «Якутский язык. Морфология». В этих работах, направленных на формирование лингвистической компетенции будущих преподавателей якутского языка и литературы, освещаются основные теоретические сведения о структуре, составе, принципах системной организации важнейших разделов курса современного якутского литературного языка.

УДК 811.512.157

ЯКУТСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Данилова Надежда Ивановна,
Николаев Егор Револьевич*

Аннотация: В статье представлен обзор основных этапов становления и развития якутской диалектологии, отмечены конкретные задачи в этой области. Установлено, что местные особенности якутского языка были отражены в материалах академических экспедиций, миссионеров и политссыльных. Словарь Э.К. Пекарского отмечается как один из основных источников диалектной лексики. Первым этапом развития якутской диалектологии считается диалектографическое изучение якутских говоров, когда были сделаны фиксация и первичное описание особенностей языка населения отдельных местностей Якутии, в первую очередь, в лексике. В советское время изучение говоров якутского языка получило планомерный и научный характер благодаря организации фольклорно-лингвистических экспедиций со стороны ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Собственно диалектологический этап исследований характеризуется развитием по трем направлениям: монографические исследования, лингвистическая география и диалектная лексикография. Ставится перспективная задача изучения якутских говоров с применением средств информационных технологий и активного включения в междисциплинарную повестку.

Ключевые слова: этапы развития якутской диалектологии, диалектографическое изучение, монографические исследования.

Якутский язык, несмотря на своё сложное историческое развитие, которое предполагает многочисленные языковые, культурные, исторические контакты носителей и обширность современной территории распространения, в целом, является монолитным. Как заметила Е.И. Убрятова: «якутский язык, как и другие языки тюркской системы, отличается удивительной стойкостью. Не якуты воспринимали язык эвенков, эвенов, юкагиров и, с XVII столетия русских, а, напротив, все эти народы усвоили себе якутский язык и пользовались им (и пользуются сейчас) не только для сношения с якутами, но и часто в своем внутреннем обиходе» [19, с. 6]. Вместе с тем на расхождении в фонетике и морфо-

© Данилова Надежда Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, nadiv2008@mail.ru

© Николаев Егор Револьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, 1953307@mail.ru

логии, обнаруженные в оказавшихся в его распоряжении текстах, обратил внимание еще О.Н. Бетлингк [1851], а некоторые особенности языка населения разных местностей Якутии нашли отражение в работах миссионеров и политссыльных: Дм. Хитрова [1858], И.А. Худякова [1969], С.В. Ястремского [1930, 1938]. Впоследствии весь этот материал, значительно дополненный, был использован Э.К. Пекарским и вошел в состав «Словаря якутского языка».

Диалектология как отдельное направление якутского языкознания в своем развитии прошла два этапа: диалектографический и диалектологический. **Диалектографическое изучение якутских говоров**, представляющее собой описание территориального распространения особенностей языка в фонетике, грамматике, лексике, берет свое начало в первые десятилетия XX-го века. Но фиксация и первичное исследование особенностей языка населения отдельных местностей Якутии проводилось в то время спонтанно. Сведения о заметном отличии северных говоров в вокалической системе, конкретно, о распространении на данной территории явления аканья, были приведены в работах Г.В. Ксенофонтова, А.Е. Кулаковского. Ими же были отмечены лексические различия в этих говорах, в частности, широкое употребление в них архаизмов и монголизмов. На этом основании Г.В. Ксенофонтов разделил якутское наречие на говоры южные (скотоводов) и северные (оленоводов) [17, кн. I, с. 317].

С созданием Научно-исследовательского института языка и литературы при Совнаркомe ЯАССР в 1935 году диалектографическое изучение говоров якутского языка получило планомерный характер. В период с 1938–1941 гг. были собраны предварительные материалы по языку Вилюйской группы, Кобяйского, Горного и ряда северных (Оймяконского, Момского, Верхне-, Средне- и Нижнеколымских, Верхоянского, Абыйского и Аллаиховского) районов. В эти годы Институт наладил корреспондентскую работу на местах, благодаря чему он стал получать от отдельных лиц не только фольклорные записи, но и материалы по языку. Неоценимый вклад в становление якутской диалектологии внесли С.И. Боло и А.А. Саввин, аутентичные записи которых по фольклору и этнографии дают истинное представление об особенностях языка якутов разных местностей. В материалы Северной экспедиции 1939–1940 гг., собранные А.А.Саввиным, изданные в 2022 г., вошла его статья «Особенности говора якутов Верхоянского, Абыйского и Аллаиховского говоров».

Специальная диалектологическая экспедиция, проведенная под руководством одного из первых якутских диалектологов П.П. Барашкова в 1940 г., охватила три заречных района – Мегино-Кангаласский, Чурапчинский, Таттинский. Но уже в 1950 годы фронтальным диалектологическим исследованием было охвачено 29 районов Якутии, были организованы экспедиционные поездки в места проживания есейских, магаданских, бодайбинских, катангских, удских якутов, таймырских и анабарских долган. Как результат этой деятельности появились монографии Е.И. Убратовой «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» [1960], П.С. Афанасьева «Говор верхоянских яку-

тов» [1965], М.С. Воронкиным в 1967 г. защищена кандидатская диссертация «Есейский говор якутского языка». В целом, на этапе диалектографического исследования были определены территории распространения основных диалектных различий якутского языка и создана основа для дальнейшего развития якутской диалектологии.

Собственно **диалектологические** исследования диалектной системы, получили развитие **по трем направлениям**: монографические исследования, лингвистическая география и диалектная лексикография.

Первым монографическим исследованием диалектной системы якутского языка считается монография П.П. Барашкова «Фонетические особенности говоров якутского языка: сравнительно-исторический очерк» [1985], в которой историческое формирование диалектной системы якутского языка рассмотрено на примере фонетических вариаций. Автор выдвинул и обосновал тезис о том, что диалектные различия в якутском языке обусловлены историей народа-носителя. Так, явления, имеющие общетюркское происхождение, он квалифицировал как возникшие на юге, а явления, образовавшиеся под влиянием языков народов Севера – как возникшие на севере [2, с. 171]. Соответственно, был сделан вывод о том, что «аканье возникло на юге», а на оканье якуты перешли уже на севере, на современной территории проживания «под влиянием произношения эвенков» [там же, с. 169]. Это утверждение расходится с мнением, ранее высказанным Г.В. Ксенофонтовым о том, что языку северных якутов характерно аканье. Однако результаты картографирования говоров позволили впоследствии говорить о членении якутского языка на северный и южный диалектные ареалы [14, с. 224].

По результатам фундаментального исследования территориальных групп говоров был опубликован целый ряд монографий: по северо-западной группе [Воронкин, 1984], по северо-восточной группе [Коркина, 1992] и по центральной группе говоров [Иванов, 1993].

В монографии М.С. Воронкина «Северо-западная группа говоров якутского языка» [1984] был установлен состав диалектной группы, куда вошли пять самостоятельных говоров: есейский, оленекский (с эйикским подговором), анабарский (с юрюнг-хаинским подговором), булунский и жиганский (оба последние переходные). Специфику зоны в области фонетики исследователь объяснил как результат распространения якутского языка среди эвенкийского населения, частично подтвердив ранее высказанное П.П. Барашковым предположение. В связи с тем, что в изучаемой зоне в значительной мере сохранились архаические черты языка, в том числе монгольские лексические параллели, отмеченные еще Г.В. Ксенофонтовым, она была определена как консервативный ареал якутского языка.

В монографии Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» [1992] были рассмотрены особенности колымского, индигирского, оймьяконского, саккырырского, усть-янского говоров, которые, с одной стороны, сохранили архаические признаки якутского языка, с другой, сформирова-

лись при воздействии иносистемных языков: русского, эвенского, юкагирского, чукотского. В качестве самого яркого отличительного признака зоны в области фонетики отмечено аканье или неогубленное произношение основ вместо огубленного – оканья.

Центральная диалектная зона якутского языка стала темой исследования в рамках докторской диссертации С.А. Иванова, итоги работы которого были изданы в виде одноименной монографии. Основным выводом стало серьезное подтверждение ранее высказанного мнения об историческом характере происхождения диалектных различий в говорах якутского языка. Также было высказано мнение, что дифференциация якутского языка по признаку аканья/оканья установилась в «районе средней Лены на базе древних местных расхождений» [15, с. 304]. Аканье, или, неогубленное произношение слов тюркского и монгольского происхождения, свойственное для намских, борогонских, дюпсинских, баягантайских говоров, было охарактеризовано как традиционное для якутского языка. А оканье, или огубленное произношение, по мнению автора, связано с местным эвенкийским субстратом [там же, с. 305].

Хотелось бы отметить еще один труд, который внес заметный вклад в монографическое исследование территориальных особенностей говоров и в формирование диалектной лексикографии. Это монография «Говор верхоянских якутов» П.С. Афанасьева [1965], в которой было представлено полное описание фонетических, лексических и грамматических особенностей одного из своеобразных говоров якутского языка. Важным результатом работы был тезис о том, что специфические черты данного говора «частично совпадают с особенностями центральных говоров, прежде всего так называемых «акающих», т.е. группы говоров неогубленного произношения» [1, с. 154]. На этом основании был сделан вывод о том, что верхоянские якуты – выходцы из центральной Якутии, а своеобразие их языка сложилось в результате продолжительного изолированного проживания, но с сохранением связи «со своей первоначальной родиной» [там же].

Во всех монографических исследованиях, как можно было убедиться выше, в качестве главной характерной особенности диалектной системы якутского языка в фонетике подвергается анализу явление аканья/оканья. Специальное внимание этому показателю дифференциации говоров было уделено в кандидатском исследовании С.А. Иванова, которое позже было издано в виде монографии «Аканье и оканье в говорах якутского языка» [1980]. Основы, в которых фиксируется варьирование гласных а/о, были классифицированы как лексические параллели по происхождению: тюркские, тюрко-монгольские, тунгусо-маньчжурские. Современные неогубленные и огубленные произношения слов получили оценку как результат длительной эволюции, тесно связанной с развитием фонетического, морфологического строя языка и обогащением лексического состава. Данная проблема детально обсуждалась и в упомянутой выше монографии С.А. Иванова «Центральная диалектная зона якутского языка». Таким образом, предположение П.П. Ба-

рашкова о появлении оканья под влиянием эвенкийского языка С.А. Иванов подтвердил.

Теоретическим обобщением фронтального обследования говоров является монография М.С. Воронкина «Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика» [1999], где изложены этапы становления и развития якутской диалектологии, рассмотрены вопросы взаимодействия диалектов и литературного языка. Главным достоинством и огромным вкладом исследования в якутское языкознание в целом является предложенная автором *классификация говоров*. Установлено существование четырех групп говоров:

1. **Северо-западная группа говоров**, включающая в свой состав говоры есейских, анабарских, оленёкских, булунских, жиганских якутов, придерживающихся окающих вариантов произношения, кроме говоров булунских и жиганских якутов, где обнаруживаются некоторые следы влияния акающих говоров якутского языка;

2. **Вилуйская группа говоров**. Она расположена на территориях проживания вилуйских якутов, говорящих на окающем говоре якутского языка. Сюда же отнесены говоры ленских, олёкминских, кобьинских якутов;

3. **Центральная группа говоров**: намский, борогоно-дюпсинский, баягантайский (акающие); кангаласский, заречный, горный (кангаласская окающая группа); мегинский, чурапчинский, амгинский, таттинский, усть-майский (мегино-ботуруская окающая подгруппа);

4. **Северо-восточная группа говоров**: верхоянский (с саккырырским подговором), усть-янский, индигирский, колымский, оймьяконский.

Монографические исследования постепенно стали обогащаться не только новыми материалами, но и методами. Неоценимый вклад в усовершенствование методов якутской диалектологии внес С.А. Иванов, исследования которого охватывают практически все направления данного раздела языкознания: изучение особенностей отдельной территориальной зоны, различий в диалектной системе по разделам языка: фонетике, морфологии, лексике, история образования диалектной системы якутского языка и формирования его диалектных зон. Последовательно примененный им сравнительно-исторический метод позволил получить вывод о глубоких исторических корнях морфологических различий говоров, при дальнейшем исследовании которых «можно было бы установить следы влияния древних тюркских, уйгурского и киргизского языков, взаимовлияния древнеякутского и древнемонгольского языков» [13, с. 231].

В монографии «Лексические особенности говоров якутского языка» [2017], С.А. Иванов классифицировал состав диалектной лексики по предметно-тематическому принципу и на основе их тщательного лексико-семантического и сопоставительного анализа пришел к выводу о том, что в ней воплощены результаты познавательной деятельности народа, итоги его практической адаптации в экстремальных климатических условиях Севера, отражены плоды культурно-эстетических и других достижений всех носителей якутского языка [12, с. 247].

Сравнительно-исторический метод исследования диалектного материала получил дальнейшее развитие в монографии «Образование диалектной системы якутского языка» [2021], где были выделены этапы исторического диалектного членения якутского языка. Первый этап характеризуется разделением на северный и южный ареалы, первый из которых занимает территорию от есейско-анабарского региона на западе до усть-янских якутов на востоке, к ним позже присоединились носители говора индигирских и колымских якутов [14, с. 224]. А южный диалектный ареал противопоставлен северному и охарактеризован как новообразованный.

Второй этап формирования диалектной системы якутского языка отмечен появлением группы говоров западного и восточного диалектных массивов [14, с. 231], т.е., соответственно окающих/акающих групп говоров.

Выводы данного исследования подкреплены данными, полученными методом картографирования, т.е., методом лингвистической географии. Начало этому направлению якутской диалектологии было положено в конце 60-х годов 20-го века, когда была поставлена задача установления границ аканья и оканья. Лингвистические карты по этой тематике были составлены П.П. Барашковым совместно с С.А. Ивановым. Для развития лингвистической географии большую роль сыграло участие якутских диалектологов в составлении «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», инициатором которого выступил В.М. Жирмунский. Теоретические принципы создания атласа и конкретные рекомендации к его составлению он представил на V региональном совещании по тюркской диалектологии в г. Фрунзе в 1965 г. и далее в ряде статей. В 1972 году ДАТЯ был включен в план НИР тюркоязычных регионов. В соответствии с этим решением, якутские диалектологи приступили к картографированию языковых особенностей отдельных диалектных зон по ранее заданным параметрам. Якутские диалектологи разработали и представили материалы по четвертой, сибирской, зоне [21, с. 4]. Были созданы атласы центральной, северо-восточной, северо-западной, вилюйской зон [5, с. 14–15]. Каждый атлас состоял из отдельных карт с комментариями, в некоторых случаях, сопровождался научными статьями. Материалы атласов позже были использованы во многих исследованиях по истории тюркских языков, в частности, в исследовании Н.Н. Широбовой, которая была координатором работ по составлению обобщенной карты по сибирской зоне. В своем исследовании «Отношение якутского языка к языкам южной Сибири» она представила «анализ изоглосс 20 якутских слов, собранных по Вопроснику «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» [22, с. 69]. Эти слова были объединены в четыре группы: 1) специфическая якутская лексика – изоглосса охватывает только якутские и долганские пункты; 2) якутско-огузские изоглоссы; 3) якутско-кыпчакские изоглоссы и 4) якутско-сибирские изоглоссы» [там же]. При этом, лингвогеографические данные продемонстрировали большое своеобразие якутского языка – 12 из 20 заданных слов представляют собой «специфическую якутскую лексику – изоглосса охватывает только якутские и долганские пункты» [там же].

Успехи в области лингвистического картографирования отдельных зон обусловили постановку задачи создания «Диалектологического атласа якутского языка» [7, с. 5]. На основе ранее составленных четырех региональных атласов был создан и издан «Диалектологический атлас якутского языка» в двух частях под авторством С.А. Иванова. В первую его часть вошли 82 карты, содержащие данные об изоглоссах распространения фонетических явлений, во вторую его часть – 36 карт по морфологии, 48 – по лексике. Они указывают на ареалы распространения тех или иных диалектных явлений. В атласе нашли отражение изоглоссы некоторых, наиболее важных для исторического развития диалектной системы морфологических и лексических различий. Подготовлены и размещены также карты, демонстрирующие диалектное членение якутского языка: диалектные ареалы архаизмов и инноваций, диалектные массивы и группы говоров. Всего в атлас включено 172 лингвистические карты, которые «отражают состояние якутских говоров середины XX века» [там же].

Якутские языковеды добились важных результатов и в области диалектной лексикографии. Задача составления диалектологического словаря якутского языка на базе материала по лексике говоров, собранного с дореволюционного периода по наши дни, фактически была реализована к концу 1976 г. выходом «Диалектологического словаря якутского языка» под авторством П.С. Афанасьева, М.С. Воронкина, М.П. Алексеева. Словарь содержит 8500 диалектных слов и словосочетаний. Источниками его послужили материалы ранее проведенных диалектологических экспедиций, словари Э.К. Пекарского, А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Т.Е. Сосина, некоторые произведения художественной литературы, фольклорные, этнографические тексты и т.д. Особенностью словаря по сравнению с аналогичными словарями, изданными в тюркоязычных республиках, является последовательное двуязычие и сравнительный материал. Он снабжен приложениями: указателем диалектных синонимов, составленным П.С. Афанасьевым, и списком диалектных названий полевых трав. Данный список не включает ранее приведенные в различных словарях названия, он составлен на основе гербария, собранного сотрудниками Института, а «определили растения ботаники Института биологии ЯФ СО АН СССР» [10, с. 374]. Словарь является первым диалектологическим словарем в истории якутской лексикографии. Жизнь показала необходимость продолжения работы в этом направлении. В связи с углубленным исследованием говоров якутского языка и расширения географии его изучения выяснилось наличие определенного пласта диалектной лексики, не зафиксированного ранее. В связи с этим встала задача составления дополнительного тома к упомянутому «Диалектологическому словарю якутского языка», работа над которым началась в 1986 г. и завершилась изданием в 1995 г. авторским коллективом в составе: М.С. Воронкина, М.П. Алексеева и Ю.И. Васильева. Словарь отличается от первого широким охватом территории. В качестве дополнения в него включены материалы диалектологических экспедиций по северо-западной, северо-восточной, вилюйской зонам и за пределами республики (в частности, в Бодайбо Иркутской

области, с. Тугур-Чумикан Хабаровского края), широко использован топонимический материал. Он также снабжен иллюстративным материалом. В изданных 2 диалектологических словарях в целом, отражены все наиболее важные особенности говоров якутского языка.

В настоящее время перед якутской диалектологией стоят насущные конкретные задачи определения степени сохранности особенностей говоров по диалектным зонам с применением новых методов опроса и анкетирования, изучения речи так называемых «внешних якутов» (*тас сахалар*) – магаданских, охотских, аяно-майских, удских, амурских, читинских, бодайбинских, катангских, разработки большого диалектологического словаря с этимологическими и иными справками на междисциплинарном уровне, установления социальных и культурных диалектов в условиях полиэтничности.

Список сокращений

ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка

ДАЯЯ – Диалектологический атлас якутского языка

Литература

1. Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. – 176 с.
2. Барашков П.П. Фонетические особенности говоров якутского языка. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. – 182 с.
3. Бетлинг О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. – 644 с.
4. Воронкин М.С. Саха диалектологиятын очерката: фонетика уонна морфология. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1980. – 239 с.
5. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика / отв. ред. Е.И. Коркина. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд., 1999. – 196 с.
6. Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка – Якутск, Якутское книжное изд-во, 1984. – 221 с.
7. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 1: Фонетика / ответственный редактор И.Е. Алексеев; составитель С.А. Иванов. – Якутск: Издательство ЯФ СО РАН, 2004. – 124 с.
8. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 2: Морфология и лексика / сост. д. филол. н. С.А. Иванов; отв. ред. д. филол. н., акад. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 177 с.
9. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
10. Диалектологический словарь якутского языка. – М: Наука, 1976. – 390 с.
11. Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1980. – 182 с.

12. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Новосибирский филиал Федерального государственного унитарного предприятия «Академический научно-издательский и книгораспространительский центр «Наука», 2017. – 392 с.
13. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 244 с.
14. Иванов С.А. Образование диалектной системы якутского языка. – Новосибирск: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Сибирское отделение Российской академии наук», 2021. – 256 с.
15. Иванов С.А. Центральная диалектная зона якутского языка: Фонетика. – Новосибирск: Наука, 1993. – 352 с.
16. Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка / отв. ред. к. филол. н. Н.Н. Широбокова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. ин-т яз., лит. и истории. – Новосибирск: Наука, 1992. – 267 с.
17. Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар. 2 т.: очерки по древ. истории якутов. – Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. – 328 с.
18. Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х – 1991 гг. Книга первая: Социогуманитарные направления. – Новосибирск: Наука, 2021 с. – 348 с.
19. Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка / Научно-исслед. ин-т яз., лит. и истории ЯАССР. – Якутск: Государственное издательство ЯАССР, 1945. – 34 с.
20. Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / ответственный редактор Л.Н. Харитонов; Акад. наук СССР, Ин-т яз., Ин-т яз., лит-ры и истории, Якут. фил. Сиб. отделения АН СССР. – М.: Академия наук СССР, 1960. – 151 с.
21. Ширалиев М.Ш. О подготовке диалектологического атласа тюркских языков СССР // Советская тюркология. – 1979. – № 2. – С. 4–8.
22. Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / отв. ред. д. филол. н. Л.А. Шамина; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Новосибирск: Наука, 2005. – 272 с.

I. ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ГРАММАТИКЕ И ФОНЕТИКЕ

УДК 811.512.157'28(091)

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АФФИКСЕ -ЛААХ В ТРУДАХ С.А. ИВАНОВА

Дьячковский Федор Николаевич

Аннотация. В статье представлен краткий обзор исследования имени прилагательного в якутском языке. Рассматриваются значения словообразовательного аффикса *-лаах* на основе диалектологических исследований С.А. Иванова. Этот суффикс присоединяется к различным именным формам, преимущественно к существительным, и подчиняется законам гармонии гласных и ассимиляции согласных. Словообразовательный аффикс *-лаах* имеет множество значений и многофункционален в синтаксическом плане. В историческом аспекте этот суффикс восходит к древнетюркскому аффиксу множественности *-laq /-läq*. Всё это – и смысл, и роль в предложении, и сходство в звучании с аффиксами *-лаах* и *-лаа* – говорит о том, что аффикс *-лаах* имеет причастное происхождение. С.А. Иванов, анализируя значение аффикса *-лаах* в говорах якутского языка, отмечает слова, которые обозначают масть животных, а также те, которые используются в эвфемистических выражениях. В результате лексикализации появляются названия животных, птиц, рыб и других существ. Кроме того, этот аффикс используется в многочисленных географических названиях.

Ключевые слова: якутский язык, словообразование, имя прилагательное, аффикс, семантика, говор.

Спиридон Алексеевич Иванов – выдающийся исследователь современной якутской диалектологии, внесший большой вклад в исследование закономерностей исторического развития звуковой системы и морфологии говоров якутского языка.

Общеизвестны труды С.А. Иванова в области сравнительно-исторической диалектологии и картографирования диалектных особенностей якутского языка. Им опубликованы монографические исследования «Аканье и оканье в говорах якутского языка» (Якутск, 1980); «Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика» (Новосибирск, 1993); «Морфологические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2014); «Лексические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2017); «Образование диалектной системы

© *Дьячковский Федор Николаевич*, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела якутского языка ИГиПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, fedjatschkov0801@mail.ru

якутского языка» (Новосибирск, 2021). Совместно с учёными-якутоведами П.П. Барашковым, М.С. Воронкиным, П.С. Афанасьевым и др. разработаны оригинальные приёмы и принципы составления сводного диалектологического атласа в двух частях: «Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты. Ч. I: Фонетика» (2004); «Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты. Ч. II: Морфология и лексика» (2010). В них отражены сводные схемы-карты и ареалы распространения отличительных лингвистических признаков четырёх диалектных зон якутского языка. Это результат картографической разработки диалектологических экспедиций в 50–70 гг. прошлого столетия. При составлении карт учтены исследования, представленные в диссертациях, монографиях и многочисленных публикациях, осуществленных на материалах для Атласа.

Одной из первых работ С.А. Иванова по якутской лингвистике является исследование морфологии лексико-грамматического разряда слов – имени прилагательного, которое представлено в «Грамматике современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология» (1982), изданной в академическом издательстве «Наука».

В данном разделе «Грамматики» материал по словообразованию имён прилагательных охватывает убедительную информацию о самостоятельности лексической категории. Классифицируя классы слов, Спиридон Алексеевич придерживался совокупности трех основных критериев выделения части речи – семантического, морфологического и синтаксического. Согласно этим критериям к именам прилагательным относятся слова, которые обозначают непроецессуальный признак в каком-то предмете. Как самостоятельную часть речи имя прилагательное отличают: а) отсутствие морфологических форм словоизменения при синтаксическом употреблении; б) наличие средств словообразовательных аффиксов; в) синтаксическое употребление в функции атрибута способом примыкания, дополнения, именной части составного сказуемого; г) наличие специфической системы средств усилительных и уменьшительных форм; д) сочетаемость с наречиями меры и степени в качестве определяемого слова; е) наличие формы образования наречия; ж) наличие формантов говорит о субстантивации прилагательных, т.е. прилагательные могут иметь категорию числа, склонения, принадлежности, если они переходят в категорию существительных [1, с. 156–171].

В последующих работах «Морфологические особенности говоров в якутском языке» [4] и «Лексические особенности говоров в якутском языке» [5] Спиридон Алексеевич последовательно продолжал свою линию в выделении адъективного слова от других частей речи и высказал совершенно справедливую точку зрения о том, что «в современном якутском языке имя прилагательное довольно четко выделяется среди именных частей речи по своим специфическим лексическим, морфологическим и синтаксическим признакам. Субстантивация прилагательных (*сылаас* ‘теплый’, ‘теплота’, ‘тепло’, *аһыы* ‘кислый, горький’, ‘кислота’, ‘горечь’, *аһыылаах* ‘имеющий клыки’, ‘клыка-

стый', 'хищник'), употребление имен в функции прилагательного (*масдыэ* 'деревянный дом', *тимиророн* 'железная кровать'), а также отдельных слов (*тонг* 'мерзлый', 'мерзлота', 'мерзнуть', *тот* 'сытый', 'сытость', 'насыщать-ся'), сохраняющих пережитки древней общности имен и глаголов, не могут говорить о недостаточной дифференцированности прилагательных и существительных в якутском языке» [4, с. 89].

К тому же на огромном фактическом материале подробно были рассмотрены морфемная и словообразовательная структура диалектных имён прилагательных, не характерных для якутского литературного языка: (*буу* (у.-янск.) 'тощий, худой, слабый, бедный', *буучара* 'малый, захудалый, недоразвитый', *алдьаас* (кол., инд., верх., сакк., у.-янск.) 'состарившийся, одряхлевший, выживший из ума', *саарыны* (кол., инд., у.-янск.) 'глуповатый', *боспуйадыэ* 'уютный дом', *дураал* 'спокойный', *дураан* 'тихий', *дурсун* (сунт.) 'бурный, пылкий', *куомай* 'бедноватый'), а также формы интенсива, образующиеся путем редупликации: *ып-ыраас* 'чистенький', 'совершенно чистый', *хап-хара* 'черный-пречерный', *кып-кыһыл* 'очень красный' и др. [4, с. 90].

Эти исследования были посвящены аффиксальному способу словообразования при помощи общеякутских аффиксов, употребляющихся исключительно для образования производных прилагательных, а также образованию сложных составных слов: *байтал*: *байтал биз* (ср.-кол.) 'нагульная кобыла', *балчарбан*: *балчарбан куннаах* 'с крупными мышцами, мясистый' – о животном, *мобульдьюор-монгольдьюор*: *могульдьюормуос* 'тупой рог', *салбамды*: *салбамды чэй* 'дополнительный прием пищи до еды', *самсалбан*: *самсалбан сырыы* (кол.) 'скандальная поездка', *баадыынны* (бул.) 'прежний, прошлый', *кэрэгэй*: *кэрэгэй дьон* (бул.) 'отсталые люди', *ньяамабай* (вил.) 'податливый', *һайдаангы* (нюрб.) 'летний' – от *сай* 'лето'.

В связи с вышесказанным остановимся на те моменты, которые относятся к диалектным различиям в словообразовании имени прилагательного на *-лаах*.

Во-первых, при описании аффикса *-лаах* (...) Спиридон Алексеевич проводит подробный обзор различных точек зрения на происхождение словообразовательных аффиксов. Не вдаваясь в подробности, происхождение аффикса *-лаах* (...) в тюркологии рассматривается по-разному. Одни учёные считают (авторы СИГТЯ, 1986; Щербак, 1977; Кононов, 1980), что данный аффикс по значению восходит к тюркским *-лыб/-лиг*, *-лык/-лик* и *-лы/-ли*. По мнению С.А. Иванова, «указанные аффиксы, в том числе аффикс *-лаах* (...), генетически связаны с древним сложным аффиксом собирательности-множественности, состоящим из двух показателей множественности» [4, с. 93]. Соглашаясь с В.В. Радловым, он считал, что аффикс *-лаах* с долгим *-аа-* никак не может соответствовать ни *-лыб*, *-лиг* древнетюркского, ни *-лык*, *-лик* уйгурского, так как этот аффикс в южных и западных тюркских языках сократился в *-лы*, *-лу*, *-ли*, *-лу*, а в алтайском звучит как *-луу*, *-луу* [4, с. 93]. Отсюда следует допустить, что якутский аффикс *-лаах* (...), по-видимому, не восходит, как принято считать в со-

временной тюркологии, к древнетюркскому аффиксу множественности *-lġq, -lġk, -lġq, -lġq*, а соответствуют другому аффиксу множественности *-laq, -lġk*: *aslaq* ‘кушанья, яства’, *atlaq* ‘кони’, *itlaq* ‘свора собак’ и т.д. 6, с. 18; *билге-лек* ‘мудрецы’, *сүв-лак* ‘место, обильное водой’, *ав-лак* ‘место, богатое дичью’ и т. д. [6, с. 93. Отголоски древнего значения собирательности-множественности аффикса *-лаах* (...) улавливаются в сочетаниях *икки атахтаах* ‘люди, человечество’, *саха тыллаах* ‘якутоязычные’, *сүүрэр атахтаах* ‘животные’, *көтөр кынаттаах* ‘птицы, пернатые’.

Во-вторых, в структурно-семантическом анализе производящих основ перечисляются словообразовательные возможности аффикса *-лаах*:

- аффикс *-лаах* (*-даах, -наах, -таах*) имеет значение «обладания» в литературном якутском языке, но и в его говорах, сочетаясь с предметными именами, обозначает как признак или свойство предмета, и употребляется в качестве примыкающих определений: *быарабаастаах* ‘имеющий рыболовную удочку’ – от *быарабас* (кол., инд., верх., сакк.) ‘рыболовная удочка’; *баҕадылаах* (*саа*) ‘лук со стрелой’ – от *баҕады* (кол., ойм., аб.) ‘стрела (лука)’; *албаннаах*: *албаннаах оҕо* ‘капризный ребенок’ (сунт.) [2, с. 43]; *амныалаах*: *амныалаах мас* ‘невероятно много дров’ – от *амныа* (кол.) ‘немалый’ [2, с. 52];

- при помощи аффикса *-лаах* в значении существительных появляются доминирующая функция эвфемизма: *баттахтаах* вм. *ойуун* ‘шаман’ (лен.) [2, с. 61]; *кулбаахтаах* вм. *хаххан* ‘филин’ (татт.) [2, с. 121]; *кутуруктаах* вм. *бөрө* ‘волк’ (аб., вил., коб., нюрб., олекм., сакк., сунт., токк.) [2, с. 129]; *арбахтаах* вм. *эһэ* ‘медведь’ (инд.) [3, с. 42] и т.д., мотивированные именами существительными *баттах* ‘волосы’, *кулгаах* ‘ухо’, *кутурук* ‘хвост’, *кыры* ‘лезвие, остриё’, *арбах* ‘берлога’, *бэлиэ* ‘метка’, *дьураа* ‘полоска, линия’;

- аффикс *-лаах* в якутских говорах может придавать слову значение преувеличения: *улаханнаах быһах* ‘очень большой нож’, *бэртээх киһи* ‘очень хороший человек’, *үчүгэйдээх кэпсээн* ‘очень интересный рассказ’ [4, с. 91]. Значение множественности явно сохранилось в местоименной основе *кимнээх* ‘кто такие’, но и встречается *кимнээхтэр* ‘кто такие’, которые принимают иногда аффикс принадлежности: *кимнээхпит*, *кимнээхтэрбит* ‘кто это (наши) такие’ [4, с. 91];

- аффикс *-лаах* (...), присоединясь к причастиям, образует сложную временную форму долженствовательного наклонения глагола: *барар-даах-нын* ‘я должен идти’; *барбыт-таах-нын* ‘мне пришлось однажды уйти’; *барыхтаах-нын* ‘я должен идти’ и т. д.;

- с аффиксом *-лаах* (...) появились многочисленные географические названия: *Арбахтаах* (кол.) – озеро от *арбах* ‘берлога’, *Чокуурдаах* (алл.) – нас. пункт от *чокуур* ‘ремень/кремневый’, *Сордонноох* (вил.) – озеро от *сордон* ‘щука/щучий’, ‘имеющий щук’ и т. д.

- встречаются случаи, когда имена с аффиксом *-лаах* (...) употребляются в значении совместного падежа. *Арай кыһа киһилээх* (вм. *киһилиин*) *олорор* ‘Лишь дочь его с человеком (досл. человека-имеющая) сидит’ [4, с. 91–92]. Автор считает, что «такие конструкции не чужды и другим говорам якутского

языка, но они употребляются преимущественно для выражения принадлежности и совместности. В некоторых случаях аффикс *-лаах* выполняет роль союзного слова при однородных членах предложения: *кулуннаах биэ* ‘жеребенок и кобыла’, ‘кобыла с жеребенком’; *уоллаах кыыс оҕолоохтор* ‘они имеют дочку и мальчика’» [4, с. 92].

Из небольшого отрывочного обзора об аффиксе *-лаах* в исследованиях С.А. Иванова видно, что архаичный аффикс *-лаах* в системе словообразования якутского языка сохраняет двойственную природу, занимая промежуточное положение между словообразованием и словоизменением, с одной стороны, полностью или частично модифицирует, уточняет значение производящей основы, другой – образует только форму слова, т.е. значения производящей и производной основ дублируют друг друга. Как было сказано выше, первичное значение «множественности», «совокупности» аффикса *-лаах*, по-видимому, постепенно получает дальнейшее морфологическое развитие, принимая значение «обилия», «наличия», «обладания» и т.д.

Следует отметить, что словообразовательный потенциал аффикса *-лаах* огромен, он присоединяется к именам существительным и принимает значение ‘обладания кем-, чем-либо’ (*дьиэлээх* ‘имеющий дом’ – от *дьиэ* ‘дом’), именам прилагательным (*табыгастаах* ‘подходящий, благоприятный’ от *табыгас* ‘меткий’, *сөптөөх* ‘правильный, верный’ от *сөп* ‘верный, точный’), числительным (*сэттэлээх* уол ‘семилетний мальчик’ – от *сэттэ* ‘семь’), местоимениям (*кимнээх*, *кимнээхтэр* ‘кто такие’ – от *ким* ‘кто’), причастиям (*кэпсиирдээх* ‘имеющий что рассказать’ – от *кэпсиир* ‘рассказывать’).

Подводя итог данной статьи, представляется возможным вывод о том, что исследования С.А. Иванова всегда будут представлять большой интерес не только для тюркологии, но и для алтаистики в целом.

Список сокращений

- аб. – абыйский говор
- верх. – верхоянский говор
- вм. – вместо
- досл. – дословно
- инд. – индигирский говор
- кол. – колымский говор
- лен. – ленский говор
- нас. пункт – населенный пункт
- нюрб. – нюрбинский говор
- ойм. – оймьяконский говор
- олем. – олекминский говор
- сакк. – саккырырский говор
- сунт. – сунтарский говор
- татт. – таттинский говор
- токк. – токкинский говор
- у.-янск. – усть-янский говор

Литература

1. ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – 495 с.
2. ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
3. ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
4. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
5. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
6. СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

УДК 811.512.157'367.63

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТРУДАХ С.А. ИВАНОВА*Иванова Ирина Борисовна*

Аннотация. В данной статье представлен краткий обзор научных трудов по морфологии и лексике якутского языка диалектолога С.А. Иванова. Рассмотрены диалектные и этимологические особенности словообразующих аффиксов, производных имен и числительных. В результате прорисовывается картина исторического происхождения якутского языка, основанная на сравнительно-сопоставительные языковые данные. Особое внимание уделяется отличительному характеру каждого форманта. Выводы С.А. Иванова заключаются в том, что: аффиксальные элементы являются зачастую составными; аффикс *-һыт* возник на якутской почве из тюркского языкового материала и считается составным, состоящим из тюркского аффикса *-чы* и древнейшего показателя множественности *-т*; выявляется 256 семантических групп с универсальным глагольным аффиксом *-лаа*; диалектная лексика обогащается за счет лексикализации метафорических переносов прямых значений отдельных слов, включая служебные слова.

© *Иванова Ирина Борисовна*, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, imenaotglagola@rambler.ru

Ключевые слова: якутский язык, грамматика, история изучения языка, лексика, морфология, словообразование, аффиксы.

Цель статьи – раскрыть вклад ученого на основе морфо-синтаксических, морфо-лексических особенностей производных имен и словообразующих аффиксов. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: обзор изучения трудов С.А. Иванова, выявить морфо-синтаксические и этимологические особенности имен и числительных.

Одной из наиболее разработанных направлений тюркологии является словообразование. Его изучение в тюркских языках насчитывает длительную историю. В основном внимание первых исследователей тюркских языков было обращено на словообразовательные аффиксы [10, с. 137]. В частности, они рассмотрены в «Башкирское именное словообразование» [2], «Карачаево-балкарское именное словообразование. Опыт сравнительно-исторического изучения» [12, с. 282–284] и т. д. Их отличительной чертой является то, что в них впервые в тюркологии сделана попытка компаративистского освещения проблем глагольного и именного словообразования.

С.А. Иванов является основателем якутской сравнительно-исторической диалектологии, который первым из якутоведов внедрил изучение якутских говоров методами лингвистической географии, ареальной лингвистики и другими приемами сравнительно-исторического языкознания. Несмотря на то, что диалектные различия в современных якутских говорах незначительны, Спиридон Алексеевич сумел воплотить общую диалектную картину якутского языка, учитывая все нюансы большой территории: «Некоторое отличие наблюдается только в тех основах, которые образуются посредством общераспространённого аффикса от какого-то диалектного слова различной языковой принадлежности или же от общераспространённых слов при помощи малопродуктивных или омертвевших формантов разного происхождения» [6, с. 16].

Итак, С.А. Иванов в работе «Морфологические особенности говоров якутского языка» высказывает определённые предположения относительно исторического происхождения того или иного словообразующего аффикса. По мнению С.А. Иванова, аффиксальные элементы являются зачастую составными, что требует специального квалифицированного этимологического анализа, в них часто отражаются историческое развитие и взаимовлияние различных языков и диалектов [6, с. 19]. Автор описывает происхождения производных существительных с показателями, например, на *-һым* (15 наименований): *суруйууһум* (долг.) ‘журналист, корреспондент’, *булууһум* (в.-кол.) ‘охотник’ – от диалектного слова *булуу* (аб., верх., ойм., кол., татт.) ‘охота, промысел; добыча; промысловые звери и птицы’ [4, с. 70–71]. С.А. Иванов утверждает, что в якутском языке аффикс *-һым* возник на якутской почве из тюркского языкового материала и считается составным, состоящим из тюркского аффикса *-чы* и древнейшего показателя множественности *-т*. Элемент *-т* в якутском аффиксе *-һым* ‘по-видимому, сообщает основному значе-

нию аффикса *-чы* идею многократности, собирательности, повторяемости' [6, с. 28].

Интересно, что аффиксы *-каан (-чаан)* в некоторых случаях не выражают эмоциональной оценки уменьшительности, ласкательности, или пренебрежительности, выполняют словообразовательную функцию. Аффикс *-каан (-чаан)* встречается в монгольских, тунгусо-маньчжурских, якутском языках, при помощи которого производные слова образованы от основ эвенского и эвенкийского языков (вероятно, от языка аборигенов северной горно-таёжной зоны) [6, с. 18]: *котокоон* (ойм.), *хотохоон*, *кутукаан* (кол.) 'короткая пальма' – эвенк. [4, с. 115, 128], *бочукаан* (бул.) 'детёныш горного барана' [4, с. 67], *сатыыкаан* 'брусника' [4, с. 204], *табысхаан* (амг., бул., вил., ес., коб., нюрб., канг., сун., татт., у.-алд., чур.) 'заяц' [4, с. 233] и т.д.

Уникальность Спиридона Алексеевича как лингвиста заключается в том, что он очень аккуратно и скрупулезно относился к сбору и фиксации огромного языкового материала, всегда делал много пометок, ссылок, предположений и т. д. Например, при описании имен существительных с аффиксом *-ба* (в количестве 12 наименований) обязательно указывает каждое значение, откуда данная лексема взята: *хатарба* 1. (татт.) 'высушенная молочная пенка (*үрүмэ*)'; 2. (бул., верх., долг., сакк.) 'не одобренная жиром лепёшка'; 3. (у.-майск.) 'сушёные мясо, рыба' [4, с. 290].

В монографии «Лексические особенности говоров якутского языка» (2017) автор показал семантическое содержание аффиксальных и и корневых элементов, в результате которого выявил 256 семантических групп с универсальным глагольным аффиксом *-лаа*. Спиридоном Алексеевичем были полностью рассмотрены все способы словообразования диалектной системы якутского языка, такие, как лексико-синтаксический, лексико-морфологический, лексико-синтаксический (словосложение). При этом автор на большом материале раскрывает то, что диалектная лексика обогащается за счет лексикализации метафорических переносов прямых значений самостоятельных и даже служебных слов. Кроме того, особо выделена лексикализация многочисленных атрибутивных и изафетных словосочетаний. При этом показано, что различные лексико-синтаксические сочетания путем лексикализации приобретают терминологическое значение в определенных тематических группах: названия разновидностей насекомых, плодов, кустарников, трав и т. д.

При описании диалектных морфологических особенностей имени числительного как самостоятельной части речи Спиридон Алексеевич отметил, что не обнаружил особых «диалектных» числительных, но предоставил тщательное изучение числительных, заимствованных из тюркских языков, привел обилие доказательных сравнительно-сопоставительных материалов из работ лингвистов-тюркологов, как А.Н. Кононов, О.Н. Бетлингк, А.М. Щербак и др. [6, с. 102–120]. В труде рассмотрены функционально-семантические особенности употребления и словообразования числительных. Особое

внимание было уделено изучению порядковых числительных в тюркологии, названий месяцев лунного года в якутском языке и его диалектах.

В статье «Общезакские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству» [8, с. 56–65] Спиридон Алексеевич приводит солидный материал лексических единиц якутского языка, и выявляет наличие признаков взаимовлияния скотоводческих племён и народов евразийского континента. Особое внимание привлекли описание и точное исследование этимологии изречений *хара сүүрүк* ‘бесчисленное множество рогатого скота’ и *үрүҥ сүүрүк* ‘бесчисленное множество конного скота’, которые были зафиксированы ещё О.Н. Бётлингом [1, с. 644] и Э.К. Пекарским [9, стлб. 2412]. Известно, что якутское слово *сүүрүк* соответствует др.-тюрк. *sürüg* ‘стадо, табун’ [5, с. 518] и п.-монг. *sürüg* ‘стадо, стая’ [11, с. 195]. Якутский *сүүрүк* ‘стадо, табун’ есть монголизм в якутском языке, но в монгольских языках – заимствование из какой-то древнетюркской идиомы. Др.-тюрк. *sürüg* ‘стадо, табун’ развивалось из др.-тюрк. глагола *sür* ‘гнать, прогонять’ [13, с. 367-368].

Таким образом, изучив материалы, относящиеся к теме словообразования, аффиксам или производным словам в работах С.А. Иванова, понимаем, что они представляют собой неоценимый вклад в развитие не только якутской диалектологии, но и якутского языкознания и словообразования в целом.

Список сокращений

- аб. – абыйский говор
- амг. – амгинский говор
- бул. – булунский говор
- верх. – верхоянский говор
- вил. – вилуйский говор
- в.-кол. – верхнеколымский говор
- долг. – долганский язык
- др.-тюрк. – древнетюркский язык
- ес. – есейский говор
- канг. – кангаласский говор
- коб. – кобейский говор
- кол. – колымский говор
- нюрб. – нюрбинский говор
- ойм. – оймьяконский говор
- п.-монг. – письменный-монгольский
- сакк. – саккырырский говор
- сун. – сунтарский говор
- татт. – таттинский говор
- у.-алд. – усть-алданский говор
- у.-маиск. – усть-майский говор
- чур. – чурапчинский говор
- эвенк. – эвенкийский язык

Литература

1. Бетлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск, 1989. – 644 с.
2. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. – Уфа, 1959. – 223 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 495 с.
4. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
5. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
6. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
7. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
8. Иванов С.А. Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 2(23). – С. 56-65.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – М., 1959. – 3 Т. – 3858 стлб.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988. – 557 с.
11. Тодаева Б.Х. Язык монголов внутренней Монголии: Материалы и словарь. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
12. Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование: Опыт сравнительно-исторического изучения. – Черкесск, 1971. – 302 с.
13. Этимологический словарь якутского языка. – М., 2003. – 446 с.

УДК 811.512.157

**ДИАЛЕКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК ПЕРИФЕРИЙНЫЕ
СРЕДСТВА КАТЕГОРИИ БЫТИЙНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.Е. КУЛАКОВСКОГО)**

Сивцева Наталья Александровна

Аннотация. В статье рассматриваются диалектные глаголы в качестве периферийных средств выражения категории бытийности в якутском языке на материале лингвистического наследия А.Е. Кулаковского, основателя якутской художественной литературы и исследователя. Указано, что обширный диалектологический материал якутского языка представлен в его работе «Наречия

© *Сивцева Наталья Александровна*, кандидат филологических наук, и.о. заместителя директора по научной работе, старший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, sivna@mail.ru

разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов», датированной 1925 г., и изданной в 1946 г. в сборнике его научных трудов под названием «Статьи и материалы по якутскому языку». На примере диалектных глаголов, зафиксированных А.Е. Кулаковским в указанной работе, определено, что собранный им фактический языковой материал может послужить одним из источников для функционально-семантических изысканий в диалектологическом аспекте.

Ключевые слова: категория, бытийность, функционально-семантическое поле, средства выражения, ядро, периферия, якутский литературный язык, диалект, глагол, А.Е. Кулаковский.

Глаголы бытия – это глаголы, называющие процесс бытия, существования, наличия [1, с. 66]. В данной статье глаголы рассматриваются как периферийные средства категории бытийности на материале диалектной лексики якутского языка. В этой связи интересным является представление данного вопроса на примере лингвистического наследия А.Е. Кулаковского, поэта, основателя якутской художественной литературы и ученого-лингвиста. Обширный диалектологический материал якутского языка представлен в его работе «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов», датированной 1925 г. Данная работа является интересной также и тем, что в ней изложены воззрения А.Е. Кулаковского об особенностях диалектной системы якутского языка, представлена ее классификация. Впервые данная работа была издана в 1946 г. в сборнике его научных трудов под названием «Статьи и материалы по якутскому языку» [2, с. 75–99]. Исследователи, определяя значение данной работы А.Е. Кулаковского в истории якутской диалектологии, отмечают, что в ней предпринята одна из первых попыток классификации говоров якутского языка [3, с. 77; 4, с. 6, 153].

Указанная работа А.Е. Кулаковского была составлена в середине 20-х гг. прошлого века, в начале формирования якутского литературного языка, когда деятелями культурного строительства республики отчетливо осознавался и его наддиалектный характер. Все диалекты имеют равные права претендовать в выборе основы зарождающегося литературного языка, что стало причиной одной из самых острых проблем данного периода, а именно – обозначения и обоснования одного из диалектов в качестве основы якутского литературного языка. В основу якутского литературного языка был положен диалект Якутского округа, а точнее Ботурусского улуса, что было обусловлено объективным, спонтанным и стихийным характером зарождения литературного языка [5, с. 118–119]. Данный диалект территориально относился к центральной части Якутии, среди многих представителей которой были первые писатели, видные культурные и общественные деятели. Как пишет П.А. Слепцов, «объективно-историческое значение первых диалектологических изысканий, заметок и экскурсов в различных статьях, учебных пособиях, грамматиках и программах

заклучалось именно в том, что они давали ориентир и некоторую опору для сознательного отталкивания от региональных явлений при выработке единых литературных норм» [6, с. 127]. Впоследствии закономерный и типичный путь развития нормы литературного языка проявился в отмежевании от узких региональных вариантов, отрицании территориальных форм существования языка [6, с. 127].

В работе А.Е. Кулаковского «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов» богатая диалектная лексика якутского языка представлена в переводе на говор одного из улусов Якутского округа, названный им как «таттинское наречие». Появление этой работы является свидетельством того, что в то время по объективным причинам центральный языковой комплекс в той или иной степени начал доминировать над другими диалектами якутского языка. В ней представлено стремление А.Е. Кулаковского упрочить, утвердить его статус в качестве основы якутского литературного языка, что в ее предисловии им объяснено следующим образом: «Наречия разных улусов, округов и местностей переведены на таттинское наречие, как наиболее распространенное и сохранившее свою девственную чистоту от чуждого влияния» [7, с. 389].

Тем не менее, А.Е. Кулаковский не подходил к решению рассматриваемого вопроса односторонне. Представляя «таттинское наречие» в качестве основного диалекта, в то же время он видел в разнообразии диалектной системы якутского языка источник обогащения нормированной лексики. Таким образом, он изначально обозначил проблему обогащения литературного языка из диалектных ресурсов, что указывает на его глубокое понимание функциональной разнородности, семантического многообразия диалектной лексики.

По мнению исследователей, диалектная лексика с позиции семантики состоит из двух больших групп. К первой группе относятся слова, имеющие в литературном языке синонимические дублиеты и интенсивно архаизирующиеся. Ко второй отнесены слова, не имеющие в литературном языке однозначных дублиетов, значения которых могут быть переведены только описательно. Они «в принципе могут и должны пополнять лексику литературного языка» [6, с. 131–132]. В рассматриваемой работе А.Е. Кулаковского слова, составляющие первую группу, можно обнаружить в разделах, в которых изложена диалектная лексика различных якутских улусов: *муруку – моботой, дырики; көйөрөр – чабычах, мэхэмээн; ньөөкө – өйүө, үтэ, ыһык; тонсохо – тумус, мурун; атас, ньаадьы – саарба, киис; тонобоc – тэмэллыгэн; кэдиргэх – долборук; онголо – тиин; орсооху – күтэр; сынабы – хамыйах; хоруоскай – мороду; чөкөт – сүөгэй; ырыына – элгээн; издэтэр, мотуйар – ытык; ой – ойуур; тайах абабата – бүүчээн* и т. д. Они также отдельно изложены в XV и XVI разделах, при этом распределены как старинные устаревающие (*анаар – көр; аар – ытык, кырдыабас; аас – мабан, үрүн; далбыкта – танас, сон, куйах; үрүн үйэн – кырынаас*) и старинные устаревшие слова (*көбүл олох – бастын орон; дьогдбуур олох – оттоку олох; тэгийл олох – атах орон; дархан олох – биллирик; налыгыр олох – кэтэбиришин олох* и т. д.).

Слова, характерные второй группе, представлены наиболее широко: *анньынар – бултуурга кэтэр этэрбэс; кунньалгы – туһах баайар урабас; ойоѳостотор – дьѳолутэ астаран ыалдьар; буотак – ыттар аалыктарын сүрүн быата; ньууѳары – табаны миинэн иһэн тайах гынар мас; мэйлэ – муора арыытыттан тахсар дьишкэй таба; үктүөччү – атабынан илбийэр илбиһит (массажист); ахтамы – улаатан баран аттамыт таба; дьабала – сутуруолуун үргүллү этэрбэс; чорчохоот – дьиэбэ кэтэр кылгас этэрбэс; ымаѳа – харахтыын, тумустуун хатыр маѳан тугут (альбинос); самсалѳан – түбүктээх, тиэтэллээх, айдааннаах сырыы; нонсолѳон – өрөһөлөммүт сүүрүк и т. д.*

Небольшое предисловие труда «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов» примечательно тем, что в нем изложены воззрения А.Е. Кулаковского об особенностях диалектов якутского языка. В результате сравнительного анализа собранного диалектологического материала он представил следующую классификацию диалектов якутского языка: «...Оймяконское наречие такое же, как и у баягантайцев сеймчанцев, живущих за тысячу верст на юго-запад и северо-восток от Оймякона, что объясняется общностью происхождения жителей этих районов. Намский говор подходит на таковой же Борогонского и Дюпсинского улусов, соседних с ним и составлявших когда-то один улус. В говорах Олекминского и Вилюйского округов замечается много общего, так как последний в течение столетия обганивал Якутско-Иркутский тракт, пролегающий через Олекминский округ. Говор колымчан очень близко подходит к говору Абыйского и Усть-Янского улусов. Говоры двух Кангаласских улусов тождественны между собою и отличаются от говора всех прочих якутов тем, что они текут немного быстрее, как бы речитативом, отсутствием плавности и удвоением звука «н» в 1-м творительном падеже ед. ч.» [7, с. 389–390]. Здесь необходимо отметить, что в основу данного разделения якутского языка на диалекты положено дореволюционное административное деление Якутии. При классификации якутских диалектов А.Е. Кулаковский учитывал исторически сложившуюся общность их происхождения, принимал во внимание характер связей между улусами и округами, по его мнению, также объясняющий сходные особенности их диалектов, основывался на собственных наблюдения и на результаты собранного языкового материала.

Утверждение А.Е. Кулаковского о том, что не все слова, приписываемые какому-нибудь улусу или округу, известны всем жителям этого улуса или округа, также указывает на его внимательный и тщательный подход в анализе диалектологического материала [7, с. 389]. Как считают исследователи, данное его утверждение действительно отражает явление, выявляемое в сравнительном анализе диалектологических материалов, и поэтому представляет большой интерес в изучении особенностей диалектов якутского языка [8, с. 21].

Не менее интересным является объяснение А.Е. Кулаковского происхождения диалектной раздробленности якутского языка. По его мнению, образованию якутских диалектов отчасти способствовало то, что древние якуты не смели про-

износить названия своего тотема или имени своего родоначальника [7, с. 390]. Другими словами, генезис диалектов якутского языка он связывает с индивидуально сформированной табуированной лексикой, принадлежащей каждому определенному якутскому роду.

У А.Е. Кулаковского было желание, чтобы собранный им диалектологический материал пополнил составляющийся тогда «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского [7, с. 390]. Это также указывает на его стремление обогатить формирующийся тогда якутский литературный язык диалектной лексикой. Он допускал недостатки в своей работе как одного из первых опытов по сбору и систематизации диалектных материалов якутского языка, поэтому отметил, что «таковой пробел со временем кто-нибудь должен пополнить» [7, с. 390].

В других научных трудах А.Е. Кулаковского также можно обнаружить обозначенные им диалектизмы. Так, в работе «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)» к некоторым словам и словосочетаниям в скобках дополнительно приведены сведения о территории их распространения: *боһулуонай* (Оймякон, Мома) – см. «*бэстилизэнэй*»; *буора́м* (Сеймч.) – см. следующ. сл., *илиэһэй, лээһэй* – (Оймякон.) – леший; *маала* (Сеимчан) – от «мало»: мало-мальски (лучше, больше); *малчагы гын* – промолчать (Жиганск. вол.); *наака* – от «на-ка» кукиш (Верх.); *саабыл таки* – забыл (Жиганск. ул.); *сааһас* – западн. ветер (Жиганск. ул.); *сиибэр* – север (Жиганск. ул.); *үгээр* (Оймяк., сеимч.) – от «угар»: поветрие. В работе «Виды животного и растительного царств, известные якутам» диалектизмы приведены в составе синонимического ряда якутских названий флоры и фауны: *солото* (Татта), *солондо* (Канг.), *амсыыр, амчыкаа* (Вилюйск.) – колонок (*Mustela sibiricus* Pall.); *сиэгэн, хобороонку, хобороот* (Верхоянск), *салтарай* (Жиганск) – росомаха (*Gulo gulo* L.); *кукаакы, кикээки* (Верхоян.), *ньохооху* (Верхоян.), *искэх сиэччи* (Усть-Ян.), *чочоокуй* (Абый), *сыамсах* – ронжа, сойка (*Yarrulus glandarius* L.), *кукша* (*Perisoreus inauustus*) [9, с. 316–377].

В якутском языке функционально-семантическое поле бытийности, объединяющее микрополя с именным и глагольным ядром, состоит из разноуровневых средств, рассредоточенных по принципу «центр – периферия». Глаголы и формы глагола (причастия и деепричастия), наиболее специализированно указывающие на фазы процесса существования/несуществования, бытия/небытия, а также конструкции с ними представляют ядро микрополя бытийности, выражаемого глагольными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. Глаголы и формы глагола (причастия и деепричастия), наименее специализированно обозначающие фазы процесса существования/несуществования, бытия/небытия, обладающие наименьшей регулярностью использования в коммуникации, а также конструкции с ними, вспомогательные глаголы бытия, постепенно удаляясь от центра, в разной степени рассредоточены от него. В этой связи диалектные глаголы, называющие процесс бытия, существования, наличия, можно отнести к периферийным средствам выражения категории бытийности в якутском языке, по-

сколько базовые глаголы бытия в якутском языке, отображающие типовую семантику определенной лексико-семантической группы, будучи употребительными, обладая широкой сочетаемостью в качестве выражения литературного языка, составляют ядро микрополя указанной категории. Здесь представляется уместным привести результаты исследования глаголов бытия, изложенных в дополнительном томе «Диалектологического словаря языка саха» [10]. Выявлено, что в указанном источнике обнаружено всего 16 глаголов бытия: 4 глагола со значением начало бытия и 12 глаголов со значением конец бытия. Общий обзор структурного состава выявленных бытийных глаголов показал, что они в рассматриваемых словарях представлены собственно глаголами и сложными глаголами. Другими словами, выявленные из «Диалектологического словаря языка саха» 16 глаголов бытия являются периферийными средствами категории бытийности в якутском языке. Примеры: *һуөккэн* в значении *төрөө* 'рожать' *Мин кыһым балыаһаҥа Һуөккэнэ кирбитэ* Моя дочь легла в больницу 'рожать' [10, с. 176]; *тэһэй* в значении *уөскээ* 'возникать, образовываться' *Боппуруос тэһэйэн тахсар* 'возникает вопрос' [10, с. 201] и т. д.

Диалектные глаголы, называющие процесс бытия, существования, наличия, изложены в работе А.Е. Кулаковского «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов». Примеры:

- *чокуттар* в значении (*эмискэ*) *өл* 'внезапно умереть': *чокуттаран түстэ* [7, с. 394]. Лексема *өл* 'умереть' относится к глаголам с общим значением конец бытия, исчезновение. В указанной работе А.Е. Кулаковского дается дополнительное уточнение, что используется в отношении человека, а также определено действие, указывающее на характер его исполнения: *эмискэ* 'упал сверху'. Сочетание, выраженное деепричастием *чокуттаран (өл)* 'умереть внезапно (сразу, без всякой болезни, от прилива крови, кровоизлияния)' [11, стб. 3634] и служебным глаголом *түстэ* 'упал сверху', А.Е. Кулаковским зафиксировано в разделе «*Бүлүү тыла*» («Язык Вилюя»).

- *буоссаа* в значении (*эһэни*) *буоссаа* 'убить (медведя)' [7, с. 410]. Здесь диалектный глагол *буоссаа* 'бить', обозначающий процесс конца бытия, исчезновения, изложен в разделе «*Булчуттар, айанныттар тыллара*» («Язык охотников, путников») с пояснением, указывающим на то, в отношении кого она используется: *эһэни буоссаа* 'убить (медведя)';

- *түһэн хаал* в значении *сүтэн хаал* 'исчезнуть (внезапно)'. В указанной работе А.Е. Кулаковского данный сложный глагол приведен в форме *түһэн хаалбыта*, выраженной деепричастием *түһэн*, образованным от глагола *түс* 'уронить, спускать, опускать', и служебным глаголом в 3 л. ед. ч. в преждепрошедшем повествовательном времени *хаалбыта* 'остался', и обозначает процесс конца бытия, исчезновения, а именно «исчезновение с точки зрения воспринимающего субъекта» [7, с. 68]. Представлено в разделе «*Аанньаах (Өлүөхүмэ) тыла*» («Язык Аньяк (Олекмы)»). Указанные диалектные глаголы, зафиксированные А.Е. Кулаковским, обладая функциональной и территори-

альной ограниченностью, относятся к периферийным средствам выражения категории бытийности в якутском языке.

Таким образом, диалектные глаголы, называющие процесс бытия существования, наличия, представляют периферийные средства выражения категории бытийности в якутском языке. Собранный А.Е. Кулаковским фактический языковой материал может послужить одним из источников для функционально-семантических изысканий в диалектологическом аспекте.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
2. Кулаковский А.Е. Статьи и материалы по якутскому языку. – Якутск: кн. изд-во, 1946. – 152 с.
3. Воронкин М.С. О диалектном членении якутского языка // Советская тюркология. – 1983. – № 5. – С. 77–83.
4. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика / М.С. Воронкин; Отв. ред. д.филол.н. Е.И. Коркина Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1999. – 194 с.
5. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 264 с.
6. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: изд-во наука, 1990. – 273 с.
7. Кулаковский А.Е. Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов // Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: кн. изд-во, 1979. – С. 389–413.
8. Петров Н.Е., Слепцов П.А., Барашков П.П. Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 142 с.
9. Кулаковский А.Е. Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий) // Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: кн. изд-во, 1979. – С. 316–377.
10. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
11. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 3858 стб.

ЯВЛЕНИЕ РЕДУПЛИКАЦИИ В ДИАЛЕКТАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА*Самсонова Екатерина Максимовна*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению редупликации как одной из грамматических особенностей диалектной системы якутского языка. Данное явление, больше характерное для северных говоров, используется для придания интенсивности и яркости речи, усиления его эмоционального воздействия. Обзор работ М.С. Воронкина, Е.И. Коркиной, С.А. Иванова и материалов «Диалектологического словаря якутского языка» показал, что в говорах в основном представлены случаи полной редупликации личных глагольных форм, деэпричастий, местоимений и наречий, которые при удвоении подвергаются тем или иным фонетическим, семантическим и структурным изменениям. Установлены интересные случаи использования повтора имени существительного в составе фразеологического сочетания и звукоподражательного слова при образовании орнитонима, а также примеры употребления трипликации (трехкратного повтора), не характерного для литературного якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык, говоры, редупликация, глагол, наречие, местоимение, словосочетание.

Под редупликацией (от позднелат. *reduplicatio* – удвоение) принято подразумевать фомоморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога или удвоении, повторении всей основы (корня), целого слова [9, с. 408]. Данное явление характерно для многих языков и является многофункциональной универсалией, связанной со всеми уровнями языка. Удвоение может выражать и грамматические значения, также варьировать и изменять лексическую семантику. В тюркских языках, в том числе и в якутском языке, основной функцией удвоения и повторения основы, как отмечает Е.И. Убрятова, является «усиление лексического значения основ и как следствие этого – выражение дополнительных грамматических значений: интенсив имен прилагательных, множественность, собирательность в именах существительных и т. п.» [15, с. 221].

Редупликация функционирует не только в литературном языке, но и имеет свое специфическое употребление в диалектах. Исходя из этого, материал говоров тех или иных языков традиционно привлекается при изучении данного явления (Крючкова О.Ю. [8]; Минлос Ф.Р. [10]; Рожанский Ф.И. [12]; Сомин А.А. [14] и др.). Анализ исследований по якутской диалектологии позволил выявить некоторые особенности функционирования редупликации.

© *Самсонова Екатерина Максимовна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиПИМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, samsonova_em@mail.ru

Редупликация или удвоение слов упоминается М.С. Воронкиным в числе грамматических особенностей диалектной системы якутского языка [3, с. 179; 2, с. 137–138]. Исследователь отмечает, что данное явление больше характерно для северных говоров [2, с. 137]. Такого же мнения придерживается и С.А. Иванов: «В северных говорах излюбленно употребляется повтор словоформ, что видимо, является сохранностью древней языковой традиции» [4, с. 37], и приводит примеры из Древнетюркского словаря: *adın adın* ‘различные, разнообразные’, *adruq adruq* ‘различные, разнообразные’, *aqura aqura* ‘очень тихо, очень медленно’; или *birin birin miñ bolur; tama tama kōl bolur* ‘(если взять много раз) по одному, получается тысяча, (если взять много раз) по капле (букв. капая-капая), получается озеро’ [Там же]. Он включает редупликацию в перечень наиболее типичных черт, по которым говоры северного диалектного ареала могут быть противопоставлены говорам южного диалектного ареала, в котором «почти не употребляются или редко встречаются такого типа повторы» [Там же].

М.С. Воронкиным была определена стилистическая функция редупликации в рассматриваемой группе говоров: «посредством подобного удвоения достигаются усиление и яркость в речи», также «последняя при этом приобретает большую силу убедительности и производит впечатление на собеседника» [3, с. 179].

В структурном плане исследователем выделены не характерные для литературного языка случаи удвоения как отдельных слов (глагольных форм, местоимений, наречий), так и словосочетаний [2, с. 137–138]. Все приведенные примеры могут быть отнесены к полной редупликации (повтор слов без изменений, когда редупликант и редупликатор полностью совпадают):

1) удвоение глагольных форм представлено повтором личных форм глагола и деепричастий: *Таба элбээтэ-элбээтэ* ‘Олени безудержно стали размножаться’ [3, с. 179]; *Түүннээх күнүс хаамаллар-хаамаллар* ‘Днем и ночью ходят-ходят’; *Таба эмин туһунан үөгүлээтибит-үөгүлээтибит, оройуонтан эми оччугуйдук ытталлар* (ес.) ‘Несмотря на неоднократные требования медикаментов для оленей, из райцентра присылают их совсем мало’; *Өрөбөтүн ылан-ылан-ылан баран, хатараллар* (кол.) ‘Сушат (шкуру), тщательнейшим образом очистив ее брюшную часть’; *Иһээ-ээн-иһэн-иһэн баран...* (маг.) ‘Напившись до положения риз (досл.: напившись-напившись)’ [2, с. 137]. Что наиболее интересно, в примерах с деепричастиями мы наблюдаем трипликацию (трехкратный повтор), не свойственную якутскому литературному языку.

Помимо этого, функционирование редуплицированных деепричастий имеет также свои диалектные фонетико-морфологические особенности. Как отмечает Е.И. Коркина, «в северо-восточных говорах редуплицированные формы деепричастия на -а/-ыы в форме 3-го лица множественного числа сохраняют удвоенное -лл- ассимилятивного происхождения: *билэ-билэллэр* (<билэр-лэр) (кол.) в. лит. *билэ-билэлэр* ‘зная’, *истэ-истэллэр* (инд.) в. лит. *истэ-истэлэр* ‘услышав, слушая’, *көрө-көрөллөр* (сакк., верх.) в. лит. *көрө-көрөлөр* ‘видя’, *кэпсэтэ-кэпсэтэллэр* (у.-янск.) в. лит. *кэпсэтэ-кэпсэтэлэр* ‘разговаривая’ [7, с. 63, 132, 215, 238].

2) из местоимений повторяются лишь обобщительно-отрицательные местоимения, соотносительные с именами существительными: *Тугу да – тугу да ку-оттарбыта диэн суох* (кол.) ‘не было случая, чтобы он что-то-что-то упустил’; *Туох да-туох да баһаан* (маг.) ‘очень-очень много, не счесть (видимо-невидимо, великое множество)’; *Уһун Турантай күүһүн мунун ким да-ким да билбэ-тэбэ үһү* (мом.) ‘пределы сил Высокого Турантая, никто-никто не ведал, говорят’ [2, с. 138]. Удвоение местоимений в первом и третьем примерах призвано подчеркнуть их отрицательное значение, во втором – придать усилительное значение прилагательному;

3) в случае с редупликацией наречий наблюдаются как фонетические особенности говора, так и семантические изменения: *Наһыыла-наһыыла уон үс киһи буоллубут этэ* (кол.) ‘едва-едва нас стало тринадцать человек’; *Төгүл-төгүл мэйиим ыальһаары гыннабына...* (кол.) ‘если время от времени чувствуешь головную боль...’; *Букатын-букатын һэлиһи буолар, хороһор көтөллөр* (ес.) ‘без передышки (досл. совсем-совсем) бегут рысью, иногда даже скачут’ [2, с. 138]; *Илиминэн эрэ бултааччыбын. Буус тонгуор диэри мэлдьи-мэлдьи бо* ‘Повлю рыбу только сетью. До ледостава рыбачу непрерывно’ [3, с. 179]. Во втором примере редуплицированное наречие *төгүл-төгүл* использовано в значении ‘время от времени, изредка’, тогда как в литературном языке оно употребляется для выражения более учащенной кратности ‘часто повторяясь’ [1, с. 526].

В монографическом исследовании С.А. Иванова «Морфологические особенности говоров якутского языка» (2014) представлен перечень диалектных наречий, приведенных, по замечанию самого автора, «без каких-либо комментариев и соображений по поводу их происхождения, грамматической природы и классификации» [6, с. 219]. Среди них, помимо вышеуказанных лексем, нами были выделены 6 редуплицированных наречий: *маала-маала* (в.-кол.) ‘ничего, помаленьку’: *олоробут маала-маала* ‘живем ничего, помаленьку’; *мыкыр-мыкыр* (сунт.) ‘понемножку’: *оччугуй-оччугуйдук, мыкыр-мыкыр киллэрэн атыылыы туруох оһонньор буолуо ээ* ‘однако, старик будет заносить понемножку и будет продавать’; *наай-наай* (олемк.) ‘вовсе, совсем’: *наай-наай тыытыма* ‘совсем не трогай’; *сиэк-сиэк* (инд.) ‘мало-помалу, понемногу, потихоньку’: *маһы сиэк-сиэк киллэр* ‘таскай дрова потихоньку’; *сиэк-сиэк бу күүлтэн балыктыы-быт* ‘мы понемногу ловим рыбу в этом озере’; *тэлбэ-тэлбэ* (кол.) ‘кусками, лоскутками’: *тэлбэ-тэлбэ тигиллибит таба тириитинэн* ‘сшитый из отдельных кусков оленьей шкуры’; *чэр-чэр* (ср.-кол., в.-кол.) ‘редко, изредка’: *Бөрө бу диэки хайдабый? – Баар быһыылаах чэр-чэр* ‘Встречаются ли волки в этих местах? – Кажется, есть местами’ [6, с. 222–223, 225]. Семантически эти наречия передают значения интервала, подчеркивают раздельность выполняемых действий, постепенность нарастания, а также категоричность.

4) удвоение сочетаний слов: *Куттанан үөгүлээтим, уган хааллым. Хойут баҕайы, хойут баҕайы тонгон хаалан баран тилинним* ‘Перепугавшись, вскрикнул и упал в обморок. Долго-долго пролежав и совсем замерзнув, пришел в себя’ [3, с. 179]; *Хантан кэлтэ-хантан кэлтэ – баары Өксөкүтэ кэлэн түһэн*

олорор (кол.) ‘Невесть откуда (досл.: откуда явился – неизвестно) прилетел двуглавый сказочный орел Оксюкою, сел и сидит’; *Төһө көппүттэрэ-төһө көппүттэрэ биллибэт – арай тиийэн кэлэллэр* (кол.) ‘Неизвестно, сколько летели-сколько летели – наконец прибыли на место назначения’ [2, с. 138].

Рассмотрение материала «Диалектологического словаря якутского языка» [1976] и его дополнительного тома 1995 позволило выявить два интересных случая использования редупликации в говорах:

– удвоение звукоподражательного слова в наименовании птиц: *чак-чак* (ан.) чыычаах ‘разновидность птичек’ [13, с. 232]; *чөгүү-чөгүү* (кол.) улахан чөкчөнө ‘большой улит (?)’ [13, с. 234];

– фразеологическая единица, основанная на частичной редупликации, которую А.Г. Нелунов относит к «несомненно диалектным» [11, с. 50]: *быһах быһабынан* (в.-кол.) олус элбэхтик ‘очень обильно, много’: *быһах быһабынан түһэн эрэр* ‘начинает валить большой снег’ [5, с. 78]. В данном случае конструкция основана на сочетании форм основного и орудного падежей одного и того же имени существительного.

Таким образом, в говорах якутского языка в основном представлены случаи редупликации литературных форм и лексем. При этом данные случаи удвоения претерпели те или иные фонетические, семантические и структурные изменения. Происхождение некоторых редуплицированных диалектных слов, на наш взгляд, требует дальнейшего, более подробного изучения.

Список сокращений

ан. – анабарский говор
в.-кол. – верхнеколымский говор
досл. – дословно
ес. – есейский говор
инд. – индигирский говор
кол. – колымский говор
маг. – магаданский говор
мом. – момский говор
ср.-кол. – среднеколымский говор

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыллаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. X (Буква Т: т – төһүүлээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.
2. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.
3. Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1984. – 222 с.

4. Диалектологический атлас якутского языка: (свод.карты). Ч. II: Морфология и лексика / Сост. С.А. Иванов; отв. ред. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
5. Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 390 с.
6. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
7. Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.
8. Крючкова О.Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 68-84.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 20 с.
11. Нелунов А.Г. Диалектные фразеологизмы якутского языка (к постановке проблемы) // Якутский язык: Диалектология: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. – С. 48-54.
12. Рожанский Ф.И. Редупликация: Опыт типологического исследования. – М.: Знак, 2011. – 256 с.
13. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
14. Сомин А.А. Долго ли, коротко ли: выражение длительности с помощью редупликации в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2016. – Т. XII. – № 1. – С. 208–222.
15. Убрятова Е.И. Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики: сб. ст. к 75-летию акад. И.И.Мещанинова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 211–222.

УДК 811.512.157

КВАЗИСИНОНИМИЧНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ БИФИНИТНОГО ТИПА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ефремов Николай Николаевич

Аннотация. Цель статьи – освещение структурно-семантических особенностей квазисинонимических полипредикативных конструкций (ППК) якут-

© *Ефремов Николай Николаевич*, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, nik.efrem50@mail.ru

ского языка, зависимое сказуемое которых выражено второй формой условного наклонения (исторически: *-тах* в форме местного падежа лично-предикативного склонения – модель $T_v \text{ тах+//на}$) и формой преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения (*-быт* в форме лица-числа: $T_v \text{ быт+//}$). Подобные ППК в якутском языкознании в аспекте квазисинонимии еще не были предметом исследования. В результате структурно-семантического анализа обсуждаемых конструкций на материале северо-восточного диалекта и современного литературного языка установлено, что, если конструкции с $T_v \text{ тах+//на}$ употреблялись в указанной диалектной зоне в основном для оформления ППК с отношением времени, то в современном литературном языке они используются для построения ППК как с временным, так и с изъянительным значением. Кроме того, они являются квазисинимичными с ППК, сказуемое препозитивной части которых оформлено моделью $T_v \text{ быт+//}$. Полученные результаты данного исследования показывают, что в трудах С.А. Иванова были системно отражены в ареально-историческом аспекте материалы и положения для изучения вариативных, синонимических и др. явлений в сфере якутского полипредикативного синтаксиса.

Ключевые слова: якутский язык, северо-восточная диалектная зона, полипредикативная конструкция, глагольная форма.

В статье на материале северо-восточного диалекта¹ и современного якутского языка на основе функционального подхода рассматриваются структурно-семантические особенности якутских квазисинонимических полипредикативных конструкций (ППК), зависимое сказуемое которых выражено второй формой условного наклонения ($T_v \text{ -тах+// на}$; T_v – глагольная основа, *-тах* – показатель причастия неопределенного времени, *//* – лицо-число субъекта, *-на* – показатель омертвело-местного падежа) и преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения ($T_v \text{ -быт+//}$; *-быт* – показатель причастия прошедшего времени).

Синтаксическая синонимия/квазисинонимия, как пишет Н.Б. Даржаева, «это выражение одного и того же значения разными либо по структуре, либо по компонентному показателями конструкциями» [3, с. 31]. Квазисинонимические синтаксические конструкции, в отличие от полных синонимических, «могут различаться нюансами значения, по стилю, по ситуациям, в которых они употребляются, и другими признаками» [7, с. 171].

В якутском языкознании квазисинонимические ППК еще не стали предметом исследования. В других алтайских языках, например, в бурятском, подобные конструкции разработаны в монографическом плане [3].

¹Из северных диалектных зон якутского языка с традиционной якутской культурой «более или менее связана ... северо-восточная» [2, с. 47]. Движение якутов на северо-восток протекало через «естественные преграды», якуты достигли Колымы только в начале 18 века [Там же, с. 29].

Исторические корни тех или иных явлений синтаксической синонимии и квазисинонимии в современном литературном якутском языке в виде «замещающих» форм на материале диалектов якутского языка впервые были освещены С.А. Ивановым. Ученый в своей монографии «Морфологические особенности говоров якутского языка» рассмотрел явления диалектных расхождений в образовании и употреблении глагольных форм [5, с. 173–218]. В указанном аспекте им были описаны формы повелительного наклонения глагола, формы глагольного отрицания *-ба, -ма, вторая форма условного наклонения и форма преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения*, а также другие глагольные структуры.

Использование *второй формы условного наклонения вместо формы преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения* им было описано на основе бифинитных полипредикативных конструкций, сказуемое препозитивной части которых выражено данными формами. Этим подтверждается, что Спиридон Алексеевич в своей работе обратил внимание на исторические корни проблемы синонимии и квазисинонимии (неполной синонимии) некоторых синтаксических конструкций, которые имеют место в современном литературном якутском языке.

В данной статье освещаются структурно-семантические особенности подобных полипредикативных конструкций того иного типа на материале современного якутского литературного языка.

Обсуждаемые структуры – *вторая форма условного наклонения (-тах+показатель лица, числа+ на: T_v -тах+//на)*, *форма преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения (-быт+аффикс лица, числа: T_v -быт+//)* – в некоторых диалектах якутского языка, как писал С.А. Иванов, взаимозамещаются, т.е. используются вариативно. Проанализировав данные формы, он пришел к следующему выводу: «Употребление глаголов условно-временного (второй формы условного. – Н.Е.) наклонения вместо прошедшего повествовательного времени индикатива характерно для говоров северо-восточной диалектной зоны» [4, с. 59]. Для иллюстрации указанного положения он приводит из полевых материалов, записанных участниками экспедиций, речевые образцы индигирских, усть-янских, верхоянских якутов, носителей данной диалектной зоны [5, с. 193] при этом в речи верхоянских якутов автором отмечается вариативное (квазисинонимичное) употребление обеих форм, то есть использование хотя и редко личной формы глагола прошедшего повествовательного времени индикатива наряду со второй формой условного наклонения.

Примеры [5, с. 193]¹.

T_v -тах+//на:

Инд. *Дьыэбэр кэллэхпинэ* (вм. *кэлбитим*²) *ийэм ыйытар*. ‘Когда я пришел домой, а мать моя спрашивает (у меня. – Н.Е.)’;

¹В этих примерах представлены ППК, выражающие временные отношения – значение неполной одновременности.

²В современном якутском языке подобные фразы типичнее всего передаются не ►

У.-янк. *Киирдэбинэ* (вм. *киирбитэ*), *кыппыра кыыс обочоон сылдьар эбит*. ‘Когда (он. – Н.Е.) вошел – оказывается, ходит малехонькая девчоночка’;

У.-янк. *Ол кэлэхпитинэ* (вм. *кэлбиппит*) *түөрт эрэ ыал баара* (у.-янк.). ‘Когда мы (туда. – Н.Е.) приехали – (там. – Н.Е.) было всего четыре семьи’;

Верх. *Дьэтигэр кэллэбинэ* (вм. *кэлбитэ*), *арай адьаһын сайын буолбут* (верх). ‘Когда пришел (он. – Н.Е.) домой, оказалось, что (там. – Н.Е.) совсем уж наступило лето’;

Верх. *Ол аты һиэтэхтэринэ* (вм. *сиэбиттэрэ*), *тонобоһо сүһүбэ суох үһү*. ‘Когда забили эту лошадь, говорят, обнаружили, что у нее позвоночник был без позвонков (сплошной)’.

Т_v быт+//:

Верх. *Кэтэһэн баран тахсан көрбүтэ* (ср. *көрдөбүнэ*. – Н.Е.), *киһитэ хайы-үйэ барбыта өр буолбут*. ‘Подождавши, выходит на улицу и видит: он (букв. его человек. – Н.Е.) уже давно ушел (оказывается. – Н.Е.)’.

Причину семантического соответствия глагольной формы Т_v тах+// на значению Т_v быт+// в приведенных фразах Спиридон Алексеевич объясняет тем, что эти формы возникли на базе древних причастий *-tiq* и *-miš*, которые выражали прошедшее время [Там же]. В употреблении этих глагольных форм ученым усматривается былое их параллельное использование, когда они функционировали как причастия прошедшего времени: «Возможно, в употреблении Т_v тах+// на, мотивизированной древним причастием на *-тах* (<*-tiq* ~ *-tuq*), в значении прошедшего повествовательного времени индикатива, и древнего, но функционирующего причастия на *-быт* (<*-miš*) в значении преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения отражается былое параллельное использование этих двух причастий прошедшего времени « [Там же].

В письменных текстах якутского языка дореволюционного времени, например в журнале «Саха саната» в статье П. Готовцева, уроженца Кангаласского наслега Баягантайского улуса, встречается квазисинонимичное употребление конструкций, оформленных причастиями на *-тах* и *-быт* в сочетании с послелогом *киэннэ* (ср. *кэннэ*) и сочетанием служебных слов в роли аналитико-синтетического показателя связи *кэлин өттүгэр*: ... *манан дьаамнар турдахтарын киэннэ, абрал тахсыаҕа...* (СС 240) ‘... когда/если по этой местности будут ездить ямщики, это принесет пользу (населению этой местности)...’;

Үөрэхтээх эспэдициэ (эспэдииссийэ. – Н.Е.) *көрүтэлээбитин киэннэ, үтүө сынналан суол сирэ көстүө эбит* (Там же) ‘После обследования (этой местности) научной экспедицией будет определен маршрут для хорошего нормального пути’;

... *бу тукулан үрэхтэн дьаамнар уларыбыттары кэлин өттүгэр, ... байытта сүөһүлэннибит* (Там же). ‘... после того, как пути ямщиков поменялись от этой речки тукулан, ... мы обзавелись большим количеством скота’ (Там же).

► бессюжными сложными предложениями бифинитного типа, а синтетическими сложноподчиненными предложениями с зависимым сказуемым, выраженным причастной формой на *-быт* в дательном падеже лично-предикативного склонения. Ср.: Т_v быт+// и Т_v быт+// д.п. *Дьэбэр кэлбитим** (кэлбиппэр. – Н.Е.) ийэм ыйытар.

В этом издании имеется фраза, сказуемое препозитивной части которой выражено глаголом *көр-* во второй форме условного наклонения, обозначающая значение предположения, умозаключения – инференциальности, разновидности категории косвенной эвиденциальности, под которой подразумевается логическое заключение говорящего [8, с. 86]:

... *мин көрдөхпүнэ, ол дьоннору бэйэбитигэр сыһыарбат ... эбиккит* (Там же, 233) ‘... как я вижу (представляю), оказывается, ... вы этих людей не подпускаете к себе’.

В современном литературном языке, как показывает выборка, конструкции с подобными взаимозамещающимися глагольными формами (T_v **быт+//** ~ T_v **тах+на**), функционируют в качестве изъяснительных, временных сложных предложений (СП) [1, с. 272]. Некоторые из них характеризуются как квазисинонимичные синтаксические построения – неполные синтаксические синонимы. При этом в изъяснительных СП сказуемое препозитивной предикативной части оформляется не только указанными формами (T_v **тах+//на**, T_v **быт+//**), но и причастием на **-быт** в дательном падеже лично-предикативного склонения (T_v **быт+// д.п.**). Сформированные таким образом построения в определенных условиях выступают в качестве синтаксического (периферийного) средства выражения категории косвенной (неочевидной) или прямой (очевидной) эвиденциальности, обозначающей источник получения информации автором (субъектом) наблюдения («из чужих или из своих рук»).

Косвенная эвиденциальность:

T_v **тах+//на**. *Микиитэ көрдөбүнэ, биир киһи иһэр* ‘Никита видит, что идет какой-то человек’;

< *Биир киһэ Микиитэ чалбахха сүгэ олуктарың тамнааттыы туран көрдөбүнэ, тус собуруу диэкиттэн биир киһи тиэтэйэ хааман дьулугурайан иһэр* (АА СК 10) ‘Однажды вечером Никита, бросая щепки на лужи, видит, что со стороны юга идет стремительно какой-то человек быстрыми шагами’;

T_v **быт+//**. *Көрбүттэрэ, дьахталлар иһэллэр* ‘Они увидели, что идут женщины’;

< *Күөл оннугар киирэн иһэн көрбүттэрэ, дьахталлар ... сырсан хопто курдук манхараннаһан иһэллэр* (АА СКА 76) ‘Они, вступая на то место, где (раньше) было озеро, увидели, что/как идут (к ним навстречу) бегом в белой одежде, словно чайки, ... женщины’.

Квазисинонимия обсуждаемых конструкций с T_v **тах+//на** и T_v **быт+// дат.п.** встречается в следующем примере, где в ППК с отношением следования событий, осложненным значением косвенной эвиденциальности в качестве сказуемого зависимой части употреблена форма условно-временного наклонения. Данная форма замещается причастием на **-быт** в форме дательного падежа лично-предикативного склонения. Кроме того, она может оформляться и формой наклонения глагола прошедшего повествовательного времени изъяснительного наклонения. При этом такое сказуемое выражается глаголом зрительного восприятия. Ср.:

T_v тах+//на/T_v быт+// д.п./T_v быт+//: ... аан аһылыннабына (ср. аһыллыбытыгар көрбүттэрэ. – Н.Е.), халлаан сангардыы суһуктуйа сырдаан эрэрэ көстөрө (суһуктуйа сырдаан эрэрэ. – Н.Е.) (ДТ ТА 191) ‘... при открывании двери (букв. когда открылась дверь) виднелось, как небо чуть-чуть начало светлеть (букв. виднелось начальное светление неба – подлежащее. – Н.Е.)’ [6, с. 107]¹ / Когда открылась дверь, они увидели: небо чуть-чуть начало светлеть’.

Прямая эвиденциальность. T_v быт+// :

Көрбүтүм, биэрэккэ тыы турар ‘Я увидел, что на берегу стоит лодка’;

< *Мин тугунан эрэ туораабыт киһи диэн саныы туран көрбүтүм* (ср. көрдөхпүнэ. – Н.Е.), *биэрэк иирэтин аллараа өттүгэр мас тыы көстөр* (ср. баар. – Н.Е.) (МН 33) ‘Я стоял и думал, как перейти (реку), и увидел – на берегу внизу от тальника видна (находится) деревянная лодка’.

Вышеприведенную разносубъектную ППК-ю, языковую единицу, можно преобразовать в осложненное предложение, единицу речи – моносубъектную ППК-ю. При этом глагол зрительного восприятия (*көр-*) во второй форме условного наклонения опускается, а сказуемое преобразованного предложения выражается этим же глаголом, но в форме недавнопрошедшего времени. Последним в свою очередь в контексте полученной фразы передается также значение прямой эвиденциальности. Ср.:

Мин ... тыыны көрдүм ‘Я ... увидел лодку’; < *Мин тугунан эрэ туораабыт киһи диэн саныы туран, биэрэк иирэтин аллараа өттүгэр мас тыыны көрдүм*. ‘Я стоял и думал, как перейти (реку), и увидел внизу от тальника на берегу дощатую лодку’.

Сказуемые препозитивной части изъяснительных ППК могут оформляться не только глаголами зрительного восприятия, но и глаголами перемещения (например, *тийи-* ‘придти’, *киир-* ‘зайти’, *кэл-* ‘прийти’ и др.). Подобные глаголы выражаются формой глагола прошедшего повествовательного времени или второй формой условного наклонения, а также формой причастия на *-быт* в дательном падеже лично-предикативного склонения. Примеры:

Киһибэр этээт, сүүрэн тийибитим (ср. *тийибиппэр/тийидэхпинэ**) *улахан баҕайы, кырааската эгинэ суох тыы сытар* (МН 33). ‘Когда я прибежал (туда), сказав своему товарищу (о лодке), (и увидел:) лежит большая непокрашенная лодка’;

Бэрэссэдээтэл, мин киирдэхпинэ (ср. *киирбиппэр/киирбитим**), *тэриэлкэт тэн хойуу хоппуусталаах миини иһэ олороро* (ХС 1976 1, 51) ‘Председатель, когда я зашел (в его дом), ел густой суп ((щи) с капустой)’.

Ср. *Дабыыт Дьэкириэмнээххэ киирбитигэр* (*киирбитэ/киирдэбинэ*) *Муочаҕа Даарыйа кэлэн олорор этэ* (ХС 1977 9, 61) ‘Когда Давид зашел в дом Ефрема, (в гостях) у Моти сидела Дарья’.

¹Подлежащее: халлаан сырдаан эрэрэ – то, что небо начало светать.

Хабырыллалаах Кэтириис дьылэригэр кэлбиттэрэ, Коммунар (оҕо) ... утуйан сурдургуу сытар эбит (АА СКА 56) ‘Когда Гаврил и Катерина пришли домой, оказалось, что Коммунар ... спал, сопя’.

Аналитические изъяснительные ППК могут оформляться и формой причастия на *-тах* в дательном падеже безлично-предикативного склонения:

Туннук сырдыгар быыс бүтэй көрдөххө, Кэтириис ... сытан баран, суорбанын бүрүнэ тардынан кэбистэ (АА СКА 57) ‘При оконном свете, падающем на занавес спальни было видно, как Катерина ... легла на постель, и укрылась одеялом’.

Таким образом, анализ обсуждаемых ППК на основе диалектных и литературных материалов, позволяет сделать следующие выводы.

Из материалов С.А. Иванова видно, что в северо-восточной диалектной зоне за исключением речи верхоянских якутов конструкции с T_v быт+// не встречаются, вместо них функционируют структуры с T_v тах+//на. Подобное явление свидетельствует о том, что в этой диалектной зоне сохранились отдельные древние глагольные словоформы якутского языка, которые в современном литературном языке используются в качестве структурирующих показателей определенных конструкций, квазисинонимичных с построениями модели T_v быт+//.

ППК, представленные данными глагольными формами, в современном якутском языке выступают в качестве квазисинонимических временных, изъяснительных и других ППК-й, что обусловлено экстенсивным и интенсивным использованием глагольных форм в формировании и развитии системы ППК-й якутского литературного языка. При этом изъяснительными ППК-ми в определенных условиях структурируются также периферийные (синтаксические) средства выражения косвенной и прямой эвиденциальности. Функционирование в современном якутском языке подобных квазисинонимических ППК, образующихся на базе синонимичных древних глагольных форм, показывает, что системно-структурные особенности глагольных структур якутского литературного языка развивались в условиях взаимодействия и взаимовлияния разных диалектных глагольных форм.

Анализ обсуждаемых конструкций с привлечением материалов и результатов исследований С.А. Иванова подтверждает, что лингвистическое наследие якутского диалектолога является объективной научной основой для развития грамматических изысканий, направленных на выявление и описание системно-структурных и семантических особенностей ППК-й якутского языка.

Источники иллюстративных материалов

АА СКА – Амма Аччыгыйа. Сэһэннэр, кэпсээннэр, ахтыылар. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1986. – 528 с.

ДТ ТА – Дмитрий Таас. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай: кинигэ изд-вота, 1954. – 250 с.

МН – Миитэрэй Наумов. Ааспыт үйэ оҕолоро, аныгы үйэ ... оҕонньотторо. – Дьокуускай: Дани-Алмас, 2023. – 216 с.

СС – Сахалыы бастакы хаһыаттар, сурунаал: Саха дойдута (1907–1908), Саха олоҕо (1908–1909), Саха саната (1912–1913). – Дьокуускай: ОАО «ИПК «Дальпресс», 2017. – 368 с.

ХС – Хотугу Сулус.

Литература

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.
2. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
3. Даржаева Н.Б. Квзисинонимические обстоятельственные конструкции в бурятском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2018. – 356 с.
4. Диалектологический атлас якутского языка: сводные карты. Ч. II: Морфология и лексика / сост. С.А. Иванов, отв. ред. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
5. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
6. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 306 с.
7. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. – М.: РГТУ, 2001. – 399 с.
8. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой. – СПб.: Наука, 2007. – 634 с.

УДК 811.512.211

ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Шарина Сардана Ивановна

Аннотация. Статья посвящается вопросу исследования диалектов эвенского языка, их систематизации, внесения поправок и уточнений в диалектную классификацию эвенского этноареала по результатам полевых исследований территориальных вариантов языка эвенов. Несмотря на то, что стараниями большого количества ученых в XIX–XXI вв. были получены и опубликованы обширные материалы по различным диалектам и говорам эвенского языка, отдельные эвенские идиомы еще не получили специального описания, возможно

© *Шарина Сардана Ивановна*, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. зав. отдела северной филологии ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, sarshar@mail.ru

даже, что не все и выявлены. Для воссоздания полного полотна диалектов и говоров эвенского языка представляется необходимым сбор материалов по отдельным местам проживания эвенов, особенно в северном и северо-западном ареалах. Систематизация языковых формаций эвенского этноареала должна опираться на непосредственно лингвистические дистинктивные проявления говоров и диалектов. В классификации должны быть обобщены некоторые говоры и диалекты, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными. Исследования по функционирующим ныне говорам и диалектам эвенского языка имеют прикладное значение для лексикографии (составление словарей и атласов), для разработки академической грамматики эвенского языка, для выполнения задачи максимально полного описания языков малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: эвенский язык, диалекты, говоры, классификация.

При решении задачи изучения исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера, документации и лингвистического описания их диалектного и культурного разнообразия внимание должно быть сосредоточено на наименее разработанных аспектах изучения, как описание функционирующих языковых идиом, их состава и классификации. Касательно эвенского языка, вследствие осуществленным ранее исследованиям, в настоящее время в нашем распоряжении имеются материалы, накопленные в течение нескольких веков разными изыскателями.

Впервые один из эвенских диалектов, а именно арманский, был зафиксирован достаточно давно, в 40-е годы XVIII века Я.И. Линденау. Лексические материалы по двум эвенским идиомам – ольскому говору и охотскому диалекту представлены в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа. Образцы речи среднеколымских эвенов демонстрируются в материалах экспедиции И. Биллингса. Изучение эвенского языка активизируется с середины XIX века. В 1860-1870-е годы Г. Майделем и Ю. Штубендорфом фиксируются языковые материалы у охотских и анадырских эвенов (далее они были опубликованы А. Шифнером). В 1895 г. В.Г. Богораз собрал материалы у эвенов, расселенных в бассейне реки Омогон. Далее на протяжении двадцатого столетия проводятся систематические исследования по многим эвенским диалектам и говорам. Изыскания, начатые в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века в масштабах всей страны были связаны с началом культурного строительства на Севере. Эвенские диалекты и говоры стали предметом исследования известных ныне ученых В.И. Цинциус, В.И. Левина, К.А. Новиковой, Л.В. Соболевского, Л.Д. Ришес. В последующие годы было опубликовано довольно значительное количество диалектологических работ петербургских и якутских учёных В.Д. Лебедева, В.А. Роббека, Х.И. Дуткина, А.А. Бурыкина, А.А. Даниловой, В.А. Петровой, В.С. Ермолаевой, Р.П. Кузьминой и др.

Усилиями этих ученых были предприняты экспедиции в ряде районов проживания эвенов, относящихся к области распространения разных диалектов.

Значительная часть результатов обследований представлена в ряде известных публикаций, в том числе монографических, которые появлялись на протяжении нескольких десятилетий в значительной своей части в Ленинграде. Первой и наиболее значимой среди них является работа В.И. Цинциус «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка», вышедшая в свет в 1947 году [11]. Очерк отражает особенности восточного наречия – ольского говора, принятого за основу эвенского литературного языка, и отчасти камчатского говора. Работа до настоящего времени не утратила особой значимости и важности. Развернутое описание грамматического строя ольского говора эвенского языка мы находим в исследовании К.А. Новиковой «Очерки диалектов эвенского языка» [8].

Значительный вклад в эвенскую диалектологию внесли исследователи из Якутии. Детально освещает особенности говоров и диалектов эвенского языка В.Д. Лебедев в монографиях «Язык эвенов Якутии» и «Охотский диалект эвенского языка» [6; 7]. Автор ввел в научный оборот уникальный лингвистический и фольклорный материал, сравнив догдо-чебогалахский и улахан-чистайский говоры.

При определении инвентаря гласных и согласных фонем автор использовал методы экспериментальной фонетики, анализируя данные рентгенограммы, кимографические записи длительности гласных фонем.

Вторая работа В.Д. Лебедева нацелена на изучение охотского диалекта, который распространен на побережье Охотского моря. В монографии дифференцируются лингвистические особенности, присущие охотскому диалекту, куда входят три группы охотских эвенов.

Диалектологическая работа В.А. Роббека «Язык эвенов Березовки» [9] дает представление о морфологических, синтаксических и лексических особенностях языка эвенов с. Березовка Среднеколымского района. В работе приводятся значительные сравнительные материалы по другим диалектам: ольскому, охотскому и западным говорам. Особого внимания заслуживает здесь очерк морфологии. В отличие от других диалектологических исследований, характеризующих только отличительные черты описываемого идиома, здесь конкретизируются и детализируются вопросы классификации определенных частей речи, более полно и основательно анализируются глагольные категории.

Установлению лингвистических особенностей аллаиховского говора посвящен труд Х.И. Дуткина «Аллаиховский говор эвенов Якутии» [2]. Автор отмечает 2 подговора (относящихся к 5 родам) внутри аллаиховского говора. В работе «Тундренный диалект западного наречия эвенского языка» [3] излагаются итоги многолетнего изучения Х.И. Дуткиным эвенских говоров Усть-Янского, Аллаиховского и Нижнеколымского районов, что позволило автору обобщить результаты и классифицировать тундренный и горнотаежный диалекты западного наречия. Автором специально подчеркивается указанная диалектная зона для исследования соответствующих явлений в лингвогеографическом контексте, поскольку в этих говорах фиксируются различного рода инновации.

После длительной паузы протяженностью в 15 лет в эвенской диалектологии появляется новая работа. В исследовании Р.П. Кузьминой «Язык ламунхинских эвенов» [4] выявляются особенности, свойственные ламунхинскому говору эвенского языка. Далее выходят монографические описания языка нижнеколымских [12] и верхнеколымских эвенов [5].

Особенности определенных говоров отмечены в отдельных публикациях А.А. Бурыкина, А.А. Даниловой, В.А. Петровой, Р.П. Кузьминой, В.С. Ермолаевой, С.И. Шариной.

В 2023 году выходит в свет коллективная монография «Вербальные традиции эвенов Якутии», где дается описание ареальных вариантов эвенского языка, функционирующих на территории Республики Саха (Якутия) и приводится краткий обзор эвенских говоров и диалектов, распространенных в 13 районах Якутии, их фонетических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей [13].

Однако при всем том, что стараниями многих поколений ученых накоплены и опубликованы обширные и заслуживающие внимания материалы по многим эвенским языковым формациям, определенные идиомы эвенского языка все еще остаются недостаточно изученными, отдельные говоры не подверглись системному описанию. Сложность научного описания языковых идиом эвенов Якутии обусловлена, в частности, и тем, что указанные говоры характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях, что объясняется дву- и многоязычием носителей, влиянием якутского, юкагирского и других языков. В данной связи привлекают внимание исследователей и особенности контактирования говоров в зонах языкового пограничья.

Не менее актуальной задачей является и классификация эвенских диалектов и говоров. В настоящее время известны несколько подходов к классификации эвенских диалектов.

Расхождения на всех языковых уровнях (фонетических, лексических и грамматических признаков) между эвенскими идиомами дали возможность выделить В.И. Цинциус в работе «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка» 11 диалектов и говоров. Она относит семь говоров к восточному наречию (колымско-омолонский, ольский, камчатский, охотский, верхнеколымский, индигирский, томпонский), три говора относятся к западному наречию (саккырырский, ламунхинский и юкагирский); отдельно обособляется арманский диалект [11].

К.А. Новиковой фиксируются 12 диалектов и говоров, которые подразделяются на восточное (ольский, охотский, пенжинский, быстринский, анадырский, колымско-омолонский), среднее (томпонский, момский, аллайховский говоры) и западное наречия (ламунхинский, тюгесирский говоры) и арманский диалект [8].

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» выделяются 15 наименований: восточное наречие (анадырский, быстринский, колымско-омолонский, ольский, охотский, пенжинский, северо-эвенский говоры), среднее

наречие (анюйский, аллайховский, момский, томпонский говоры), западное наречие (саккырырский, тюгесирский и юкагирский говоры), арманский диалект [10].

По классификации А.А. Бурыкина выделяется 26 идиомов: восточное наречие (камчатский диалект (быстринский и олюторский говоры), окланский диалект, ольский диалект (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский говоры), приколымский говор (говор эвенов Березовки и рассохинских эвенов, говор улахан-чистайских эвенов), тенькинский диалект и западное наречие (аркинский говор, усть-майский говор, ульинский диалект, верхнеколымский диалект, нижнеколымский диалект, индигирский диалект (оймяконский, томпонский, момский говоры), аллайховский диалект (говор), усть-янский диалект, саккырырский диалект (тюгесирский и ламунхинский говоры)) и отдельно арманский диалект [1].

Представленные классификации значительно разнятся и по составу говоров, и по номенклатуре. В настоящее время все приведенные классификации нуждаются в уточнениях и дополнениях, основанных на новых данных по особенностям фонетики и надежно установленных особенностях морфологии, наиболее ярким особенностям говоров в части лексики.

Полевые исследования территориальных вариантов эвенского языка еще далеки от завершения. Наиболее хорошо изучен лишь восточный ареал проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край), на территории же Якутии исследования не доведены до логического конца. Для воспроизведения полной картины диалектов и говоров эвенского языка возникает необходимость сбора материалов по отдельным говорам и диалектам. Имеющиеся в распоряжении исследователей языковые материалы по отдельным районам Якутии, таких, как Булунский, Верхоянский, Усть-Янский, Оймяконский, Томпонский, Эвено-Бытантайский количественно и качественно не отвечают требованиям, что мешает установить ареал распространения тех или иных диалектов, решения вопроса разграничения или объединения говоров среднего и западного наречий. Существенно при этом учесть то, что современные лингвистические границы говоров не совпадают с границами административными, и поэтому лингвистическое деление каждой территориальной единицы может быть осмыслено только при сопоставлении с диалектами соседних районов. Касательно эвенских говоров также выясняется, что наблюдаемый ныне лингвистический ландшафт может быть обусловлен уже не существующим географическим.

Итак, сегодня перед лингвистами стоят задачи выяснения территорий распространения отдельных говоров, системного описания говоров и диалектов эвенского языка, выявления их лингвистических особенностей, систематизации имеющихся данных. Требуется существенно дополненная и уточненная классификация, основанная на собственно лингвистических признаках говоров и диалектов, отличающих данные языковые формации друг от друга, предусматривается обобщение текстовых материалов по недостаточно изученным

диалектам и говорам, в первую очередь на территории Якутии. При этом важно учесть специфику функционирования эвенского языка в современных условиях и особенности этнокультурной ситуации.

Классификация диалектов и говоров эвенского языка должна основываться на собственно лингвистических дистинктивных признаках говоров и диалектов. В ней должны быть обобщены ранее предлагавшиеся лингвистические классификации диалектов эвенского языка, в которые вписываются некоторые говоры и диалекты, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными.

На современном этапе на исследователей языков малочисленных народов Севера ложится задача лингвистического обеспечения сохранения и развития исчезающих языков. В данной связи исследования по функционирующим ныне говорам и диалектам эвенского языка имеют прикладное значение для лексикографии (составление словарей и атласов), для разработки академической грамматики эвенского языка, для выполнения задачи максимально полного описания языков малочисленных народов Севера.

В данной статье, основываясь на новых данных по особенностям фонетики и надежно установленных отличительных признаках морфологии, специфике говоров в части лексики, дополняются и уточняются представленные классификации. Приводимая нами систематизация отличается от известных подходов к классификации эвенских диалектов (см. табл. 1).

Таблица 1

Диалектная система эвенского языка

Западное наречие	Среднее наречие	Восточное наречие
Индигирский диалект (абыйский, оймаконский, томпонский, момский говоры)	Охотский диалект (аркинский, иньский, ульинский говоры)	Камчатский диалект (быстринский и олюторский говоры)
Усть-янский говор	Улахан-чистайский говор	Окланский диалект
Саккырырский диалект (тюгесирский и ламунхинский говоры)	Усть-майский говор	Ольский диалект (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский березовский, рассохинский говоры)
Северный диалект (нижнеколымский, аллаиховский говоры)	Верхнеколымский говор	Тенькинский диалект
Арманский диалект		

Сравнительный анализ языковых материалов всех ареальных вариантов эвенского языка в Якутии выявил расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков, ставших основанием для выделения

Карта эвенских диалектов и говоров Якутии



всех трёх наречий эвенского языка в пределах республики: восточного, среднего и западного (см. рис. 1). Это крупные подразделения языка, объединяющие идиомы, обнаруживающие общие черты на всех языковых уровнях. Взаимопонимание между носителями говоров разных наречий затруднено. Так, полевые исследования показали сложный состав говоров эвенов бассейна Колымы, где установлено наличие трёх наречий, состав эвенских говоров западного ареала расселения эвенов к западу от Индигиры до Лены остается еще не исследованным. Различия между отдельными диалектами и говорами

эвенского языка выражаются не только в отсутствии сибиллянта [с] в западных говорах и особых аллофонов гласных, но и в разных оформлениях алломорфов отдельных морфем, а также, что очень существенно, в некоторых явлениях на границе морфологии и синтаксиса, например, в оформлении конструкций с предикатными актантами. Значимыми в грамматике оказываются разные формы падежного управления в разных говорах. До сих пор остается малоизученным влияние якутского языка на морфологию и синтаксис отдельных западных говоров и диалектов эвенского языка.

Не имеющие системного описания абыйский, оймьяконский, томпонский, тюгясирский, усть-янский говоры отождествлены как идиомы западного наречия.

Сопоставление с данными других эвенских идиомов позволило определить место в классификационной системе диалектов эвенского языка верхнеколымскому, улахан-чистайскому и усть-майскому говорам – отнести их к среднему наречию.

Говоры бассейна Индигирки (абыйский, оймьяконский, томпонский, момский) объединены в индигирский диалект. Выделяемый ранее саккырырский диалект, включающий ламунхинский и тюгясирский говоры, отнесен к западному наречию.

В северный диалект интегрированы аллаиховский и нижнеколымский говоры, обнаруживающие много общих черт на всех уровнях языка.

Литература

1. Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. – СПб, 2004. – 392 с.
2. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. – СПб, 1995. – 146 с.
3. Дуткин Х.И., Белянская М.Х. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка. – СПб, 2009. – 168 с.
4. Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск, 2010. – 112 с.
5. Кузьмина Р.П., Шарина С.И. Особенности языка верхнеколымских эвенов. – Новосибирск: Наука, 2019. – 116 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 39).
6. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. – Л., 1978. – 208 с.
7. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. – Л., 1982. – 252 с.
8. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть I. – М.; Л., 1960. – 244 с.
9. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. – Л., 1989. – 206 с.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1-2. – Л., 1975; 1977. – 712 с.
11. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947. – 270 с.
12. Шарина С.И., Кузьмина Р.П. Нижнеколымский говор эвенского языка. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. – 184 с.
13. Шарина С.И., Кузьмина Р.П., Нестерова Е.В., Петрова В.А., Саввинова С.Н., Садовникова И.И., Осипов Б.Я. Вербальные традиции эвенов Якутии. – Новосибирск: Наука, 2023. – 344 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 46).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЯНО-МАЙСКИХ ГОВОРОВ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Андреева Тамара Егоровна

Аннотация. Статья посвящена описанию некоторых фонетических особенностей аяно-майских говоров эвенкийского языка, выявлению особенностей аянского диалекта, которые сближают описываемые говоры с соседними крайне-восточными говорами, а также выявлению общности с эвенским и якутским языками. Анализ текстов полевых исследований от майских и тоттинских эвенков подтверждает результаты исследования А.В. Романовой – составы гласных и согласных в майском и тоттинском говорах в количественном отношении совпадают с учурско-зейскими говорами. В составе гласных говоров отмечаются комбинаторные варианты фонем *э, у, ё, и*; губное притяжение. Действует закон гармонии гласных как общеязыковое явление эвенкийского языка. В подсистеме согласных: *с* употребление в начальном и в конечном положениях, *h* в интервокальном положении; употребление смычной звонкой согласной фонемы *б* в начальной и интервокальной позициях; оглушением фонемы *з* в *к* или же в щелевую согласную фонему *х* в середине перед согласными *д, р* в конце слов; оглушение фонемы *д* в *т* в начале слов; выпадение согласной носовой фонемы *н* в конце основы или корня слова и др. В обоих говорах отмечается влияние фонетики якутского и эвенского языков.

Ключевые слова: эвенкийский язык, диалект, говор, подсистема гласных, подсистема согласных, фонетические особенности.

Эвенкийский язык входит в группу тунгусо-маньчжурских языков. Эвенки живут в Эвенкии, на Таймыре, Красноярском крае, Читинской, Иркутской, Амурской и Сахалинской областях, Бурятии, Якутии и Хабаровском крае. «Широкое расселение эвенков, их исторические и позднейшие связи с разноразличными соседями, неоднократные передвижения... привели к образованию множества говоров...» [3, с. 643].

В основу литературного эвенкийского языка первоначально был положен один из сибирянтных (секающих) диалектов – непский говор. В совещании народов Крайнего Севера в 1952 году было принято решение – ориентировать дальнейшее развитие эвенкийского литературного языка на такую диалектную базу, которая обслуживает большинство эвенков. Литературный язык был переориентирован на говоры Подкаменной Тунгуски – полигусовский [1, с. 51–52].

Формирование многочисленных тунгусских диалектов Г.М. Василевич рассматривала как результат взаимодействия древних тунгусов с иноязычными племенами Сибири. Развитие языка от первоначального состояния до современного представляет собой очень сложный и длительный процесс. Языковые контакты оказывают влияние на фонетику, морфологию, лексику взаимодействующих языков [3, с. 47].

Глубокий и всесторонний интерес к фонетике эвенкийского языка всегда был и остается отличительной особенностью Санкт-Петербургской фонетической школы акад. Л.В. Щербы. Большое внимание уделила звуковому строю эвенкийского языка М.И. Матусевич [2, с. 150–180].

Специальных работ по фонетике эвенкийского языка немного. Описание системы фонем одного из говоров, составлявших основу письменного языка в начальный период ее развития и в целом близкого тем говорам, которые лежат в основе современного эвенкийского языка дано в работе М.И. Матусевич, которая сохраняет свое значение для изучения эвенкийской фонетики и в наши дни [5, с. 132–169].

Несмотря на колоссальность территории распространения языка и связанное с этим огромное количество говоров (около 50), мы имеем единство грамматических норм языка [3, с. 47].

В звуковых системах эвенкийских говоров количество гласных и согласных фонем во всех говорах одно и то же, расхождения между ними сводятся к наличию многочисленных вариантов имеющихся фонем.

Аяно-майский диалект относится к секающе-хакающей группе восточных диалектов и по отдельным особенностям сближается с тугуро-чумиканскими, сахалинскими, учурско-зейскими, кур-урмийскими, тунгирскими и чульманско-гилюйскими говорами. Он состоит из следующих говоров – аянский, аймский, майский, нельканский, тоттинский [1, с. 9–10].

До 1934 г. современный Аяно-Майский район входил в состав Охотского эвенского национального округа с административным центром в Охотске, в этом же году вошел в состав Нижне-Амурской области, с 1956 г. стал подчиняться Хабаровскому краю [8, с. 78].

Носители этих говоров живут в Нельканском районе, который раньше относился к территории Якутской АССР, теперь входит в состав Хабаровского края. Аяно-майские эвенки сохранили родной язык. До недавних времен были тесно связаны с усть-майскими эвенками, которые утратили родной язык и перешли на якутский язык. По данным исследования, А.В. Романова язык аяно-майских эвенков выделяет два самостоятельных говора: майский – говор эвенков, живущих в бассейне реки Май, тоттинский – говор эвенков, живущих в с. Маймакан, Тотта, Нурки [8, с. 79].

В 1960 г. А.В. Романова в диалектологической экспедиции в Хабаровском крае провела исследование аяно-майских говоров эвенкийского языка. Основная цель научной экспедиции – сбор лингвистического материала и на основе собранного материала охарактеризовать фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности. Задачами были выявление осо-

бенностей, которые сближают описываемые говоры с соседними крайневосточными говорами, и определение их отношения к другим говорам восточных диалектов эвенкийского языка; проследжение, выражения общности с эвенским и якутскими языками [8, с. 75].

В этой статье охарактеризуем фонетические особенности аяно-майских говоров: майский и тоттинский. Звуковой строй аяно-майских говоров такой же, как в учурско-зейских говорах, в количественном отношении не отличается от других говоров эвенкийского языка. Эти говоры можно отнести к акающим говорам.

Г л а с н ы е.

Состав фонем. В фонетическом составе имеются варианты фонем и комбинаторные гласные: *э, у, ē, и* и *и ~ и', с ~ с', h ~ h'*.

В составе вокализма описываемых говоров А.В. Романова отметила наличие комбинаторных вариантов фонем:

Фонема *э (э)* среднего ряда, среднего подъема. В произношении аймских эвенков, говорящих на майском говоре, комбинаторные варианты этой фонемы обуславливаются качеством фонем предшествующего слога, например:

а) после слога с долгим *ā* произносятся: *vāran* (~ *vārэн*) 'он убил', *sāran* (~ *srэн*) 'он знает' и др. примеры;

б) при таком же положении языка (а) (в двусложных словах) произносится и долгая гласная фонема во втором слоге после слогов с узкими гласными *и/у*: *bichān* (~ *bichэн*) 'он был', *gunchān* (~ *gunчэн*) 'он сказал' и др.

в) после слога с узкими гласными *и/у* в произношении майских эвенков фонема *э* бывает более продвинута вперед при среднем подъеме языка (*о, ъ*): *bichōn* (~ *bichэн*) 'он был', *unquron* (~ *ункурэн*) 'он пролил' и др.

Все это подтверждает комбинаторные варианты фонемы *э*, указанные Г.М. Василевич [3, с. 263].

г) в словах, заимствованных из якутского языка, сохраняется передняя губная фонема *ѐ, ё*: *örönd* 'өрө' 'учатся', *ön* 'змея'.

Все это подтверждает комбинаторные варианты фонемы *э (э ~ а ~ ā ~ о ~ ъ)*, указанные Г.М. Василевич [3].

д) некоторые эвенки из потомков рода Эд'ан вместо узкой гласной фонемы *у, ū* произносят широкую гласную фонему *о, ъ*, например: *ēkōn* вм. *ēkūn* 'что', *honāt* вм. *hunāt* 'девушка' и др., что характерно для говоров потомков ангарских тунгусов XVII в.), например, среди некоторых современных эвенков подкаменно-тунгусских, токкинских, верхне-ленских эвенков) [3, с. 92, 113, 231] и встречается в чульманско-гилойских говорах. Употребление широких фонем встречается и в эвенском, и в негидальском [4, с. 47–48; 6, с. 131].

В тоттинском говоре в некоторых возрастных названиях оленей употребляются дифтонги вместо долгого *ѐ*, например: *суонҕачан* (~ *сѐнҕачān*) 'теленка' и др. Э.К. Пекарский также зарегистрировал наличие дифтонгов в возрастных названиях оленей. В этой же работе зарегистрировано слово *аун* шапка с опущенным щелевым согласным -w- [7, с. 22, 77].

Происходит замена фонемы *ʃ* фонемой *ɖ*, переход конечного смычного звонкого согласного *ʒ* в глухую согласную фонему *к* или же в щелевую глухую согласную фонему *х*.

А.В. Романова отмечает, что для майского и тоттинского говоров, а также для многих других восточных говоров характерно *губное притяжение* [6, с. 81].

С о г л а с н ы е.

Состав согласных в майском и тоттинском говорах одинаков, но в потоке речи при сочетании с гласными или же между ними обнаруживаются некоторые отличия от обычного произношения согласных фонем. Приведем некоторые из них:

1) Согласная фонема *с* в начале и конце слова, а также после согласных в этих говорах сохраняется: *сй* ‘ты’, *сён* ‘ухо’, *тус* ‘соль’, *котос* ‘твой нож’, *тулйскй* ‘на улице’.

2) Наряду с начальным *с-* в говорах употребляется также фонема *ч-*: *сачарй* ~ *чачарй* ‘самка оленя 2-х лет’, *сукчамй* ~ *чукчамй* ‘разбить’.

3) В обоих говорах характерно употребление *х* в интервокальном положении. В произношении некоторых эвенков обоих говоров фонема *х* соответствует сочетанию *-кс-* других говоров и диалектов: *силэхэ* (вм. *силэксэ*) ‘роса’, *тамнаха* (вм. *тамнакса*) ‘туман’.

4) В произношении тоттинских эвенков отсутствует начальный *h-* в таких словах, как *хунāt* ‘девушка’, *хокто* ‘дорога’ – *унāt*, *окто*.

5) В произношении аймских эвенков наблюдалось употребление смычной звонкой согласной фонемы *б* вместо начальной губно-зубной звонкой фонемы *в* и *губно-губной -w-* под влиянием фонетики якутского языка и др.

Исследованные говоры аяно-майских эвенков показали, что по своим фонетическим особенностям относятся к секающе-хакающей группе восточных диалектов, поэтому сближаются с учурско-зейскими, кур-урмийскими, сахалинскими, чульманско-гилюйскими и тугуро-чумиканскими говорами. Отметим общие фонетические особенности восточных диалектов в говорах майских и тоттинских эвенков: 1) начальный *с-* из группы соответствий *с ~ ш ~ х*; интервокальный *-х*; 2) в тоттинском говоре выпадение начального *h-* из группы соответствий *h ~ o*; 3) наличие вариантов фонем *э, а, о* после слогов с *ā* и с узкими гласными *и, у*; 4) сохранение губного притяжения; 5) наличие смычного звонкого согласного *б* вместо *w* в интервокальном положении и после сонантов *л* и *р*; 6) замена фонемы *в* глухими согласными фонемами *к* и *п* после глухих согласных в суффиксах возвратного притяжения и винительного падежа; 7) сохранение неассимилированных сочетаний *рн, рм, ср, нр, кр, тр*.

Были отмечены общие черты исследуемых говоров с отдельными из вышперечисленных говоров: 1) вариант фонем *и (і, ы)* сближает с говорами учурско-зейскими, кур-урмийскими и сахалинскими; 2) вариант фонем *ē - ε - с* говорами чульманско-гилюйскими; 3) соответствие согласной фонемы *х* сочетанию *кс* – с учурско-зейскими и чульманско-гилюйскими; 4) употребление неассимилированных сочетаний: *лд, нд, мд, ʃд* – с тугуро-чумиканскими и

учурско-зейскими; наличие ассимилированных сочетаний *nn* – с сахалинскими и кур-урмийскими.

Влияние фонетики якутского языка. Былые связи эвенков с якутами не прошли бесследно для фонетики этих говоров. Влияние фонетики якутского языка сказывается на проявляющемся иногда губном притяжении: *сурурун* (*су-рурэн*) ‘ушел’, *урунд* ‘урун (*урунд* ‘урэн) ‘радуется’, а также отмечается в следующем: 1) комбинаторные варианты фонемы *э* – *а*; 2) гласная фонема *ӧ*, *ӱ*; 3) переход фонемы *в* (*w*) в *б* в начальном и интервокальном положении; 4) употребление согласной фонемы *ч* вместо среднеязычного носового согласного *н*’ в начале некоторых слов.

Влияние фонетики эвенского языка отмечается: 1) аббревиация конечных согласных *-и* / *-у* корня и основы, характерная для всех крайневосточных говоров эвенкийского языка, для эвенского и некоторых языков нижнего Приамурья, вероятно, и относится к влиянию языков аборигенов; 2) замена начальной фонемы *в-* фонемой *м-*; 3) отсутствие ассимиляции *с* после слогов, оканчивающихся на сонорные *н*, *л*, *р* (в лично-притяжательных суффиксах 2 л. ед.ч. и 2 л. мн.ч.); 4) употребление в интервокальном положении *и* вместо *б*, а также преобладание употребления согласных *н* и *н*’ вместо согласных *л*, *л*’. Это характерно также для шекающих говоров потомков ангарских тунгусов XVII в. [3, с. 94]. Закон гармонии гласных в этих говорах выступает как общезыковое явление эвенкийского языка.

Литература

1. Булатова Н.Я. К характеристике говоров эвенков Амурской области // Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка. – М., 1978. – С. 37–48.
2. Бурыкин А.А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. Т.3. Ч.1. – СПб., 2000. – С. 150–180.
3. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л., 1948. – 353 с.
4. Матусевич М.И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учен. зап. ЛГУ, 1960. – № 237. – Вып. 40. – С. 132–169.
5. Мыльникова К.М., Цинциус В.И. Материалы по исследованию негидальского языка // Тунгусский сборник. – Л., 1931. – С. 107–218.
6. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. – М.-Л. – 1960. – С. 47–48.
7. Пекарский Э.К. Очерки быта приаянских тунгусов. – СПб., 1913. – С. 22.
8. Романова А.В. и Мыреева А.Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. – М.-Л.: Наука, 1964. – 178 с.

САХАЛЫ ТЫЛЫНАН СУРУЛЛУБУТ ТИЭКИС ИСТИИЛИН УЛАРЫТАР БЫРАГЫРААМА

Бочкарев Василий Васильевич

Аннотация. Диалектные синонимы якутского языка в большинстве случаев логически понятны всем носителям языка, но в то же время обладают неким фольклорным колоритом, и при использовании наделяют текст особым аутентичным характером, ощущением чего-то родного, чего-то прямо из «истоков». Использование такого эффекта воспринимается читателями как «глубокое познание языка». В этой статье описывается и подробно разбирается пример замены одного слова из отдельно выбранного предложения в алгоритме компьютерной программы с точки зрения лингвистики, показываются основные трудности, и возможные ошибки, которые могут возникнуть при работе. Данный алгоритм будет полезен для создания программ синтеза или стилистического редактирования текста, а также для систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: якутский язык, диалектные слова, синонимы, компьютерная лингвистика.

Түөлбэ тыла хайа баҕарар тыл баайа, кизргэлэ буолар. Сөбүгэр көрөн, миэстэтигэр түбэһиннэрэн түөлбэ тылын туһаныы – этиини тупсарар, кизргэтэр, истинг, диринг онорор. Бэйэ икки ардыгар күннээҕи сурукка аңардас литературнай тылы туһаныы официальной, «тымныы» тыынныыр.

Тиэкискэ туһаныллар түөлбэ тыла бүтүтүүн норуот ылынар литературнай тылыттан сорох ардыгар отой атын да буоллар, этии сүннүүнэн, контексыгар этиллэр санаа сэрэйиллиитин суотугар өйдөнөр, онтон уйулҕа өттүнэн кыра дэбигис «биллибэттээх» тиэкис ааҕааччыга ордук дыктитийэн, интириэһинэй буолан көстөр, сурук ааптарын тыл лексикатын толору баһылаабыт, «диринг киэн билиилээх» киһи быһыытынан көрдөрөр.

Ол быһыытынан, бэйэ икки ардыгар сурукка түөлбэ тылларын кыбытыы сорох ардыгар туһалаах хардыы буолуон сөп. Бу туһуттан көннөрү литературнай тиэкистэри истинг кэпсэтии истиилигэр уларытыы үлэтин компьютер көмөтүнэн ситиһэр сорук турда. Манна бырагыраама үлэтигэр сүрүн олук быһыытынан, 1995 сыллаахха тахсыбыт М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев ааптардардаах «Саха түөлбэ тылын тылдыта» кинигэбэ олобурбут диалектнай синонимнар базалара буолла [1].

Бырагыраама үлэиир сүрүн онкула: суруллубут бастаангы тылы базаҕа көстүбүт синонимнарын солбуйуу.

Бырагыраама сурулларыгар көстүбүт сүрүн уустуктар.

1. Омонимнар. Бырагырааманы маннык судургу алгоритмынан онорууга омонимнаах тыллары булкуйуу хайаатар да тахсар. Маны туоратарга түөлбө тыл синонимнарын базатын онорууга омонимнаах тыллары ситим тылларын кытары бииргэ хас да барыйааннарын хабан, хатылаан туран сурулуннулар. Холобур:

ааны ас /-/ *ааны арый*
ат сүүрэр /-/ *буур* | *далаһа* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* | *тыбыырап*
ат ааста /-/ *буур* | *далаһа* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* | *тыбыырап*
ат турар /-/ *буур* | *далаһа* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* | *тыбыырап*
ат тыбыырап /-/ *буур* | *далаһа* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* |

Базаҕа маннык суруйуу сэрэйиллэрин курдук бырагыраама кыабын хааччахтыыр эрэри, омонимнартан күөттэнэн тахсар алҕастары суох онорор. Омони-ма суох тыллар биирдэм буоланнар булкууру таһаарбаттар, онон, ситим тылларын кытары суруллар ирдэбил суох.

2. Ылбаҕай тиэкис. Уларыбыт тиэкис ааҕарга табыгастаах, ылынарга үчүгэй буоларын ситиһэргэ:

1. Көстөн турар тавтология суох буолуохтаах;
2. Дорҕоон дьүөрэлэһиитэ тутуһуллуохтаах;
3. Тыллар уһуннара быһа холоон тэн буолуохтаах.

Бу хайдах ситиһилиннэй?

Тавтология. Бырагыраама үлэтин түмүгэр сорох ардыгар олус толоос хатыланылар тахсыахтарын сөп. Холобур: «*Далаһа устун ат ааста*».

ат ааста /-/ *буур* | *далаһа* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* | *тыбыырап*

Бу түбэлтэҕэ бырагыраама түөлбө тыллартан «далаһа» диэн барыйаанын таллабына, олус толоос этии таныллан тахсар:

«*Далаһа устун далаһа ааста*».

Маннык алҕас тахсыбатын туһуттан:

1. Уларытыллар этиини тиэкистэн туспа быһа тардан ылабыт;
2. Этиини «. ; ? !» бэлиэлэр көмөлөрүнэн араарабыт. Массивка кубулутабыт;
3. Араарыллыбыт этии хас биирдии тылларын туспа наардыыбыт. Массивка кубулутабыт;
4. Уларыыахтаах тыллары эмиэ массивка кубулутабыт;
5. Араарыллыбыт этии тустаах тылын, уларыыахтаах тыллар массивтарын кытта тэннибит, сөп түбэһии көһүннэҕинэ уларыыахтаах тыллар массивтарыттан сотторбут.

Бу түмүгэр, уларыйыхтаах тылтан «далаһа» диэн сотулунна:
ат ааста /-/ *буур* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* | *ты-*
быыраp

Билигин бырагыраама хайа да түгэннэ «Далаһа устун далаһа ааста» диэн тавтологиялаах барыйааны таһаарбат.

Тыллар уһуннара. Ханна баҕарар буоларын курдук, манньк көстүү ол-лур-боллур, олуттаҕас, соччото суох буолар. Эмиэ ити курдук, тылга биир кэм охсуута суох биир уһуннаах тыллартан турар этии ордук үчүгэйдик ылыныл-лар, салгын ылан санарарга да табыгастаах.

Ити быһыытынан, тыллар уһуннарын тэннээн биэрэр ордук тоҕоостоох буолар:

- тавтологияны суох онорорго анаан көннөрүллүбүт уларыйыхтаах тыл туһаныллар;

- араарыллыбыт этиини ылабыт, биирдии тылларынан наардыбыт;

- тылы барытын төһө буукубалаабын ааҕабыт;

- тахсыбыт ахсаан орто сууматын булабыт. Бу – этии сыыппарата;

- уларыйыхтаах тыллар буукубаларын ахсаанын ааҕабыт;

- тахсыбыт сыыппаралары хас биирдии тустаах этиитигэр сыһыарабыт;

- уларыйыхтаах тылларга этии сыыппаратын кытары сөп түбэхэри, эбэтэр ордук чугастары эрэ хаалларабыт, атыттарын сотторобут.

Диалектар синонимнара соҕотох эрэ барыйааннаах буоллаҕына, ол эрэн сыыппараларын араастаһыта икки төгүлтэн ордук буоллаҕына тыыппаппыт, оннунан хаалларабыт.

Холобур:

«Далаһа устун *ат ааста*». Далаһа – 6; устун – 5; *ат* – 2; *ааста* – 5.
 $6+5+2+5=18$ $18/4=4,5$;

Этии сыыппарата – **4,5**.

Манна чугастар 4, 5 сыыппаралар. Суох буоллаҕына биирдии сыыппаранан эбэн/көбүрэтэн иһэр.

ат ааста /-/ *буур* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* | *ты-*
быыраp

буур – 4;

көлгөм – 6;

кыталык – 7;

өкөйөр – 6;

талаһа – 6;

тардыстар – 9;

тыбыыраp – 8.

Көстөрүн курдук, манна саамай чугас – 4. Ол эбэтэр онно сыһыарыллыбыт «Буур» диэн тыл. Түмүгэр:

ат ааста /-/ *буур* | *көлгөм* | *кыталык* | *өкөйөр* | *талаһа* | *тардыстар* | *ты-*
быыраp

«Далаһа устун *буур ааста*».

Доржооннор дьүөрэлэһиилэрэ. Бу орто дойдуга туох баар барыта инерциялаах, ол эбэтэр баран испит суолун тутуһар, туоруу, халыйа охсубат. Бу хайа баҕарар кытаанах эттиккэ да, өйгө-санааҕа да сыһыаннаах. Ол сизеринэн, доржоон дьүөрэлэһиитэ тутуһуллара эмиэ бүтүн этии ылбаҕай буоларыгар олус улахан суолталаах.

Бу соругу ситиһэргэ:

- тавтологианы суох онторорго анаан көннөрүллүбүт уларыбыт тыл туһаныллар;

- араарыллыбыт этиигэ аһаҕас доржооннорун туспа тутан ахсааннарын ааҕабыт;

- саамай элбэх ахсааннаах буукуба (доржоон графической бэриллээтэ) күлүүс буукуба буолар;

- уларыһааччыга биирдии тылларынан арааран аһаҕас доржооннору бэлиэтиир буукубаларын ахсааннарын ааҕабыт. Баһыйар үгүстэрин бэлиэтиибит.

- уларытыыга баһыйар үгүстэртэн талабыт.

Холобур:

«Далаһа устун ат ааста» = «ааа уу а ааа» = «а» - 7, «у» - 2. Баһыйара: «А».

Ол эбэтэр, «А» буукуба баһыйардаах тылларынан солбуйабыт.

ат ааста /-/ буур | көлгөм | кыталык | өкөйөр | талаһа | тардыстар | тыбыыраар

Ордук «талаһа» диэн тылга «А» элбэх. Бу тыл ылыллар.

Бүтэһигэр икки ордук табыгастаах барыйаан хаалар:

ат ааста /-/ буур | талаһа

Бу икки барыйаантан биирэ «түбэһиэх сыыппара генераторын» көмөтүнэн талыллар, уонна этиигэ киирэр:

«Далаһа устун буур ааста», эбэтэр: «Далаһа устун талаһа ааста».

Көстөрүн курдук, манньык алгоритымынан этии тутулуттан көрөн тыллар араастаан уларытыллыахтарын сөп, ол иһин бүтүн тизкис барыта халыыпка киирэн биир буолбакка, араас баай тыллаах буолан көстөрө ситиһиллэр.

Бырагыраама куйаар ситимигэр холбонорго анаан РНР тылынан сурулунна, хайа баҕарар саайтка киллэһик быһыытынан туран үлэлиир кыахтаах.

Литература

1. Диалектологический словарь языка саха = Саха түөлбө тылын тылдыта: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В «ЯКУТСКО-РУССКОМ ТЕМАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ: ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ГЛАГОЛ»*Винокурова Надежда Ивановна*

Аннотация. Статья посвящена изучению диалектизмов, включённых в «Якутско-русский тематический словарь», созданный коллективом авторов и изданный в 2024 году. Основной целью исследования является анализ вхождения диалектных слов в словарь и их классификация по способам словообразования на основе фундаментального монографического труда Спиридона Алексеевича Иванова, увидевшего свет в 2017 году. В статье показано, что существительные и глаголы, которые помечены как диалектизмы, распределены по тематическим группам, отражающим важнейшие аспекты жизни якутского народа, такие как охота, рыболовство, бытовые предметы и пищевые продукты. Всего в словаре выявлено 139 диалектизмов. В статье представлены примеры слов с указанием их этимологии и способов образования, таких как заимствования из русского и эвенкийского языков, а также слова, образованные метафорическим переносом.

Ключевые слова: якутский язык, тематические группы, диалектные слова, способы образования.

В якутско-русском тематическом словаре имена существительные и глаголы классифицированы по тематическим группам, затрагивающим наиболее важные сферы жизнедеятельности человека. Сбор и выборка слов осуществлялись в числе других критериев на основе их употребительности, что объясняет небольшое количество диалектизмов, включённых в словарь. Всего было обнаружено 139 диалектизмов, которые приведены ниже в таблице 1.

*Таблица 1***Диалектизмы, обнаруженные в «Якутско-русском тематическом словаре» [1]**

Тематическая группа	Диалектное слово
1.2. Киһи этэ-сиинэ. Части тела и органы человека	МАРБА устар. диал. живот, пузо.
1.2.1. Эт-сиин чаастара. Части тела.	ТАМЫК диал. подколенка, задняя сторона колен.

© *Винокурова Надежда Ивановна*, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, nadyavinokurova@mail.ru

1.2.6. Физиологической убаҕастар, уорганнар онорон таһаарбыттара.	ЧАЛКЫ диал. водянистые образования, зернистость на веках глаз.
1.3. Киһи туруга. Физиологические состояния человека 1.3.2. Киһи ыарыылара, ыарыы сибикигэ.	АЛБАН диал. эпидемия.
	ТҮӨЛЛҮГЭН диал. гнойный нарыв, карбункул.
2.1. Хаан аймахтар. Кровные родственники	ТЭЭТЭ диал. отец.
2.2. Кэргэнинэн аймахтар. Родственники по свойству	КҮТҮӨМЭ диал. муж дальней родственницы, старшей по возрасту, зять
3.1. Дьиз-уот. Дом.	ХАДАРҔАН диал. хозяйственные постройки типа амбара, сарая.
3.1.1. Олорор дьиз уонна атын тутуулар.	КӨЛБҮҮР диал. люлька для младенца на тальниковом ободке с отверстием для мочи.
3.1.2. Дьиз мала. Мебель, предметы быта	КУПЧУУ диал. спальный мешок.
	КУКУУЛ диал. спальный мешок.
	ОЛООҔОС диал. коврик, подушка для сидения.
	УЙА диал. люлька, колыбель младенца.
3.1.3. Иһит-хомуос. Посуда	БУҔАРАР диал. чайник (заварной).
	КӨЙӨРӨР диал. берестяная посуда в виде большой миски, таза.
	КӨӨННӨРӨР диал. заварной чайник.
	КУЙААБЫЛ диал. небольшой берестяной сосуд на ободке для сбивки голубики с кустов.
	КУОБУЙА диал. берестяная коробочка для сбора ягод.
	КУПЧУК диал. горшок с узким краем (горлом), кубастая посуда для варки пищи.
	ТААСТЫЙА диал. чайник-заварник.
	ХОТОРООНЬУК диал. деревянная ложка с длинной ручкой для вынимания кусков мяса, рыбы из ухи, бульона.
3.1.4. Дьизбэ туттар мал. Бытовые приспособления	КУЛУГУЧЧУТАР диал., устар. маленькая деревяшка с отверстием, предназначенная для помола нюхательного табака.
3.1.5. Хаппардар. Вместилища	МАЛЛААХ ИҥИТ диал. коробка с принадлежностями для шитья.
3.3. Танас-сап, кизргэл. Одежда, украшения.	АГДАКА диал. мужской верхний костюм, похожий на поддёвку.
3.3.1. Танас көрүгнэрэ. Виды, предметы одежды	

	БЭЭСИНГЭ диал. вязанка (кофта, жакет и т.п.).
	ДУНДУУК диал. доха с капюшоном.
	ДУОДАКА диал. короткое, нарядное пальто, широкое в плечах.
	КӨБДЬӨӨ диал. короткая оленья доха.
	КӨПӨӨ диал. оленья шуба мехом внутрь.
	КӨПЧӨКӨ диал. короткое оленьё пальто; короткая оленья доха.
	КҮКҮЛЭЭНКИ диал. кухлянка.
	МУКУЛАЙ диал. зимняя шапка, обшитая мехом спереди и сзади, закрывающая щёки до подбородка без козырька.
	МЭКЧЭ диал. короткое пальто из шкуры летнего оленя, используемое в хозяйственных работах.
	НЭЛЭКЭ диал. эвенская одежда, обычно надеваемая как фартук, украшенная бисером.
	ТЭТИ диал. оленья доха с орнаментом.
	УРУУКА диал. меховые рукавицы из оленьих лапок.
3.3.2. Ис танас. Бельё	ОННЬУУСКА диал. портянки.
	СӨРӨКӨ диал. портянки.
	УКТАС диал. онучи, портянки, подвёртки под обувь.
3.3.3. Атах танаһа. Обувь	БҮРҮМҮҮ диал. зимние торбаса с высокими голенищами.
	ДЬАБАЛА диал. якутские меховые унты с длинными голенищами на мягкой подошве.
	МАМЫҢЫКЫ диал. меховые галоши, надеваемые поверх торбасов.
	МУОРСУНА диал. обувь, сшитая из шкур, шерстью наружу, обычно с коровьих ног.
	ТУРААНКЫ диал. тёплая меховая обувь, надеваемая поверх торбасов.
3.3.4. Төбөҕө кэтэр танас. Головные уборы	МАЛАХАЙ диал. зимняя шапка на меху с широкими наушниками, малахай.
3.3.5. Танас сорҕото, матырыйаал. Часть одежды, материал	МААНДА диал. пояс брюк.
	ТЫСКЫ диал. петля для пуговицы, застёжка.
4.1. Аска туттуллар бородуукта. Пищевые продукты	БУҢУРУК диал. сливки, полученные с кипячёного сразу после удоя молока.

	БЫТАРХАЙ ИЭДЬЭГЭЙ диал. сухой творог.
	ДЫКТЭМИИ диал. вид заготовки: сушёное, затем толчёное мясо гольяна
	ИЛЭЭНКИ диал. сушёное мясо.
	НЬӨӨКҮ диал. продукты, заготовленные про запас.
4.2. Аһыыр ас. Кушанье	БӨҺҮҮКЭ диал. якутское молочное блюдо: взбитая свежая сметана с небольшим добавлением кипятка.
	БЫЛААБЫТ диал. блюдо из измельчённой юколы (вяленой на солнце или копченной рыбы), залитой рыбьим жиром.
	КИИҢИЛЭ ХААҢЫ диал. щавель, сваренный на обрете или свежем молоке.
	КӨБҮКҮ диал. взбитые сливки.
	КӨПӨКҮ диал. взбитые свежие сливки.
	ОЛОРБОХ диал. якутское национальное блюдо: сало, мясо и мука, сваренные в сметане.
	СҮҮМЭХ СУОРАТ диал. самый густой суорат, из которого высцежена вода.
	ТААРКЫ диал. сушёная молочная пенка, сложенная в несколько слоев.
	ТУМАЛААХ СУОРАТ диал. суорат со сливками.
	ЧАЧЧАА диал. сушёные в виде лепёшки слои пенки от тёплого молока.
5.3. Сиэр-туом. Обряды	САНДАМА диал. ысыах (якутский национальный праздник, сопровождаемый национальными танцами, спортивными играми и кумысным питьем).
5.4. Сиэргэ-туомна туттуллар мал.	ТУСКУН диал. предмет (напр., деревянная ложка), используемый в гадании, ворожбе путём подбрасывания вверх
6.1. Булт уонна балыктааһын. Охота и рыболовство	ААННҢА диал. прорубь, в которую ставится верша.
	ДАЛЫР диал. плотина для вершей, построенная в трясине между двумя озёрами.
	КУОМДЬААР диал. небольшие ямы, вырытые в снегу для охоты на куропаток.
	МААРЫ диал. способ ловить карасей, загоняя его с лодки в только что расставленные сети.
	НЬОЛҮТУУ диал. приём отстрела птиц на лету.

	СЭБЭЭРИНЭ диал. торжественное угощение по случаю добычи медведя.
	СЭҺЭЭККЭ диал. засидка, укрытие охотника на уток.
	ТИИГЭЭН диал. место отстрела диких оленей при их переправе через реку.
	УДБАРА диал. звериный след.
6.1.2. Булт, балык тэриллэрэ. Охотничье, рыболовное приспособления	БАДААР диал. вилообразный железный наконечник лука-самострела с обратными зазубринами.
	БИЭРЭҺИННЫК диал. деревянный поплавок.
	ДАЛДА диал. щиток, охотничий снаряд, приспособленный для укрытия от зверя (напр., дикого оленя), состоящий из доски, пары лыж-полозьев и подставки для ружья.
	ДУОБУЛА диал. поплавок.
	ИЭННЭРИК диал. ремённая перевязь, к которой подвешивались охотничьи припасы (пороховница, сумочка с дробью и т. п.).
	КИЛЭС диал. бечёва у невода и сети, свитая из тальниковой коры.
	ЛААҔЫРА диал. поперечина на ободке рыболовного сака, в которую упирается конец рукоятки.
	МУОНДА диал. большая верша из листовенных прутьев, предназначенная для ловли налима или осётра.
	НАЛБА диал. щит из ивовых прутьев или молодых листовенниц для рыболовного ограждения.
	ТӨРҮӨТ диал. охотничьи орудия, снасти (капкан, силки, верша и т. п.).
	ХАЛАМА диал. рыболовный крючок, удочка.
	ХАРДЫЙА диал. охотничьи лыжи без кожаной обивки.
6.2. Оонньуу-көр, дьарык уонна дьоро тэрээһиннэр.	КЫЫРАЙКА диал. городки.
6.3. Оонньуу-көр тэриллэрэ.	ДЬУГДЬУ диал. волчок.
	КУРГУЛЛАЙ диал. волчок, юла.
7.2. Олорор сир сорҕото. Место в населённом пункте	ТУСАҺА диал. двор.
7.3. Айан тэрилэ. Транспорт	БИЭТКИ диал. плоскодонная лодка, ветка.
	ДЬАЛЫС диал. небольшая лодка, ялик.

	КИРЭЭКИ диал. длинные, узкие сани.
	МОЛОХО диал. волокуша для брёвен.
	МЭРЭКЭ диал. ровдужная лодочка, ветка.
10.2. Уу куйаара. Водное пространство	КУУБА диал. губа (залив северных морей).
	ЛҮНКЭ диал. таёжное озеро, глубокое от самых берегов.
	ЛААЙДА диал. мелководное озеро в тундре, к осени обычно высыхающее.
	ЛААМЫ диал. море.
	МЭЭМИ диал. отдельная прорубь овальной формы, рядом с главной, в которую закидывают невод с выловленной рыбой.
	САККЫАР диал. льющаяся сверху вода.
	СҮЛЛҮҮ диал. русло (напр., реки, речки).
	ТЫМЫРААТ диал. маленький ручёк.
	ХААДЫК диал. мелкое место в протоке реки, где рыба нерестится, нерестилище.
	ХАНААЙЫ диал. лёд, из-под которого ушла вода, ледяная корка.
	ХОНКУЙА диал. залив озера.
	ХОСПУЙА диал. озёрный залив.
	ХОҺО диал. речной залив.
	ХОТООН диал. ручей, исток ручья.
	ЭЛГЭ диал. глубокая речка с высокими и крутыми берегами.
10.4. Айылҕа көстүүлэрэ. Природные явления	КЭБИРГЭЛ диал. промерзание, обледенение травы на покосах после рано.
	СЫҺЫАТ диал. весеннее таяние снега, когда талый снег пристает к полозьям саней; весенняя накипь.
	ТОНОТ АТАҔА диал. места с уплотнённым снегом.
	ХАЧААЛ диал. весенние затяжные холода с ветром; голодный период в результате затяжных весенних холодов.
	ЧАБЫЫ диал. гололед после первого снега.
	ЧАРГЫЛ диал. уменьшение толщины снега при таянии.
10.4.1. Сөнүү. Атмосферные осадки	АЙАННЫ диал. снежный покров урасы, юрты.
	ДЫБДЫА диал. наст.

	ӨГӨРӨН диал. ливень со шквальным ветром.
	СОМУНАХ ХААР диал. рыхлый снег, покрывающий землю.
	ХАТАҢА диал. быстро тающий иней, заморозь снега (осенью, весной).
	ЭҢИР диал. снежный вал в виде ступеней, наметённый ветром в открытой местности.
10.4.2. Тыал-куус. Салгын. Ветер. Воздух	СААППАС диал. затяжная буря с разрушительным западным ветром, возникающая в тундре обычно в марте (иногда несущая людям большие бедствия).
3.3. Сага-ингэ үлэтэ. Речевая деятельность. 3.3.1. Сангарыы. Произнесение	ЭНТЭР диал. издавать громкие, призывные звуки, предназначенные для самок, гулко реветь, кричать (напр., о лосе во время гона).
3.3.4. Туһаайан этии. Обращение	ЭПИЭТТЭЭ диал. требовать ответа, допрашивать.
3.5. Эт-сиин үлэтэ. Физиологическое действие. 3.5.1. Аһааһын, иһии. Питание и питьё	ИИП ГЫН диал. втягивать жидкость губами.
	ИИП-СААП ГЫН диал. быстро, наскоро поест, перекусить.
	НЬАЛБАННАА диал., эвф. есть молчаливо и тихо (во время охоты, чтобы не распугать добычу).
5.1. Хаачыстыба туруга. Качественное состояние. 5.1.2. Киһи ис туруга. Внутренние качества человека	ЭРИЭКЭЭ диал. огорчаться, расстраиваться, обижаться.
5.3. Ис турук, иэиин. Эмоциональное состояние. 5.3.6. Мунаарыы. Сомнение	БИЭГИЛЭЭ диал. сомневаться, колебаться.
5.3.8. Холкутуйуу, сэргэхсийиин. Спокойствие, облегчение	НАЛАҢАДЫЙ диал. не спешить, не торопиться.
5.3.9. Ахтылҕан уонна санаарҕааһын. Тоска и грусть	ЭРИЭКЭЭ диал. огорчаться, расстраиваться, обижаться.
7.2. Бас билии. Владение 7. 2. 4. Сүтэриин, матыы. Лишение, утрата	БЫДАННАА диал. разбрасывать, тратить, транжирить.
7. 2. 5. Биэриин. Передача объекта	НЬЫМААТТАА диал. делиться добычей (согласно обычаю).
7. 3. Дьон икки ардыгар сыһыан. Межличностные отношения. 7.3.3. Сыһыаны биллэриин. Внешнее проявление отношения	АЧААЛАТ диал. избаловать, изнежить (ребенка).

	БОСПУЙАЛАА диал. проявлять о ком-л. особую заботу, оказывать кому-л. особую честь.
	МААЛЛАА диал. оказывать особое внимание, почёт, уважение кому-чему-л.
7.3.4. Алтыһыы, ситимнэһии. Контакт	ДЬЭДЬЭЭМИРДЭЭ диал. задабривать, замасливать, (хоть) немного вознаградить кого-л.
7.4. Уопсастыбаннай сыһыан. Социальные отношения	БУОҔУЛАА диал. заставлять насильно кого-л. к чему-л.
7.4.2. Күһэйии. Принуждение	
7.4.8. Салайыы. Управление	БЫЙ диал. назначить кого-л. на какую-л. должность или работу.

Из обнаруженных диалектизмов чаще всего встречаются, как видно из таблицы 2, термины, относящиеся к одежде и украшениям, включая виды, предметы одежды, белье, обувь и головные уборы. На втором месте находятся термины охоты и рыболовства. Далее следуют имена существительные, относящиеся к дому и обозначающие мебель, предметы быта, посуду, бытовые приспособления. Слова, обозначающие пищевые продукты и кушанье, и слова, обозначающие водное пространство, имеют одинаковое количество словоупотреблений. Также достаточно часто встречаются диалектизмы из тематической группы «Природные явления». Как видно из результатов, диалектные слова, входящие в тематический словарь, принадлежат к наиболее насущным аспектам жизни якутского народа, таким как, питание, охота и рыболовство, одежда и т.д. Именно внимание к этим аспектам гарантировало выживание народа в тяжелых климатических условиях.

Таблица 2

Употребительность диалектизмов по тематическим группам

Тематическая группа	Количество употреблений
3.3. Танас-сап, киэргэл. Одежда, украшения	23
6.1. Булт уонна балыктааһын. Охота и рыболовство	21
3.1. Дьиз-уот. Дом.	16
4.1. Аска туттуллар бордуюкта. Пищевые продукты	15
4.2. Аһыыр ас. Кушанье	
10.2. Уу куйаара. Водное пространство	15
10.4. Айылҕа көстүүлэрэ. Природные явления	13

В своей монографии С.А. Иванов рассматривает продуктивные аффиксальные и неаффиксальные способы образования лексических диалектизмов [2]. Из 139 диалектных слов, приведенных в таблице 1, следующие упоминаются в этом труде: *лаамы, албан, саапнас, налба, хадарбан, мукулай, муонда, мээми, сандама, таастыйа, уйа, далда, өгөрөн, лаайда, куйаабыл, ньөөкү*. Рассмотрим этимологию некоторых из этих слов. *Лаамы, саапнас, налба, муонда* (от

рус. ‘морда’) являются заимствованиями. Так, *лаамы* пришло в якутский из эвенкийского *лааму* ‘море’ и встречается в названиях птиц – *лаамы андыта* ‘обыкновенная синьга’, *лаамы хаага* (есей.) ‘тундровый гуменник’, *лаабы~лаамы хоптото* ‘разновидность чайки, морская чайка’ и др. [2, с. 114].

Саанпас или *саанпас былыт* (колымский говор) *уулаах былыт* ‘дождевые облака’ – от рус. диал. *запад* ‘ветер с запада’ [2, с. 166];

Налба ‘шит из ивовых прутьев или молодых лиственниц для рыболовного заграждения’ от эвенк. *налба* ‘плетенка морды-ловушки’ [2, с. 192].

Некоторые слова образованы с помощью метафорических переносов, например, *албан* (вил., нюрб., жиг.) ‘эпидемия’ [2, с. 85].

Хадарбан ‘хозяйственные постройки типа амбара, сарая’ является диалектным названием амбаров [2, с. 213]. Этимология некоторых слов, например, *мукулай*, остается невыясненной [2, с. 290–291].

В тематическом словаре из 139 обнаруженных диалектизмов только 17 являются глаголами, все остальные относятся к существительным. Значительное количество существительных диалектизмов свидетельствует о глубокой детализации тематического словаря в описании объектов, связанных с культурой и бытом якутского народа. Глаголов диалектизмов выявлено меньше, что может объясняться их меньшей лексической вариативностью или более универсальным характером глагольной системы в языках. Большинство найденных диалектизмов являются названиями предметов, относящихся к быту, охоте, рыболовству, что отражает приоритеты народного мировосприятия.

Изучение тематических словарей позволяет проследить не только лексическую динамику, но и культурные изменения в обществе. Диалектизмы, как отражение уникального жизненного уклада народа на местах, играют важную роль в сохранении национальной идентичности. Особо следует отметить важность диалектологических исследований С.А. Иванова. Его фундаментальные труды в области словообразования и этимологии диалектных слов якутского языка предоставляют базу для дальнейшего изучения лексических особенностей и их классификации. Значение работ С.А. Иванова заключается в систематизации способов образования диалектизмов, что позволяет глубже понять механизмы их формирования и употребления в языке.

Литература

1. Винокурова Н.И., Данилова Н.И., Ефремов Н.Н., Иванова И.Б., Самсонова Е.М., Сивцева Н.А., Харабаева В.И. Сахалыы-нууччалыы бөлөбүнэн наардыыр тылдьыт: аат тыл, туохтуур = Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2023. – 388 с.
2. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Новосибирский филиал Федерального государственного унитарного предприятия «Академический научно-издательский и книгораспространительский центр «Наука», 2017. – 392 с.

II. ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 811.512.157'373

ЯКУТСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МОНОГРАФИИ П.С. АФАНАСЬЕВА «ГОВОР ВЕРХОЯНСКИХ ЯКУТОВ»

Афанасьева Евдокия Николаевна

Аннотация. В статье речь идет о якутско-монгольских лексических параллелях в говоре верхоянских якутов на основе монографии П.С. Афанасьева. В монографии говор дается в сравнении с литературным языком, а также приведены параллели из древнетюркского, тувинского, казахского, хакаского, бурятского, монгольского, письменно-монгольского, эвенкийского и русского языков. Всего обнаружено 132 соответствий из монгольских языков, из них из бурятского языка 57, монгольского 44, письменно-монгольского 31. В примерах, где представлено регулярное фонетическое соответствие *а – о*, аканье, являющееся особенностью говора, имеет соответствия в говоре центральных районов и в монгольских языках. Соответствие глухих и звонких смычных согласных *т – д* привлекает внимание тем, что слова со звонким *д* в литературном якутском языке больше обнаруживают соответствия в монгольском языке. Большинство якутско-монгольских параллелей представлены в нескольких тематических группах, касающихся семейно-родственных отношений, частей тела человека, названия животных, масти лошадей и крупного рогатого скота.

Ключевые слова: говор верхоянских якутов, якутско-монгольские лексические параллели, фонетические соответствия.

Петр Саввич Афанасьев внес свой вклад в развитие трех разделов якутского языкознания – диалектологии, лексикологии и лексикографии. Научную деятельность он начал с изучения говоров якутского языка, под руководством Л.Н. Харитоновой защитил кандидатскую диссертацию «Говор верхоянских якутов», которая была опубликована в виде монографии (Якутск, 1965). П.С. Афанасьев является одним из авторов «Диалектологического словаря якутского языка» (М., 1976). За время работы преподавателем Якутского государственного университета написал учебные пособия для студентов «Якутская лексикография» (Якутск, 1976), «Лексикология якутского языка» (Якутск, 1977), «Современный якутский язык. Лексикология» (Якутск, 1996). В работах того периода разрабатывал проблемы якутской лексикологии и лексикографии. Следующий

© *Афанасьева Евдокия Николаевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, lukow@mail.ru

этап его деятельности связан с лексикографией, вместе с Л.Н. Харитоновым работали над редакцией «Русско-якутского словаря» (М., 1968). Он был одним из авторов 15-томного «Большого толкового словаря якутского языка» и редактором «Краткого толкового словаря якутского языка» (Якутск, 1994).

В монографии «Говор верхоянских якутов» [Якутск, 1965] рассмотрены фонетика, лексика и грамматика. Во введении даются сведения о деятельности диалектологических экспедиций, общая характеристика Верхоянского района (география, население). Значительное место отводится содержанию преданий, собранных А.Е. Кулаковским, А.А. Саввиным, Е.Г. Старостиним, Н.В. Емельяновым и С.И. Боло. Изучены исторические сведения Б.О. Долгих, А.П. Окладникова, В.Л. Серошевского, И.А. Худякова и других. В результате выделяются три основные причины миграции якутов на Яну: 1) межродовые столкновения во времена Дыгына; 2) времена кыргыса до прихода русских; 3) эпидемия оспы. Информация собрана в нескольких наслегах Верхоянского улуса, Эгинском, Эльгетском, Адыччинском, Табалахском, Борулахском, Арылахском, Сартанском, Янском, Силянняхском, Дулгалахском и в городе Верхоянске [1]. Диалектология как область взаимодействия различных наук использует методы не только лингвистики, но и смежных наук. Сбор исчерпывающего материала, их обработка, систематизация и интерпретация требуют широкого разнообразия деятельности ученого-диалектолога. В работе применены методы полевого исследования по сбору материала, социологии (анкетирование), географии (географическая и демографическая характеристика региона), фольклористики (изучение фольклорного материала), истории (изучение исторических сведений) и этнографии (особенности материальной и духовной культуры). Материал говора дается в сравнении с литературным языком, а также приведены параллели из древнетюркского, тувинского, казахского, хакасского, бурятского, монгольского, письменно-монгольского, эвенкийского и русского языков.

В процессе работы над проектом «Монгольско-русско-якутский словарь», который разрабатывается в отделе якутского языка ИГиПМНС, диалектологический материал представляет собой особую ценность, так как часть монгольских параллелей якутского языка сохранилась в говорах. Специальное исследование монгольских параллелей диалектной лексики якутского языка дало важные сведения: 1) о связи основной части диалектных монголизмов со среднемонгольским языком; 2) значительное количество монгольских параллелей лексики якутского языка распространено в северо-восточной группе говоров [4].

Целью настоящей статьи является сбор данных о монгольских соответствиях в верхоянском говоре на материале монографии П.С. Афанасьева «Говор верхоянских якутов». Задачи: собрать количественные данные; выявить особенности их фонетической и лексико-семантической характеристики (выявление регулярных звуковых соответствий и наиболее продуктивных тематических групп).

О взаимодействии якутского языка с монгольскими языками писали многие ученые (О.Н. Бетлингк, В.В. Радлов, С. Калужинский, Е.И. Убрятова, В.И. Расса-

дин и др.). В.И. Рассадин отметил, что подавляющая часть монголизмов в якутском языке сохраняет характерные особенности средневекового монгольского языка [1, с. 170]. Поздние работы подтвердили эти выводы. Сравнительный анализ семантических особенностей монгольских лексических рефлексов по отношению к якутским параллелям, проведенный Г.Г. Левиным, выявил, что наиболее высокий показатель устойчивости лексического значения лексических рефлексов отмечается в среднемонгольском языке (48,2 %). Высокий процент якутских параллелей в трехсложных основах обнаружен в среднемонгольском, письменно-монгольском языках, в односложных – в халха-монгольском, в двухсложных – в бурятском [2].

В работе «Говор верхоянских якутов» П.С. Афанасьева из монгольских языков всего обнаружено 132 соответствия, из них из бурятского языка – 57, монгольского – 44, письменно-монгольского – 31. Примеры из монгольского языка собраны автором из работ С. Калужинского «Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке» (1961), «Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache» (1961) и Е.И. Убрятовой «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» (1960) [1].

Из анализа фонетических соответствий в говоре и якутском литературном языке особый интерес вызывают передвижения звуков А – О и Т – Д, которые обнаруживают регулярные соответствия в монгольских языках.

Соответствие неогубленного гласного говора огубленному гласному литературного языка в первом слоге один из ярких признаков, свидетельствующих о том, что акающий говор верхоянских якутов имеет больше соответствий в монгольском языке, чем оканье в литературном языке.

А – О (30 слов сущ., прил., глаголы) верх. *дайды* – лит. як. *дойду* ‘страна, родина, местность’, ср. письм.-монг. *дайду* ‘езде’, бур. *дайда* ‘земля, свет, местность’; *хадыһа* – *ходуһа* ‘сенокосное угодье’, ср. письм.-монг. *хадуху* ‘косить, жать’, бур. *хадаса* ‘покос, сенокосный луг’, *хатыыр* – *хотуур* ‘коса’, ср. письм.-монг. *хадабур* ‘коса, серп’, бур. *хадуур* ‘серп’, *алгый* – *олгуй* ‘котел’, ср. монг. *алхуй* ‘котел’, *далбыыр* – *долбуур* ‘полка’, ср. письм.-монг. *талбибур*, бур. ‘подставка’, *мангыс* – *мобус* ‘обжора, сказочное чудовище’, монг. *мангас/мангус* ‘сказочное чудовище’, *салыыр* – *солуур* ‘котел, ведро’, ср. бур. *заглуу* ‘ведро, котелок’, *сангыя/нагыя* – *собуу* ‘болезненный желвак у скота под шеей’, ср. монг. *сахуу* ‘сап’, *хайлыга* – *хоолдуга* (устар.) ‘поминальная скотина’, ср. бур. *хойлго* ‘лошадь, предназначенная для отвоза умершего’.

Соответствие глухих и звонких смычных согласных Т – Д встречается в основном в анлауте, редко в инлауте. В данном случае звук *д* в слове литературного языка соответствует монгольскому.

Т – Д верх. *төйбүүр* – лит. як. *дэйбиир* ‘махалка на комаров’, ср. письм.-монг. *дэбигүр*, бур. *дэбюур* ‘веер, опахало’, *төй-* – *дөй-* ‘оглушаться, глухнуть’, ср. монг. *дүйи* в том же значении, *туом* – *дуом* ‘обряд, обычай’, ср. монг. *дом* ‘магия, магическое средство; знахарство’, бур. *дом* ‘заговор от

болезни, знахарство’, тайбаа- – *дайбаа*- ‘махать (руками)’, ср. монг. *дэбэх*, бур. *дэбихэ* ‘махать, размахивать (крыльями)’, *төрө* – *дөрө* ‘бычий повод’, ср. монг. *дөр*, бур. *дүрэ* ‘кольцо, вдеваемое в ноздри быка’, *түнүр* – *дүнүр* ‘бубен (шаманский)’, ср. монг. *дүнгэр*, *саатах* – *саадах* ‘устар., колчан со стрелами’, ср. монг. *саадаг*, бур. *хаадаг*. В современном литературном якутском языке наблюдаются случаи обратного перехода, например, *Дыгын* – *Тыгын*, которые говорят о взаимозаменяемости этих звуков в разговорной речи и диалектах.

Большинство монгольских параллелей представлены в нескольких тематических группах.

Термины семейно-родственных отношений: *абаҕа* ‘дядя по отцу’, ср. монг. *абаҕа* ‘младший брат отца’, *ходоҕой* ‘мать или любая другая родственница женского пола одного из супругов по отношению к родителям и родственникам другого супруга сватья’, ср. письм.-монг. *худубуй* ‘мать зятя’, *бэргэн* ‘жена старшего деверя, т. е. старшая невестка по отношению к младшей’, ср. монг. *бэргэн* ‘старшая невестка’. Видно, что представлены общеякутские наименования родственников не прямой линии.

Термины частей человеческого тела: верх. *Табаҕай* ‘верхняя часть ладони’, ср. монг. *тавхай* ‘ступня, лапа’, верх. *Сыҕай* ‘вместо’ лит. *бэрбээкэй* ‘щиколотка, лодыжка’, ср. письм.-монг. *шиҕай*, бур. *шагай* ‘лодыжка, щиколотка, бабка’, письм.монг. *белберекей*, бур. *барбагай*. В последнем примере два разных слова в говоре и литературном языке имеют соответствия в монгольских языках.

Названия животных: лит. як. *моҕотой* – верх. *дырики*, *дырикки*, ср. бур. *жэрки*; верх., лит. як. *бэдэр* ‘рысь’, письм.-монг. *бидер*, *бедер*, бур. *бүдэр* ‘крапинка, пятно’; лит. як. *куобах* – верх. *хотонох*, ср. бур. *охотоно* ‘ласка’. Последнее слово отсутствует в литературном языке.

Масти лошадей: верх., лит. як. *бурул*, *буулуур* – бурый, ср. письм.-монг. *буѳурал*, *буѳурул*, бур. *буурал*; верх., лит. як. *чуобур* ‘пестрый, с пятнами или отметинами’, ср. бур. *соохор* ‘чубарый’; верх. *саарыл* ‘чалый, ср. письм.-монг. *саҕарал*, бур. *хаарал*; верх. *кэрэ* ‘белый (волосы при основании желтоватые, на кончике белые’, ср. бур. *хээр* ‘гнедой’; верх., лит. як. *борон* ‘сивый, серый’, ср. бур. *боро*; верх. *кугас* ‘рыжий, буланый’, ср. бур. *хуаа* ‘песочного цвета, каурый’; верх. *дьаҕыллаах* ‘с большим пятном (оплекой) на лопатках или на шее’, ср. бур. *загал* ‘с пятнами на шее и на лопатках’. Некоторые наименования соответствуют литературному языку.

Масти крупного рогатого скота: *ала* ‘пегий, белобокий’, ср. бур. *алаг*; *күрүн*, *күрүн* ‘бурый (темно-красный), пестрый на темно-красном поле’, ср. бур. *хурин*; *эриэн* ‘пестрый, ср. бур. *эрезн*; *чуобур* ‘пестрый, с пятнами или отметинами’, ср. бур. *соохор* ‘чубарый’. Наименования соответствуют литературному языку.

С точки зрения цели и задач, поставленных нами, исследование говора в данной монографии дает следующие сведения: 1) многие диалектные слова имеют соответствия в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках; 2) в верхоянском говоре доминирует аканье, что совпадает с акающим говором цен-

тральных якутов; 3) аканье имеет соответствия в монгольских языках; 4) некоторые лексические единицы говора, имеющие параллели в монгольских языках, не представлены в литературном языке, например, *табабай* ‘верхняя часть ладони’, *сыбай* ‘щиколотка, лодыжка’; 5) монгольские соответствия обнаружены в базовой лексике, связанной с семейно-родственными отношениями, наименованиями частей тела человека, а также названиями животных, масти лошадей и крупного рогатого скота; 6) верхоянские якуты являются ранними переселенцами из центральной Якутии, сохранившими скотоводческую культуру кочевников.

В якутском языкознании издавна сложилась традиция сопоставления материала якутского языка с другими родственными языками, идущая от трудов О.Н. Бетлингга, Э.К. Пекарского, Е.И. Убрятовой и других. Понимание важности сопоставительного материала для дальнейших исследований языка и его истории способствовало накоплению достаточно солидного материала из тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Монгольская часть материала данной монографии будет способствовать обогащению и совершенствованию проекта «Монгольско-русско-якутский словарь», в рамках которого запланирована разработка «Словарь якутско-монгольских лексических параллелей».

Список сокращений

- бур. – бурятский язык
верх. – верхоянский говор
лит. як. – литературный якутский язык
монг. – монгольский язык
письм.-монг. – письменно-монгольский язык
прил. – имя прилагательное
ср. – сравни
сущ. – имя существительное
устар. – устаревшее слово
як. – якутский язык

Литература

1. Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 80 с.
2. Левин Г.Г. Историческое отношение якутского языка к древнетюркскому, восточно-тюркским и монгольским языкам // Международный рецензируемый журнал общественных наук «Karadeniz». – URL: <http://www.dergikaradeniz.com/index.php/ru/arkhiv/58-2012/chislo-16/491-istoricheskoe-otnoshenie-yakutskogo-yazyka-k-drevnetyurkskomu-vostochno-tyurkskim-i-mongolskim-yazykam> (дата обращения: 05.03.2024)
3. Рассадин В.И. Бурятизмы в якутском языке // О.Н. Бетлингк и его труд «О языке якутов». – Якутск, 1972. – С. 167–179.
4. Шамаева А.Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2012. – 22 с.

ТҮӨЛБЭ ТЫЛЛАРА СИНОНИМ КЭККЭТИГЭР

Васильева Надежда Николаевна

Аннотация. В статье рассматривается диалектный пласт синонимического фонда якутского языка. Их общее количество немногочисленно, занимает около 3-х процентов от общего количества синонимов, представленных в новом «Словаре синонимов якутского языка». Они употребляются в пределах определенного района в отдельных диалектных зонах. Иногда такие слова «выходят» за пределы своего говора и получают достаточное распространение в якутском разговорном языке, находятся «на слуху» у многих носителей языка, т. е. понимаются и воспринимаются ими как «диалектизм такого-то района». В случае семантической эквивалентности к лексическим единицам литературного языка, они устанавливаются с ними синонимические связи. Из диалектной лексики в потенциальные синонимические ряды входят преимущественно имена существительные: различные наименования общеизвестных явлений, названия животных и растений, предметов быта и т. д. По прошествии определенного времени, когда стирается их стилистическая своеобразность, они пополняют разряд абсолютных синонимов. В статье описывается также синонимия диалектных глаголов, прилагательных и наречий, выявляются семантические и стилистические особенности, вносимые ими в синонимические ряды.

Ключевые слова: якутский язык, лексическая синонимия, диалектная лексика, синонимический ряд, стилистическое разнообразие.

Ханнык баҕарар тылга тыл лексическэй баайын көрдөрөр арананан синонимнар ааттаналлар. Оттон синонимнары үөскэтэр араналартан биирдэстэринэн түөлбэ тыллара буолаллар. Саха тылыгар синонимнар кэккэлэригэр түөлбэттэн киирбит тыллар, биллэн турар, бааллар, кинилэр олус элбэҕэ суохтар – синоним уопсай ахсааньттан 3-кэ тийбэт бырыһыанын ыаллар.

Биллэрин курдук, түөлбэ тыла барыта бүтүүн саха тылын синонимнарын курдук көрүлүбэт. Бүтүүн тылга баар, биллэр өйдөбүллэри түөлбэ иһинэн атыннык ааттыыр үөрүйэх баар. Оннук тыллар сорох өттүлэрэ туттуллууларынан ыраа кэнээн, түөлбэлэрин чэрчитинэн эрэ мунурдамакка, саха тыллаахха балаҕа киирэн иһиллэ үөрүйэхтэнэр, биллэр, өйдөнөр буолан бараллар. Кинилэр литературнай нурмалаах тыллар суолталарыгар сөп түбэһэн ханыылаһар түгэnnэригэр, ол тыллары кытта синонимныы сыһыанна киирэллэр, онон литературнай тыл синонимын быһыытынан көрүллэллэр.

© *Васильева Надежда Николаевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, vaserel@mail.ru

Санга чаастарынан ырытан көрөр буоллахха, түөлбэ тылларыттан синоним ахсааныгар аат тыллар хото киирэллэр эбит. Оннуктарынан буолаллар, баста-тан туран, араас кыыл-сүөл, көтөр-сүүрэр, балык, үөн-көйүүр түөлбэлэринэн туттуллар ааттара: *табысхаан*, *дьүөлэкээн*, *хотонох*, *ускаан* – куобах оннугар, *ыалыкы*, *хабыйахаан* – хабды оннугар, *мунур* – чыыр оннугар, *тигээр* – тигээйи оннугар, *соломо* – солондо оннугар, *ыстангалас* – былахы оннугар о.д.а. Өссө түөлбэлэринэн араас үүнээйи, от-мас ааттарын уларытан ааттыыллара балайда чаастатык көстөр, олору эмиэ литературнай тылларга синонимны буолаллар диэн сыаналыахха сөп. Холобур, *саһарба* – сэтиэнэх, *дьанта* – болбукта, *майааһынньык* – долукуна, *арбай* – үөт, *дьордьомо*, *мородьуна* – моонньоҕон диэн курдуктары. Маны таһынан, дьыэ-уот, мал-сал, туттар тэрил, танас-сап, ас-үөл курдук киһини тулалыыр өйдөбүллэр түөлбэлэринэн туттуллар ааттара синонимнар кэккэлэригэр киирэллэрэ наһаа сэдэх буолбатах.

Өйдөбүллэр, предметтэр бүттүүн саха тылыгар баар ааттарыгар түөлбөттөн киирэр ааттааһыннар суолталара толору сөп түбэсир буоллактарына, ону тэнэ киэнник биллэн, тарҕанан, туттуллуулара кэнгээн бардактарына, кинилэр үгэс курдук толору (абсолютнай) синонимнар кэккэлэригэр киирэллэр. Холобур: күөрчэх – *дагда*, бэдэр – *үүс*, өйүө – *үтэ*, уу оҕуһа – *анабаһын* диэн пааралар иккис тыллара хаһан эрэ бүттүүн тылга түөлбөттөн киирбиттэрэ биллэр, билигин тылдьыттарга да, айымньыларга, дьон тылыгар-өһүгэр да туох да ура-тылаһар бэлиэтэ суох туттуллаллар.

Синоним кэккэтин байытар биир улахан санга чааһынан туохтуур буолар. Туохтуур түөлбө синонимнара тиэмэнэн араастара киэн, түөлбө тыллаах туохтуур синонимын кэккэтэ элбэх. Холобур, билгэлээ – *сибистээ*, ирингэр – *кулдьай*, күөдьүт – *киксэр*, мөлтөө – *ылчабый*, сыбыытаа – *ньэкээр*, сымыйалаа – *сиикэйдээ*, хадаҕалаа – *мааллаа*, түөһэй – *алдьааһыр*, күөрэт (куһу) – *халбый* – *ньолотуу* ыт курдуктар.

Сороҕор түөлбө туохтуурдарын көрүүннэрин сыһыарыытын уратыта, тыл олоҕор баар дорҕооннорун дьүөрэлэниитин атына кинилэри бүттүүн саха тылыгар баар синонимнарыттан араарар сүрүн бэлиэлэрэ буолар. Холобур, үнсэргээ – *үнсэлээ*, ыарый – *ыарыһахтаа*, тигээрдээ – *тигииктээ*, сааһылаа – *дьааһылаа* диэн синонимнар иккис тыллара истиил өттүнэн уратылаһыыны киллэрэллэрэ ала-чуо көстө-биллэ сылдьар.

Түөлбөттөн киирбит даҕааһын, сыһыат, онтон да атын санга чаастарын синонимнара соччо элбэҕэ суохтар. Даҕааһыннар аат тыл ханнык эмэ уратытын быһаараллар, ол иһин, үгэс курдук, түөлбө даҕааһыннара синоним кэккэтигэр кэрин араастаһыытын көрдөрөр синоним быһыытынан киирэллэр, холобур, бытаан – *убаа*, атаах – *нараһын*, кингнээх – *тымтыган*, төрөлкөй – *үөскүлэн*, сөҥ – *сүөлэни*. Оттон, түөлбө сыһыаттара синоним кэккэтигэр киирэн хайааһын хайдах кэриннээхтик оноһуллалларын араастаһыытын бэлиэтииллэр: булгу – *дьукку*, начаас – *тэһиппэккэ*, олох – *истээрэйн*.

Түөлбө тылларын биир туспа көрүүнэрэ баар – ол бүттүүн тыл тыла буткатын атын суолтаҕа – түөлбэ эрэ чэрчитинэн туттуллар суолталаах тыллар

буолаллар. Оннук тыллар синоним кэккэтигэр эмиз балачча кииртэлиллэр. Холобур, *дьукку* диэн сыһыат ‘хайаан да, туох да тутулуга суох’ диэн суолтаҕа [6, с. 434], *кэбис* – ‘чэйи көөнньөр’ диэн курдук [2, с. 444], *мэйиш* – ‘төбө, бас’ диэн суолтаҕа [5, с. 168], *иин* – ‘онкучах, боппуолдьа’ диэн суолтаҕа [6, с. 572], *ыбыс* – ‘туохха эмэ тигис’ [4, с. 346], *иэччэхтэн* – ‘тылын (от-мас туһунан этэргэ)’ диэн суолтаҕа [6, с. 841], *утут* – ‘уоту умурур’ диэн суолтаҕа [3, с. 346], *чарааһыр* – ‘хабаһыр’ диэн суолтаҕа [1, с. 115] туттуллаллара биллэр.

Түөлбэ тылыттан синонимнарга киирэр тыллар түөлбэлэрин кырааскатын илдьэ сылдьар буолан, үксүгэр истиил өттүнэн уратылары киллэрэллэр. Уус-уран айымньыга табыгастаахтык киллэриллибит түөлбэ тыла айымньыны байытар, сиһилиир, чопчулуур, герой тылын-өһүн уратытын көрдөрөр, сангарар санатын дьэнкэрдэр уус-уран ньыма курдук туттуллар. Оттон хайа эмэ суруйааччы эбэтэр кэпсэтэр киһин туттар түөлбэтин тылынан сирдэтэн, кини ханнык энээртэн сылдьарын, хайа улуустан төрүттээгин билиэххэ сөп. Холобур, Н. Слепцов диэн ааптар «Кубалар» диэн киэниик ылланар ырыатыгар *ончу* диэн тыл баарынан кини хотугу улуус буолара өйдөнөр: *Кубалар, кубалар, кубалар Дууһам көлүкэ чүөмпэтин сөбүлээн Көһүннүн соһуччу миэхэ Көһүппэтэбим ончу!* Дьининэн бу ‘туох да саарбаҕа суох, олох, букатын, адьас’ диэн суолталаах сыһыат синонимын кэккэтэ олус баай, манна 30-тан тахса араас тыл единицата киирэр, олортон ааптар бэйэтигэр чугас, үгүстүк туттар *ончу* диэн тылын ырыа буолбут хоһоонугар киллэрбитэ соһуччутук иһиллэр.

Синоним кэккэтигэр киирэр түөлбэ тыллара сороҕор быһаарар өйдөбүллэрин кэнэтэр, хайа эрэ өттүнэн чопчулуур суолталаах буолаллар. Холобур, *хоруол* – бу мээнэ мончуук буолбатах – ‘улахан кус мончууга, атын мончууктартан саамай көстүүлээхтэр’, *бөһүүкэ* – ‘аһыйбатах сүөгэйинэн ууну кыратык кутан онгорор ордук минньигэс көбүөр’, *ылчабый* – мээнэ мөлтөөһүн буолбатах ‘ыран, сылайан, мөлтөөн хаал’ диэн чопчулуур суолталаахтар. Манньык тыллар өйдөбүлү кэнэтэн, байытан биэрэллэр.

Көстөрүн курдук, түөлбэлэртэн синоним кэккэтигэр киирэр тыллар түөлбэ кырааскалаах буолан, кэккэни ордук истиил өттүнэн байыталлар, ураты дэгэти киллэрэллэр.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XII: (Буквы У, Ү) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.

4. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 592 с.

5. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.

6. Толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. III (Буквы Г, Д, Дь, И) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.

УДК 811.512.157'28(038)

САХА ТЫЛЫН ТҮӨЛБЭ ТЫЛДЫТТАРА

Аммосова Ия Васильевна

Аннотация. В статье анализируется словарный труд, представляющий диалектологическую лексикографию якутского языка. В 1976 г. в издательстве «Наука» в г. Москве вышел «Диалектологический словарь якутского языка», содержащий свыше 8500 словарных единиц, а в 1995 г. – дополнительный том к этому словарю, который содержит 5 тыс. слов. Создание этого Словаря было первым опытом свода диалектной лексики в якутской лексикографии, систематизации, лексико-грамматической характеристики всего словарного состава якутских говоров. Источниками для словаря послужили экспедиционные материалы 60-х гг. прошлого столетия; фольклорные записи; труды по якутской диалектологии; двуязычные словари, в том числе «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского. Словарь отвечает всем лексикографическим канонам составления двуязычных словарей. Слова-вокабулы располагаются в алфавитном порядке. В словарной статье за заглавным словом даются грамматические и стилистические пометы, указывается район, где употребляется диалектное слово. Объяснения значений диалектных слов даются на двух языках – на якутском и русском. «Диалектологический словарь якутского языка» как единственный полный словарь обобщающего характера имеет большое научное значение.

Ключевые слова: диалектология, диалектная лексика, литературный язык, народные говоры, лексикография, словник словаря.

Саха диалектологтара түөлбэ тылын хомуйан араас сылларга икки тылдьыты онорон таһаарбыттара. Саха тылын түөлбэ тылын лиэкстикэтин түмэн көрдөрөр сорукутаах 1976 сыллаахха «Наука» издательствотыгар «Саха тылын

© *Аммосова Ия Васильевна*, младший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ammosova.iya@bk.ru

диалектологической тылдыгыта» [6] тахсыбыта. Бу тылдыт саха тылын диалектнай лиэкстикэтин түмүүгэ маннайгы холонуу буолар. Тылдыт ааптардара, саха тылын үөрэтиигэ улахан кылааттарын киллэрбит учуонайдар: тыл билимин дуоктара М.С. Воронкин, тыл билимин хандыдааттара П.С. Афанасьев, М.П. Алексеев буолаллар. «Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыгар» элбэх сыл бииргэ үлэлээбит биһиги аҕа кэллиэгэбит Петр Саввич Афанасьев туһунан кылгастык этэр буоллахха, кини түөлбэ тылын үөрэтиигэ боччум кылааттаах. Петр Саввич 1965 сыллаахха «Говор верхоянских якутов» диэн тиэмэҕэ диссертация көмүскээбитэ, бу үлэтэ 1965 сыллаахха монография буолан тахсыбыта [1]. Итини таһынан кини «Говор якутов Анабарского района (описание)» (1960) [2], «Говор якутов Оймяконского района (описание)» (1959) [3], «Говор якутов Таттинского района (описание)» (1964) [4] диэн үлэлэрдээх. Бу үлэлэр матырыйааллара барыта тылдьыкка кирибиттэр. Уопсайынан тылдьыкка өрөбөлүүссүйэ иннинээҕи кэмтэн XX-с үйэ 60-с сылларыгар диэри хомуллубут түөлбэ тыл араната олорчу кирибит. Бу тылдыт балайда улахан, 8500 тахса тыллаах, онон түөлбэ тылыгар ананан тахсыбыт саха тылын диалектнай лексикографиятыгар бастакы боччумнаах үлэ буолар.

Бу тылдьыкка эбии туом буолан 1995 с. Новосибирскай куоракка эмиэ «Наука» кинигэ кыһатыгар 5000 кэрингэ тыллаах «Саха түөлбэ тылын тылдыгыта» тахсыбыта [7]. Сүрүн тылдьыкка Саха сиригэр оройуоннарын, ону таһынан өрөспүүбүлүкэ тас өттүттэн Красноярскай кыраай Дьэһиэй сахаларын түбэ тыллара уонна эмиэ ити кыраай Таймырдааҕы (Долган-Ненец) национальнай уокуругар олорор долганнар диалектара кирибиттэр. Оттон эбии туомна урут бэлиэтэммэккэ хаалбыт кэлин көстүбүт лиэкстикэ уонна Иркутскай уобаластан Хатанга уонна Бодойбо оройуонун, Хабаровскай кыраайтан Үт уонна Магадаан уобалаһын сахаларын түөлбэ тыллара кирибиттэр.

Бу икки тылдьыкка 50-с, 60-с сылларга Тыл, литература уонна история института тэрийбит диалектологической экспедицияларын, 1935-1945 сылларга фольклористар С.И. Боло уонна А.А. Саввин хомуйбут диалектологической матырыйааллара хомуллан, сурукка кирибит буолан, түөлбэ тылын чинчийэргэ туохха да тэннэммэт сүдү кылаат буолар. Словникка экспедициялар матырыйаалларын таһынан саха диалектологиятыгар бэчээккэ тахсыбыт үлэлэр уонна араас тииптээх тылдыттартан, сүрүннээн, Э.К. Пекарскай тылдытыттан [9] ылыллыбыт түөлбэ тыллара хото кирибиттэр. Манна саха тылын түөлбэ тылын баайын көрдөрөр тыллар бэриллибиттэр:

а) литературнай тылга суох олохтоох говордарга эрэ туттуллар тыллар, саха тылыгар эргэрэн, умнуллан баран, сорох сирдэргэ сүппэккэ хаалбыт эргэрбит тыллар: ААС (арх.) *Абый, О. Хал., /Пек./* манган (белый – о масти лошади) [6, с.38]; ИТЭБЭЛ (х.тыл) *Абый., А. Хал., О. Хал., Үө. Хал.* саһыл (лиса) [6, с. 109]; ОС (арх.) *Ан., Бул., Бул., долг., Дьэһ., О.Хал., Өлөөн.* тыл, сана (слово, речь); *ол биһиги өспүтүгэр биллэн ааһар* (это проявляется в нашей речи) [6, с. 196]; ЧУОР 1. (эргэр.) Лен. саа (ружье); 2. (х. тыл) *Бул.* саа (ружье); 3. (эргэр.) *Бул., Сунт., Үө. Бул.* чокуур саа (кремневое ружье) [6, с. 302];

б) сомоџо, холбуу тыллар: БӨӨ ТИНИЛЭЖЭ 1. *Уус-Алд.* биэ эмийэ (малина) [6, с. 68]; КҮН БЫАТЫН ТУТТАР- (сомоџо тыл) *Т. күнү көрдөр, абыраа, өрүһүй* (быть спасением, выручкой) [6, с. 131]; ОРУО-БААЧЧЫ *Бүл.* туох да сылтаџа суох, мээнэ (ни с того ни с сего, без всякого повода) [6, с. 189];

в) уларыйталаан хаалбыт тыллар фонетическай барыйааннара: МОДЬ-ДЬУРУОН *Сунт.* модьдьуруонай солуур (эмалированное ведро) [7, с. 122]; ПӨГРҮӨП *О. Хал.* таһырдьааны чычаас онкучах, үүт омуһаџа (неглубокая яма во дворе для хранения молока; погреб) [6, с. 198]; УРУУКА *Ан., Бул., Бүл., долг., Өлөөн, Сунт., Үө. Бүл.* уостаах тыс үтүлүк (рукавицы из камысов с поперечным разрезом ниже кисти, позволяющим вынимать руки, не снимая их) [6, с. 263];

г) олохтоох говордарга эрэ туттуллар тыллар: БОЧО *О. Хал.* чыыр кырата (мелкий чир) [6, с. 67]; БУЛУУҺУТ *Үө. Хал.* булчут, түүлээхчит (охотник, промысловик) *булуһуттарга биирдии таба тыңырахтарын атыылаабыттар* (охотникам продали по четыре оленьей ноги) [6, с. 71]; ЫАЛЛАТ- долг. Кэһии биэр, күндүлээ, бэлэхтээ (угощать, дарить) *бу унчиктары гини ыаллатаары гыммыта кыыска* (он хотел подарить девушке эти унты) [6, с. 309];

е) семантической диалектизмнар, ол эбэтэр саха бүттүүнүн тыллара олохтоох түбэ тылларга (говордарга) атын суолтаџа туттулуулара: КҮКҮР 1. *Верх., Т.* ат аһыыр сургуйа (ясли для лошадей); 2. *Т.* сэби-сэбиргэли уурар сарай (сарай для хранения орудий и т. п.) [6, с. 130]; ТАЛКЫ 1. *Лен.* эһэ (медведь) – *Пек.; 2. Үө. Хал.* эһэ тииһэ (медвежий зуб) [6, с. 234]; ЧАРААС *Бүл., Горн., Кэб., Өйм., Т., Токо, Уус-Алд., Чур., /Пек./* хабах (мочевой пузырь) [6, с. 297];

ж) сахалыы тыл олобуттан ураты морфологической ньыманан үөскээбит тыллар: УОЧАРАЛАА- *Лен.* уочараттаа (занять очередь); *маџаһыыгна тиийэн баран, уочаралаан баран, килиэпкэ тииспэккэ кэлиэххин сөп* (заняв очередь в магазине за хлебом, можно домой вернуться ни с чем) [7, с. 205]; ХОТОНЬ-НЬУТ *Үө. Хал.* ыанньыксыт, сүөһү көрөөччү (доярка, скотник); *бу биир хотонь-ньут кэллэџэ* (вот пришел еще один скотник) [6, с. 293]; ЫНАХТАА- *Сакк.* ынаџы көр, ынахсытынан үлэлээ (присматривать за коровами, работать коровницами); *колхуоска оттуубун, ынахтыыбын* (я работаю в колхозе на сеноуборке, ухаживаю за коровами) [7, с. 242].

Тиэмэнэн араарар буоллахха, манна үөн-көйүүр, балыктар, көтөрдөр, кыыллар ааттара, булт тэриллэрэ, дыһэ тээбириннэрэ, ыйдар ааттара, о.д.а. бөлөхтөрү араарыахха сөп. Мин урут лабараанныы сылдьан Лазарь Андреевич Афанасьев-Тэрис соруудабынан эбии туом словнигын тус-туспа бөлөхтөргө араартаан терминологической база онгортон бэчээттээбитим. Онон таба, сүөһү иитиитин, бултааһын, оттооһун, о.д.а. тиэрминнэр базалара баар буолуохтаах. Ону терминологтар чинчийэр үлэлэригэр туһанар буолуохтаахтар.

Түөлбэ тыллара, саха бүттүүн туттар тыллара баалларын үрдүнэн, киһи кыайан билбэтин курдук уларыйан фонетическай барыйаан буолаллар эбэтэр олох туспа түөлбэ тылларын үөскэтэллэр. Итиннэ дьон олорор усулуобуйата, дьыл кэммиттэн тутулуктаах дьарыктанар дьарыга: хаһаайыстыбатын үлэтэ,

сүөһүтүн көрүүтэ, балыктааһын, булт, о.д.а. үлэ көрүнгүнэрин толороро төрүүт буолаллар.

Холобур, ыйдар ааттарын олохтоох түбэ тылларыгар манньк ааттаталыыллар: Ыам ыйа ‘месяц икрометания рыб’ – балык ыыр ыйа *Ут.* ыам ыйа (май); // балик иир ыйа [7, с. 47, 48]; сибэкки ыйа [7, с. 159]; сымыыт ыйа 1. *Алл.*, *Усуй.* ыам ыйа букв. ‘месяц кладки яиц’ (май); 2. *Алл.*, *Бул.*, /*Пек.3762*/ бэс ыйа (июнь) [6, с. 221]; сыньһалан ыйа 1. *Абый.*, *Бул.*, *Верх.*, *Муома*, *Сакк.*, *Уө.Хал.* (май) [6, с. 221]; тиргэ ыйа *эргэр.* 1. *Бул.*, *Верх.*, *Ньур.*, *Сунт.* [6, с. 239]; тугут төрүүр ыйа эбэтэр хаас кэлэр ыйа *Тур.* [6, с. 246].

Бэс ыйа ‘июнь’ – *балык сырыытын ыйа Тур.* ‘пора промысла рыбы’ [6, с. 59]; бырдах ыйа *Абый.* *Алл.*, *Уө. Хал.* ‘месяц весенних комаров’ [6, с. 78]; көмүөл ыйа *Бул.* ‘месяц последнего рыхлого льда на озерах и реках’ [6, с. 117]; күүлэй ыйа *Кэб.* ‘месяц гулянья’ [6, с. 134]; сара ыйа *Усуй.* букв. ‘месяц линьки уток, гусей’ [6, с. 203]; сыма ыйа *Алл.* букв. ‘месяц заготовки мелкой рыбы, заквашиваемой в ушатах’ [6, с. 220]; тунах ыйа *Верх.*, /*Пек.*/ ‘месяц изобилия молока’ [6, с. 247]; уу кэлэр ыйа *Бул.* ‘месяц прибытия воды; месяц весеннего половодья’ [6, с. 266]; ыһыах ыйа *Верх.*, *Сакк.* ‘месяц праздника ысыах’ [6, с. 316]; эбэ барар ыйа *Бул.* ‘месяц ледохода на реке Лена’ [6, с. 318] диэн араас түөлбө олохтоохторугар ааттаналлар. Көстөрүн курдук, ыйдар ааттарын олохтоох дьон айылҕа хайдах уларыһарыттан, ити кэмнэ айылҕаҕа туох көстүү буоларыттан, туох үлэни толороллоруттан көрөн кэпсэтиигэ ордук чопчутук, түргэнник өйдөнөрүн курдук ааттыыллар эбит. Биллиилээх диалектолог С.А. Иванов манньк эппит: «В якутских говорах в основном сохранились традиционные общезакутские названия месяцев астрономического года. Но своеобразие природно-климатических условий мест обитания и зависящие от них виды и способы сезонной работы, охоты, рыболовства и т. д. обусловили замену старых названий месяцев на более практичные» [8, с. 158].

Түөлбө тыл суолтатын быһаарыы икки тылынан – саха литературнай уонна нууччалыы бэриллэр буолан, тылдыт наука эйгэтигэр араас чинчийиигэ элбэхтик туттуллар. Саха тылын историческайдык тэннээн көрөн үөрэтиигэ, тыл баайын чинчийиигэ улахан туһалаах.

Бу икки тылдыкка саха түөлбө тыла сурукка киирэн бэлиэтэнэн хаалан, наука туһатыгар түмүллэн тахсыбыта улахан суолталаах. Тылдыттар тахсыбыттарын кэннэ түөлбө тыллара тарҕаныытын өссө диригинник үөрэтэн [5], зоналар кыраныһссалара чуолкайданан, каартаҕа түһэриллэн, атлас онотуллун, саха диалектологията балайда баһымнык сайынна. Инникитин да бу түөлбө тылдыттар диалектологическай чинчийиилэргэ туһалыы туруохтара.

Список сокращений

Абый. – Абый оройуона (Абыйский р-н)

Алл. – Аллайыаха оройуона (Аллаиховский р-н)

Ан. – Анаабыр оройуона (Анабарский р-н)

арх. – архаизм

А. Хал. – Аллараа Халыма оройуона (Нижнеколымский р-н)

Бул. – Булун оройуона (Булунский р-н)
 Бүл. – Бүлүү оройуона (Виллойский р-н)
 Верх. – Верхоянской оройуона (Верхоянский р-н)
 Горн. – Горнай оройуона (Горный р-н)
 долг. – долган тыла (долганский язык)
 Дьэһ. – Дьэһизий сахаларын тыла (есейский говор)
 Кэб. – Кэбээйи оройуона (Кобяйский р-н)
 Лен. – Ленскэй оройуона (Ленский р-н)
 Муома – Муома оройуона (Момский р-н)
 Ньур. – Ньурба оройуона (Нюрбинский р-н)
 О. Хал. – Орто Халыма оройуона (Среднеколымский р-н)
 Өйм. – Өймөкөөн оройуона (Оймяконский р-н)
 Өлөөн. – Өлөөн оройуона (Оленекский р-н)
 Пек. – Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. СПб., Пг., Л., 1907-1930.
 Сакк. – Саккырыыр оройуона (б. Саккырырский р-н)
 Сунт. – Сунтаар оройуона (Сунтарский р-н)
 Т. – Таатта оройуона (Таттинский р-н)
 Токо – Токо оройуона (б. Токкинский р-н)
 Тур. – Туруханскай кыраай (б. Туруханский край, ныне Туруханский р-н Красноярского края)
 Усуй. – Усуйаана оройуона (Усть-Янский р-н)
 Уус-Алд. – Уус-Алдан оройуона (Усть-Алданский р-н)
 Үө. Бүл. – Үөһээ Бүлүү оройуона (Верхневиллойский р-н)
 Үө. Х. – Үөһээ Халыма оройуона (Верхнеколымский р-н)
 х. тыл – харыс тыл (эвфемизм)
 Чур. – Чурапчы оройуона (Чурапчинский р-н)
 эргэр. – эргэрбит (устаревшее слово)

Литература

1. Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965. – 168 с.
2. Афанасьев П.С. Говор якутов Анабарского района (описание). 1960. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 6, ед. хр. 377.
3. Афанасьев П.С. Говор якутов Оймяконского района (описание). 1964. Архив ЯНЦ СО РАН (АЯНЦ СО РАН), ф. 5, оп. 6, ед. хр. 314.
4. Афанасьев П.С. Говор якутов Таттинского района (описание). 1964. Архив ЯНЦ СО РАН (АЯНЦ СО РАН), ф. 5, оп. 12, ед. хр. 40.
5. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
6. Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С., Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
7. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
8. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка / С.А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с. – с. 158.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка, вып. 1–13. СПб, Пг., Л., 1907–1930.

ТҮӨЛБЭ ТЫЛА САХА ЛИТЕРАТУРНАЙ ТЫЛЫГАР КИИРИИТЭ

Васильева Надежда Матвеевна

Аннотация. Настоящее исследование посвящено вопросу проникновения диалектных слов в якутский литературный язык. Как известно, одной из основ литературного языка является диалектная лексика. Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема функционирования диалектной лексики в якутском литературном языке остается малоизученной. Цель исследования – изучение проникновения диалектной лексики в современный якутский язык. Материал для анализа извлекался методом сплошной выборки из лексикографических источников: сопоставляются данные пяти словарей, охватывающие разные годы развития якутского языка. В результате анализа установлено, что освоение ранее забытых или устаревших понятий в диалектном пласте лексики усилилось в последние годы, что связано с необходимостью обозначения новых понятий, которых еще нет в литературном якутском языке.

Ключевые слова: якутский литературный язык, диалектные слова, якутская орфография, орфографический словарь якутского языка, вариант.

Литературнай тыл уонна түөлбэ тыллара (диалектар, говордар) бэйэ-бэйэлэригэр сибээһин, хардарыта сабыдыалын, түөлбэ тыллара сурук тылыгар өтөн киириитин чинчийии ханнык да тылларга тоҕоостоох. Литературнай тылга түөлбэ тыла киириитин сүрүн төрүөттэринэн чинчийээччилэр манньктары ыйаллар: араас сиригэр тарҕаныыта, устуоруйа ханнык эрэ түгэннэрэ, тыллар хардарыта дьайсыылара, суруйааччылар айымньыларыгар туттуулара, тыл сайдыыта, култуура үгэстэрэ [7, с. 11–38]. Литературнай тылга түөлбэ тыла киириитэ тылы байытарга, тыл үгэстэрин харыстыырга туһуланар диэн ыйаллар [18, с. 281].

Ааспыт үйэ 20-с сылларыттан саҕалаан, бастакы сахалыы алпаабыт олоһуран, үөрэх тэнийэн, биир литературнай тыл баар буолуохтаах диэн боппуруос күүскэ турбута. Онуоха саха суругун уонна литературнай тыл боппуруостарын ырытан олоххо киллэрэргэ аналлаах Саха сиригэр Киин ситэриилээх кэммитиэт иһинэн Саха суругун сэбиэтэ (ССС) тэриллбитэ [13, с. 49]. Бу сэбиэт саха тылыгар, суругар сыһыаннаах кыһалҕалары быһаарар үлэни күүскэ ыппыта. Ити кэмгэ сахалыы хаһыакка, бэчээккэ, учууталлар ортолоругар тыл хайдах сурулуохтааҕын туһунан мөккүөр күөдүйбүтэ. Араас түөлбөҕө олохтоох дьон киһи аайы өйдөммөт тыллары туттар буолан, онуоха хардаран, сахаҕа барытыгар өйдөнөр биир тыл баар буолуохтааҕын, ханнык эмэ биир

© *Васильева Надежда Матвеевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, tnm69@mail.ru

говорга тирэбирэри ыйар араас хабааннаах суруйуулар тахсыталаабытара [сүһилии көр: 16, с. 116–119]. Аакайдаан-оокойдоон сангарыы курдук түөлбэнэн араастаһан сангарыы баарын быһыытынан, санаҕа хайата ордук баһыйара төрүт буолуохтааҕа учуоттаммыта. Онуоха ордук Бүлүү, Дьокуускай уокуруктарын, Өлүөхүмэ говордарын чорботон, олортон биир киэнник туттуллар говор литературнай тылга кириэхтээх диэн санаа баһыйара. [21, с. 68–84]. Ити сыл ахсынньы 29 күнүгэр бытыллыбыт саха тылын сайдытын боппуруостарыгар анаммыт иккис кэмпириэнсийэбэ П.А. Ойуунускай, Г.У. Гермогенов тизэрмин уонна таба суруйуу боппуруостарыгар дакылааттарын дьүүллэһэн баран, литературнай тыл төрүтүнэн киин улуустарга (Арҕаа Ханаласка, Мэнэ Ханаласка, Тааттаҕа) тэнийбит оокойдуур сананы, сурукка фонетика бириинсибин бүтэһиктээхтик олохтуурга эмиэ уураах ылыммытара¹. Бу говоры ылынар сөптөөбүн туһунан А.А. Иванов-Күндэ таба суруйуу бириинсиптэрин туһунан үлэтигэр чопчулаабыта [9, с. 260]. Онон ити кэмтэн ыла саха литературнай тыла бөбөргүүрүгэр оокойдуур говор сүрүн төрүт буолбута. Тыл үөрэхтээхтэрэ Н.К. Антонов, П.С. Афанасьев, Н.Д. Дьячковская, И.С. Воронкин, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров, П.А. Слепцов, П.П. Барашков бэрэпиэссэр Е.И. Убрятова чинчийиитин сүннүүнэн тутуһан [19, с. 38–64], саха тылыгар аакайдыр уонна оокойдуур сана баарын туһунан бэлиэтээбиттэрэ. С.А. Иванов говордары анаан чинчийбит үлэтигэр аакайдаан уонна оокойдоон сангарыы тыл бэһиэтикэли, морпологуйалыы тутулун уонна тыл баайа ханыырын кытта ыкса сибээстээх үһүн сыллаах сайдыы түмүгэ диэн быһаарбыта [10, с. 175].

Саха литературнай тыла уонна түөлбэ тылларын хардарыта дьайсыылара өрүү буолар, бара турар бырассыас. Бу кыһалҕаны чинчийи кэлин говордар аныгы туруктарын үөрэтиигэ уталытыллыбат боппуруос буолуо диэн М.С. Воронкин сылыктаабыта [4, с. 45]. Аан бастаан бу боппуруоһу П.С. Афанасьев көтөхпүтэ. Кини литературнай тыл уонна олохтоох говордар хардарыта сыһыаннарыгар литературнай тыл баһылыы-көһүлүүр оруоллаах диэн түмүккэ кэлбитэ [1, с. 79–80]. Кэлин П.С. Афанасьев саха литературнай тыла түөлбэ тылын баайыттан наадалаах тыллары сыһыа ылыныыта ситэ илик диэн бэлиэтээбитэ [2, с. 93]. Саха литературнай тыла түөлбэ тылыгар олобуран үөскээбитин, арахсыспат ыкса ситимнээхтэрин, түөлбэ тыллара литературнай тылга олохсуйууларын П.С. Афанасьевы сэргэ М.С. Воронкин, П.А. Слепцов, С.А. Иванов чинчийбиттэрэ. М.С. Воронкин литературнай тыл уонна диалект уратытын лиэк-сикэ, грамматика, фонетика таһымыгар тэннээн көрөн баран, Саха сирэ иэнэ улаханан литературнай тыл олохтоох түбэ тылыгар (говорга) кириитэ тэнэ суох диэн быһаарбыта [6, с. 48–54], ону сэргэ түөлбэ тыллара тизэрмини үөскэтиигэ биир төрүт буолалларын ыйбыта (кини ааттатаалабыт түөлбэ тылларыттан, холобур, *тонг, айаан, чуумсук*, о.д.а. тыллар литературнай нуормаҕа бигэргэммиттэрэ – Н.В.) [4, с. 48]. П.А. Слепцов саха литературнай тылын нуормаларын салгыы сайдытын боппуруоһун чинчийэригэр

¹Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)), ф. 353, оп. 1, д. 19, л. 4.

түөлбэ тыллара литературнай тылы байытарга интэриэһи үөскэтэрин ыйан туран, түөлбэ тылын баайын (лексикэтин) суолтатынан икки бөлөххө наардыр: 1) литературнай тылга ханыылаах (синонимнаһар) тыллар, холобур, *ыалыкы/хабдьы/курупааскы; дырики/муруку/моҕотой*; 2) литературнай тылга суох биир суолталаах тыллар, холобур, *алым, ойуһар, хачыр, өлүктэ, саапнас, аҕыйдан* [17, с. 131]. Манньык тыллары литературнай тылга, биллэн турар, суолтатын ыйан ойуулаан эрэ суруйдааха өйдөнүллэр. Онон П.А. Слепцов түөлбэ тыллара уонна литературнай тыл хардарыта дьайсыылара уустук, литературнай тыл түөлбэ тылынан байар кыахтаах диэн бэлиэтэбитэ [17, с. 133]. С.А. Иванов бэлиэтииринэн, таба суруйуу бириинсиптэрин бигэргэтэргэ, литературнай тыл нуормаларын олохтуурга, таба суруйуу уонна санарыы быраабылаларын тупсарарга, харыс тыллары, олоҥор синонимнарын булууга түөлбэ тылын матырыйааллара көмө буолаллар [11, с. 11].

Ити курдук саха литературнай тыла сайдытыгар түөлбэ тыллара улахан оруолаахтар.

1972 с. П.А. Слепцов эрдээксийэтинэн тахсыбыт литературнай тылы нуормалыыр соруктаах, норуот саамай киэнник туттар тылын сүрүн саппааһа түмүллүбүт «Сахалыы-нууччалыы тылдьыкка» (салгыы – ЯРС) [22] тэнийбит соҕус түөлбэ тыллара *диалект* диэн бэлиэлээх киллэриллибиттэр. Барыта тылдьыкка быһа холоон 80 түөлбэ тыла киирбит. Бу тылдьыты уонна 1975 с. Л.Н. Харитонов, Н.Е. Петров эрдээксийэлэринэн тахсыбыт «Саха тылын орфографическай тылдьытын» (салгыы – СТОТ) [15], «Сахалыы таба суруйуу тылдьытын» (2015) (салгыы – СТСТ) [14] кытта тэннээн көрдүбүт. СТОТ (ааптардар ааҕыыларынан, 14212 тыллаах) барыта 120 түөлбэ тыла, онтон СТСТ (32 тыһ. кэринэ тыллаах) барыта 390 түөлбэ тыла литературнай нуормаҕа олоҕуран киирбит. Маны таһынан бу тылдьыкка 162 тыл түөлбэ тыла диэн ускуопкаҕа ыйыллан суруллубут. Бу этиллибит тылдьыттар уонна түөлбэ тылын тылдьыттарын (салгыы – ДСЯЯ, ТТТ) [8; 19] холобур быһыытынан сорох матырыйаалы тэннээн көрдөххө (көр 1 таб.), 70-с сылларга нуорма быһыытынан киирбит тыл кэнники кэмгэ түөлбэ тыла диэн бэлиэтэнэн киирэр түбэлтэлэрэ баар эбит. Холобур, *бочоох, куйаабыл* диэн курдук тыллар. Билигин бу тыллартан, холобур, *куйаабыл* диэн тыл киэнник туттулларын быһыытынан түөлбэ тыла диэн ыйыыта да суох киириэн сөп.

1 табылыысса

Түөлбэ тыла тылдьыкка киириитэ (холобурдар)

ЯРС (1972)	СТОТ (1975)	ДСЯЯ (1976)	СТСТ (2015)
Бочоох	Бочоох	Бочоох	Бочоох (түөл.: кыра собо)
Дьырики см. моҕотой	Дьырики	Дьырики	Дьырики (түөл.: моҕотой)

Куйаабыл	Куйаабыл	Куйаабыл/куйабыл	Куйаабыл (түөл.: сугун хомуйар иһит)
Кунньалгы см. моонньоҕон	Кунньалгы (кус)	Кунньалгы	Кунньалгы (түөл.)
Сөгөлөөн	Сөгөлөөн	----	Сөгөлөөн (түөл.: тэлгэх)
----	Тыкаары	Тыкаары/тыкаак	Тыкаары (түөл.: тыыраахы)
Халтама		Халтаама/халтама	Халтаама (түөл.: таба хаххата)
----	Хорсоох	Хорсоох/корсоок	Хорсоох (түөл.: уу этэрбэхэ)
Чыыбаайы	Чыыбаайы	----	Чыыбаайы (түөл.: от арааһа)

Урукку өттүгэр түөлбө тыла диэн бэлиэтэнэн тылдыкка киирбит тыллар кэнники кэмнэ литературнай нуорма быһыытынан туттуллар буолбуттар (көр 2 таб.), холобур, *дьиэл*, *кыраада*, *удамыр*, *хаалык*, о.д.а.

2 табылыысса

Түөлбө тыла тылдыкка кииринтэ (холобурдар)

ЯРС (1972)	СТОТ (1975)	ДСЯЯ (1976)	ТТТ (1995)	СТСТ (2015)
Аҕыйдаа <i>диал.</i>	----	Аҕыйдаа		Аҕыйдаа
Дьиэл <i>диал.</i>	Дьиэл	Дьиэл		Дьиэл
Иргэх <i>диал.</i>	Иргэх (атыыр таба)	Иргэх		Иргэх
Кыраада <i>диал.</i>	Кыраада (өртүк)	Кыраада		Кыраада
Муойкаа <i>диал.</i>	Муойка (таба оҕото)	Муойкаа		
Олоодиал.			Олоо	Олоо
Удамыр <i>диал.</i>	Удамыр	Удамыр/удумар		Удамыр
Хаалык <i>диал.</i>		Хаалык		Хаалык
Ыалыкы <i>диал.</i>		Ыаллакы/ыаллыкы/ ыалакы/ыалыкы		Ыалыкы

2002 с. тахсыбыт сахалыы таба суруйуу тылдытыгар барыта 200-кэ тыл түөлбө тыла диэн ыйыллан киирбитэ [3, с. 89]. Тылдыты хаттаан эрдээк-сийэлээн онорууга сурук тылыгар туттулла сылдыар тыллары хатылыыр, атын дэгэтэ суох түөлбө тыллар барыйааннара сыыйыллыбыттара, холобур: *абакайдан* (*сутуй*), *дэлэбинэ* (*дэлэбэ*), *дьанта* (*болбукта*), *көкөчө* (*курунньук*) диэн курдук тыллар. Онон 2015 с. тылдыкка сүннүнэн билинни саха литературнай тылыгар туттуллар, олохторун эбэтэр сыһыарыылаах пуормаларын таба суруллуулар бэрээдэктээһиннэ наадыйар тыллары хабар литературнай

тылга олобуруон сөптөөх түөлбэ тыллара киирбиттэрэ. Холобур, *аамыйа* (түөл.: *түктэри, чиччик*), *биэскэ* (түөл.: *сатабыл*), *ньообурхана* (түөл.: *бизһигэр сылдыар таба*), *суорака* (түөл.: *мэйии*), *түүлээйи* (түөл.: *хатыыс*), *чаамык* (түөл.: *таарбаҕан*), о.д.а. Тылдыкка түөлбэ тылын суолтата эбэтэр литературнай тылга көрүнгэ ити курдук ускуопкаҕа бэриллэр. Сорох түөлбэ тылларыгар нууччалыы өйдөбүлэ бэриллэр, холобур: *сытын* (түөл.: *жимолость*), *танса* (түөл.: *нихта*).

Саха түөлбэ тылын тылдытыгар киирбит тыллар таба суруйуу тылдытыгар литературнай тыл буолан киирбиттэр, холобур: *аҕараан, буһарба, сүлбэ, хабыһааһан, хараал, иктээнэ, уучах, ньообу, хаалык, чэркэ*, о.д.а. Ол аата кэнники кэмнэ түөлбэ тыллара киэнник туттуллар буолан, сыһыа нуорма быһыытынан туттуллар буолбуттар.

П.С. Афанасьев саха тылыгар диалектнай лиэкстикэ тарҕаныыта биир тэнгэ суох, ордук таба иитиитэ уонна булт хаһаайыстыбалаах хотугу улуустар ураты тыллара үгүс диэн бэлиэтэбитэ [2, с. 92]. Ол курдук, СТСТ таба иитиитигэр сыһыаннаах түөлбэ аат тыллара балачча киирбиттэр, холобур: *абылахаан* (түөл.: *атыыр таба*), *амархана* (түөл.: *буур таба*), *ньообурхана* (түөл.: *бизһигэр сылдыар таба*), *ньымарбана* (түөл.: *үстээх таба*), *тимэхтиин* (түөл.: *таба ыңгыырын холуна*), *халтаама* (түөл.: *таба хаххата*), *ханалда* (түөл.: *таба муоһугар шилиллэр тыаһыыр мас*), *чээлкээ* (түөл.: *үрүҥ таба*), *ээни* (түөл.: *биир сааһын туолаат, төрөөбүт таба*), о.д.а. Тыл олобун кэнниттэн эмиэ сыһыарылары таба суруйуу ыйыллар, холобур: *абылахаан, -нна, -ммыт, -нар, амархана, -нан, -тааҕар*.

Тылдыкка түөлбэ тылын туохтуурдара эмиэ киллэриллибиттэрэ, холобур: *албадый* (түөл.: *атаахтаа*), *амньырай* (түөл.: *мөлтөө*), *бөрдөн* (түөл.: *курдан*), *өнгүрээ* (түөл.: *хойутаа, уоһун*), *сырдыктан* (түөл.: *уоттан*), *талаһый* (түөл.: *дьулус*), *үлтэхтэт* (түөл.: *ыарытый*), *хобутаа* (түөл.: *аһыйаа*), о.д.а. Туохтуур олобун кэнниттэн араастаан этиллэр сыһыарылары таба суруйуута бэриллэр, холобур: *албадый* (түөл.: *атаахтаа*), *-ың, -дыннар, бөрдөн* (түөл.: *курдан*), *-үң, -ммөт, -нүннэр*.

Түөлбэ тылыгар туттуллар сыһыаттар, даҕааһыннар тылдыкка эмиэ киэрн туттуллаллар, холобур: *тутук* (түөл.: *букатын*), *үөтүк* (түөл.: *күүскэ, олус*), *халаанһа* (түөл.: *мээнэ, сыала, соруга суох*); *тымтыган* (түөл.: *ыгым*), *халлан* (түөл.: *ырыган, көтөх*), *хольбуо* (түөл.: *улдьаа*), *чааран* (түөл.: *убаҕас, сэдэх*), *чалаам* (түөл.: *айаас*), *элилтэҕэй* (түөл.: *куотуган сүөһү*).

Түөлбэ тылларыгар элбэх ахсаан сыһыарыытын биэрии интэриэһинэй. С.А. Иванов бэлиэтэбитин курдук, *-ат-тар* сыһыарыыларынан үөскээбит тыл пуормалара түөлбэ тылларыгар бааллар, холобур, *күөл-эт-тэр, буур-ат-тар, атыыр-ат-тар, тумул-ат-тар, ыал-ат-тар, бухатыыр-ат-тар*, о.д.а. [12, с. 134]. Манньык пуормалартан сахалыы таба суруйуу тылдытыгар *атыыраттар* (таба, элб. ахс.) нуорма быһыытынан киирбитэ [14, с. 41].

М.С. Воронкин литературнай тыл олохтоох говордар таһымнарыттан тахсан, олору сомоҕолоон, биирдэниллибит нуорманы олохтоон, диалегы симэлитэр суолга киирдэ, диалегы суурайар, биир халыыпка киллэрэр кэмнэ оло-

робут, «аакайдааһын – аны ааспыт суол, “архыыпка” анньыллыбыт суол» диэн дыксинэн суруйбута [5, с. 69]. Ол эрэри билигин аакайдааһын көстүүлэрит-тэн, холобур, *аччыгый, аччыгыйдык, дэйбиир, бакыр, такыр* диэн курдук тыллар оокойдуур нуорманы кытта тэннэ литературнай нуормаҕа киирдилэр.

Дорҕоонунан араастаһар түөлбэ тылларын көстүүлэригэр, холобур, *ангар – ангаар, энэр – энээр, туорах – туораах, аҕабыт – аҕабыыт* курдук тылларга уһун аһаҕас көрүнгэ, оттон *табах – табаах* диэн араастаһыыга кылгас аһаҕас дорҕоон, *ууннан – уунан* диэннэ *-нан* сыһыарыыны суруйуу литературнай нуормаҕа ылыллыбыта. Оттон *оһуохай – оһуокай, оһуохайдаа – оһуокайдаа, оһуохайдьыт – оһуокайдьыт* тыллар икки барыйааннара нуорма быһыытынан киирдилэр, хайатынан да суруйар омнуоламмат.

Тыл култууратыгар түөлбэ тылларын дьайыылара, литературнай тылга киир-ирилэрэ үтүө да, омсолоох да өрүттээх буолуон сөбүн чинчийээччилэр бэлиэтиилэр [18, с. 282]. Саха тылыгар сыһыаннаан этэр буоллахха, түөлбэ тылларын литературнай тылга сабыдыалын үтүө өрүттэринэн тылы байыталларын, тыл, култуура баайа чөл хаалыыта, тылы үөрэтиигэ түөлбэ тылларын билии көмөлөһөрүн бэлиэтиэххэ сөп. Оттон омсолоох өттө диэн ааҕааччы тыл суолта-тын, тизкис (холобур, докумуон) эбэтэр айымньы ис хоһоонун өйдөөмүөн, тыл нуорматын кэһиллиитэ тахсыан сөп.

Онон, түмүктээн эттэххэ, түөлбэ тыллара литературнай тылга киирэн олох-суйуулара, олоҕуруулара кэнники кэмнэ ордук күүскэ барбыт диэн сылыктыах-ха сөп. Саха литературнай тылыгар суох өйдөбүллэри бэлиэтиир, ханыыта, эквивалена суох эбэтэр киэнник тарҕанан, саха дьоно бүтүтүүн туттар буолбут түөлбэ тыллара киирэллэр уонна таба суруллуулара тылдытынан сүрүннэнэр. Онон саха литературнай тылыгар түөлбэ тыллара ити курдук киирэн, сурук тылыгар нуорма буолан олохсуйаллар, тыл баайын ханаталлар.

Сокращения

түөл. – түөлбэ тыла
элб. ахс. – элбэх ахсаан

Литература

1. Афанасьев П.С. О взаимоотношениях якутского литературного языка и местных говоров // Труды Якутского филиала СО АН СССР. – 1958. – Вып. 1 (VIII). – С. 76–89.
2. Афанасьев П.С. Саха билинни тыла. Лексикология. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 1996. – 191 с.
3. Васильева Н.М. Сахалыы таба суруйуу тылдытыгар» түөлбэ тыллара // Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты. Сб. науч. ст. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2019. – С. 89–91.
4. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.

5. Воронкин М.С. Саха диалектологията: үөрэнэр пособие. – Дьокуускай: Саха ун-тын изд-та, 2001. – 83 с.
6. Воронкин М.С. Тизрмини үөскэтэргэ түөлбэ тылын суолтата «Саха түөлбэ тылын тылдытын» (эбиитомун) матырыйаалыгар олобуран // Якутский язык. Диалектология. – Якутск: Наука, 1998. – С. 43–48.
7. Гудков Д.О. Диалектные особенности в литературном языке: монография. – М: Наука, 2017. – С. 11–38.
8. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
9. Иванов А.А.-Күндэ. Арпагыраапыа бириинсибин туһунан (кэпсэтиигэ) (1934) // Күндэ. Кыһар тунат сырдыга. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – С. 255–266.
10. Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 183 с.
11. Иванов С.А. Изучение якутских говоров: итоги и задачи // Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты (сборник научных статей). – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. – С. 6–21.
12. Иванов С.А. Образование диалектной системы якутского языка. – Новосибирск: СО РАН, 2021. – 256 с.
13. Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.). Сб. документов и материалов. – Якутск: Кн. изд-во, 1968. – 622 с.
14. Сахалыы таба суруйуу тылдыта. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.
15. Саха тылын орфографической тылдыта. – Якутской: Кинигэ изд-та, 1975. – 192 с.
16. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 261 с.
17. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.
18. Туркулец И.А. Проникновение диалектизмов в литературный русский язык // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 5. – С. 280–283.
19. Түөлбэ тылын тылдыта (эбии том). – Новосибирской: Наука, 1995. – 296 с.
20. Убратова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР. – 148 с.
21. Эргис. Орфография и терминология якутского языка // Советская Якутия. – 1936. – № 1. – С. 68–84.
22. Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: СЭ, 1972. – 605 с.

УДК 811.512.157

САХА КУОЛУТУНАН БЫРААП ТИЭРМИННЭРЭ ТҮӨЛБЭ ТЫЛЫН ТЫДЬЫТТАРЫГАР

Жансай Аман Леонидович

Аннотация. Обычное право якутов обладало своей терминологией, которую можно реконструировать, опираясь на труды этнографов, историков, а так-

© *Жансай Аман Леонидович*, младший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, aman287@mail.ru

же фольклорные и архивные материалы. Термины обычного права в якутском языке не являлись предметом специальных исследований в целом, за исключением терминов родства и свойства, что обусловлено высокой частотой их применения. В данной статье рассматривается структура диалектной лексики обычного права (уголовное судопроизводство, право собственности, социальное и административное устройство) якутов, их классификация по группам говоров, по отраслям правоотношений, существовавших в архаическом якутском обществе. Предпринята попытка объяснить происхождение отдельных терминов. Лексический материал отобран из диалектологических словарей якутского языка, которые содержат диалектные варианты и диалектные значения общеякутских слов.

Ключевые слова: якутский язык, обычное право, термины, диалекты, говоры.

Куолунан быраап (*обычное право*) быраап үгэстэригэр олобулар уонна уопсастыбаҕа олобурубут сыһыаннаһылары, хайдах сылдыары салайар нуормалар тиһиктэрэ буолар. Быраап хабааннаах үгэс эбэтэр куолу түн былыргы уопсастыбалар саҕаттан үөскээбит сокуоннар тиһиктэрин төрдө буолаллар [21].

Ол аата хайа эмит омугунан эбэтэр итэҕэлинэн тэриллибит бөлөххө уһун кэм устата эллэнэн, туттуллан кэлбит уонна бу бөлөх дьонугар булгуччулаах үгэстэргэ олобуран бу быраап үөскүүр. Ону таһынан туораттан орооһуута суох бэйэтин дьаалытынан сайдан кэлбит буолан куолунан быраап нуормалара итэҕэл, сир-туом өйдөбүллэригэр чугас буолаллар. Сахалар түн былыргы быраап нуормаларын чинчийбит А.А. Борисов олору үс бөлөххө араарар: 1) киһи уонна уопсастыба хардарыта сыһыаннарын торумнуур; 2) омукка олобурубут култуура, үгэс уонна сир-туом нөҥүө уопсастыба уонна айылҕа алтыһытын наардыыр; 3) тутта-хапта сылдыһы суруллубатах сокуоннарын олохтуур [9].

Чинчийээччилэр бэлиэтииллэринэн, XVI үйэ бүтүүтэ – XVII үйэ саҕаланыта сахалар куолунан бырааптара сайдыы үрдүк таһымыгар турбут. Бас билии, эбэһээтэлистибэҕэ олобурубут сыһыаннар, ыал буолуу, баайы-дуолу утумнааһын нуормалара сайдан барбыттар [18, с. 16]. Нуормалар биир үксүн маннык сыһыаннаһылары сүрүннүүлэрэ: 1) сир сыһыаннаһылары (бас билии, туһаныы, үллэрии бэрээдэгэ); 2) эбэһээтэлистибэҕэ олобурубут сыһыаннаһылар (атыы, атастаһыы, иэс ылсыы-бэрсии, куортам, наймылаһыы); 3) ыал буолуу уонна дьиз кэргэн сыһыаннара (аймахтыы, уруулуу буолуу, ыал буолуу, баайы-дуолу утумнааһын, оҕону иитэ ылыы).

Э.К. Пекарскай тылдытыгар куолу диэн тыл биир чопчу суолтата суох, «*предписание, инструкция, повеление; право, позволение; способ, средство, обыкновение, обычай; обряд, установление, постановление, правило, закон, порядок, сообразность*» диэн элбэх суолталааҕа бэлиэтэммит [22, стлб. 1225–1226]. Куолу диэн тыл монгуол тылларыгар ханыылаах (бүр. *хуули*, монг. *хууль*, сурук.-монг. *хаули*) уонна барыларыгар ‘сокуон’ диэн суолталаах. Онон сылыктаахха саха тылыгар да урукку өттүгэр эмиэ итинник суолталана сылдьыбыт. Н.К. Антонов эмиэ итинник санааны этэр [1, с. 42]. Ол эрэн билигин

нууччатган кириин тылынан солбуллубут. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыгар *куолу* диэн икки суолталааҕа ыйыллыбыт: 1) туох эмэ буолуутун быһыыта-майгыта, олоҕурбут үгэс, үөрүйэх; 2) тугу эмэ оннук буолуохтаах диэн тылынан быһааран санарыы, үөрэтии, өйдөтүү [6, с. 492]. Ону таһынан кэпсэтии тыла буолара бэлиэтэммит. Ол иһин «обычай» диэни *куолу* диэнинэн тылбаастаан, «обычное право» диэни *куолунан быраап* диэн сахатытыахха сөп курдук.

Куолунан быраап син биир быраап салаата буоларын быһыытынан бэйэтэ хайаан да тирминнэрдээх буолар. Этнографтар уонна историктар үгүс элбэх чинчийиилэригэр, фольклор уонна архыып сорох матырыйаалларыгар олоҕуран тирмин тиһигин сэргүтэн, хайдах эбитин көрөр кыахтаахпыт. Куолунан быраап тирминнэрэ саха тылыгар анаан чинчиллибэтэхтэр. Ол гынан баран уруулуу, аймахтыы сыһыан тирминнэрэ туспа тутулан үөрэтиллибиттэр (Бурыкин А.А., Федорова Е.П.). Ити тирминнэр саха тылыгар ордук хойуутук, элбэхтик туттуллалара уонна билинни саха тылыгар үгүстэрэ туттулла сылдьаллар. Холобур Е.П. Федорова аймахтыы сыһыаны бэлиэтиир 150-тан тахса тирмин баарын ыйар [24, с. 118].

Төһө да саха тылын лиэкстикэтэ биир кэлим дэммитин иһин, тыл иһигэр бэйэтэ уратылаах түөлбө говордара диэн үөскээбиттэр. Баар говордары М.С. Воронкин чинчийиилэригэр олоҕуран, С.А. Иванов манньк бөлөхтөргө үллэрэр: 1) киин; 2) Өлүөхүмэ-Бүлүү; 3) хотугулуу-арҕаа; 4) хотугулуу-илин [11, с. 39, 41, 42, 44]. Сахалар олохсуйбут сирдэрин киэнэ, бэйэ-бэйэлэриттэн ыраахтара, уокуруктар, улуустар икки ардыларыгар сылдыһы уустуктааҕа уонна кыаллыбата барыта түөлбө тыллара үөскүүллэригэр төрүөт буолбута. Ону таһынан сахалар тас сиргэ тахсан олохсуйбуттара, онно тийээн атын тыллаах омуктар сабыдыалларыгар түбэспиттэрэ эмиэ оруоллаах этэ. Ол эрэн куолунан быраап тирминнэрин эйгэтин ити кыһалҕа улаханньы таарыйбатаҕа, тоҕо диэтэххэ саха омук киэн сиринэн олохсуйуон иннинэ сүрүннээн нуучча сокуоннарыгар көһүү саҕаламмыта, ол түмүгэр төрүт быраап нуормалара улам туттуллубат буолан умнууга барбыттара. Ити ырытар лиэкстикэбит биир үксүн эргэрбит тыллар ахсааннарыгар көспүтэ. Ону таһынан түөлбө тыл туттуллубат буолуутун биир төрүөтэ – уопсай литература тылыгар көһүү этэ. П.А. Слепцов итинник көстүүнү маассабай сурук-бичик үөскээһининэн уонна дьон барыта уопсай суругунан нуормаҕа уонна литература тылыгар тардыһан барбытынан быһаарар [23, с. 115]. Түөлбэнэн уратылаһыылар маассабай сурук киирдэбинэ суураллан иһэллэрин туһунан эмиэ этэллэр [2, с. 38]. Ол эбэтэр уопсай литература тылыгар көһүүнү туох баар аан дойду тылларыгар барытыгар баар, биир күдүс бэйэтин айылҕатынан бара турар көстүү курдук ылыналлар. Холобур, Л. Блумфилд литература тыла биир кэлим буолуутун кини түөлбө тылын солбуйбутун уонна биир нация иһигэр бүтүннүү тарҕаммытын түмүгэ буолар диэн этэр [3, с. 530].

Бу үлэҕэ туһаныллыбыт саха тылын түөлбө тылын тылдыттарыгар түөлбө тылларын таһынан түөлбө тылыгар суолтата уларыан киирбит уопсай лексика

эридьиэстэммит [13, с. 10]. Олору биир күдьүс сыымайдааһын түмүгэр куолунан быраап өйдөбүллэрин биэрэр тизминнэргэ сыһыаннаах алта уонтан тахса тыл көһүннэ. Итинтэн баһыйар үгүс өттө уруу уонна аймах тизминнэригэр сыһыаннаах.

Үөһэ суруллубут говордары наардааһын быһыытынан көстүбүт тыллар түөлбэлэринэн биир кэмник тарҕаммыттар, хайа да говор атыттартан чорбойбот, ол курдук Өлүөхүмэ-Бүлүү (Бодойбо, Үөһээ Бүлүү, Бүлүү, Өлүөхүмэ, Сунтаар), хотугулуу-илинни (Дьааһы, Индигир, Халыма), хотугулуу-арҕаа (Булун, дулгаан, Дьэһиэй, Өлөөн), киин (Амма, Мэнэ Ханалас, Уус Майда) бөлөхтөрүгэр баар түөлбэ тыллар. Ону таһынан диалект ахсааныгар Э.К. Пекарский тылдытыгар баар, чопчу хайа да түөлбэ буолара ыйыллыбатах тыллар кирибиттэр. Итини быһааран суруйалларынан, «Э.К. Пекарский тылдыта саха литературалыы тыла суох эрдэҕинэ уонна Дьокуускай уобалаһын киэн нэлэмэн сириҥ араас муннуктарыттан, сороҕо өссө тас өттүттэн хомуллубут ураты матырыйаалга олобуран оҥоһуллубуттун буолар» [17, с. 17]. Э.К. Пекарский тылдытыттан диалект матырыйаалын хомуйан ыларга, бастатан туран, ити тыллар билинни литература тылыгар суохтарынан сирдэтиммит буолуохтарыҥ сөп.

Итини сэргэ түөлбэ тылын тылдыттарын биир уратытынан дулгаан тыла түөлбэ тыл быһыытынан киирэ сылдыара буолар. Дулгаан тыла туспа тыл буолара-буолбата араас санааны үөскэтэр кыһалҕа. Е.И. Убрятова бастакы чинчийиилэригэр (1940) дулгаан тылын саха тылын диалега диэн быһаарар [25, с. 115]. Кэлин (1966), дулгаан тыла саха тылыттан ойдом сайдыбыт буолан, туһунан тыл буолар диэн этэр [25, с. 140]. М.С. Воронкин ити бүтэһик этиини кытта сөбүлэспэт, кини саныырынан, дулгаан тылын структурнай, социологической уонна исторической уратыларын болҕомтоҕо ылан, туһунан тыл буолбакка, саха тылын диалега буолар диер [10, с. 165]. Ити санаатын тутутуһан, түөлбэ тылын тылдыттарын иккиэннэрин танан онорооччу буоларын быһыытан, М.С. Воронкин дулгаан тылын түөлбэ тыл быһыытынан киллэрэ сылдыар.

Бу ыстатыйа чэрчитинэн холобунай сууту ыытыыга, бас билии сыһыаннаһыларыгар, саха дьонун социальнай уонна дьаһабыл тэриниитигэр сыһыаннаах сүүрбээччэ тизмин көрүллэр. Ол иһин сороҕо ис хоһооно, хайдах үөскээбитэ билинни сахалыы тыллаахтарга өйдөммөт.

Холуобунай сууту ыытыы лизксикэтэ: *идэлээх киһи* ‘уоруйах’ (Бод.), *кымаайылаах* ‘уоруйах’ (Уус М.), *сиккэдэһин* ‘дакаастабыл, сибики’ (Пек.), *махылы* ‘апчарыйыы’ (Пек.), *кујалаа* ‘өлөр’ (Үө. Бүлүү.), *сайылаа* ‘өлөр’ (Үө. Бүлүү, Бүлүү), *хойбот* ‘уор’ (Бул., Өлөөн).

1) *Идэлээх киһи*, *кымаайылаах* диэн биир үксүн ханарытан этии түмүгэр үөскээбит өйдөбүллэр. Холобур, *идэ* биир суолтата ‘куһаҕан кэмэлдьи, дьаллык’, *идэлээх* – ‘тугу эмэ гынар үгэстээх, үөрүйэхтээх; кэмэлдьилээх’ [5, с. 559–561]. Ол эбэтэр уорууну куһаҕан дьаллык диэн өйдүллэрэ. *Кымаайы* – *кып* ‘үксүн кыраны, киһи биридэ илдьэ барарын, биллэрбэккэ ыл, уор’ [7, с. 285] туохтууртан *-айы* сыһыарыы көмөтүнэн үөскүүр, ол кэннэ утуу-субуу

п-б, б-м добооннор аралдыһыылара көстөр. *Һойбот* диэн *сойбот* киэбинэн Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыгар ‘уоран ыл’ диэн суолтаҕа түөлбэ тыла буолара бэлиэтэммэккэ киирэ сылдьар [8, с. 499].

2) *Кујалаа, сайылаа* диэн хайалара да бастакы сүрүн суолталара ‘тугу эмэ дыһай, хомуй, чөмөхтөө, хомуйан, миэстэтин босхолоо, иллэннээ’ диэн буолар [6, с. 437; 8, с. 157]. Өлбүт киһи унуоҕун харайары, хомуйары кытта ханыылаан, онно маарыннатан харыс тыл киэбинэн үөскээбит туохтуурдар буолаллар.

Бас билии сыһыаннаһыылара: *буобул* (*буогул, буогу*) ‘бобуу, бух’ (Пек.), *өртүбүөй* ‘үп’ (Бүлүү), *өртүбүөй* ‘атыы, манһа, толук’ (Сунт.), *суопсунас* ‘сирэй бас билии’ (Амма, М. Хан., Өлүөх.), *һарпылаат* ‘хамнас’ (дулг.), *уруту-нан аҕал* ‘иэс аҕал, иэһээ’ (Бүлүү, Үө. Бүлүү), *харба* ‘үп-мал’ (Пек.).

1) *өртүбүөй, суопсунас, һарпылаат* – нуучча тылыттан киирбит тирмин-нэр буолаллар, сүрүн суолталарын тутан хаалбыттар, ис хоһоонноро өйдөнөр.

2) *буобул, буогуу* – Э.К. Пекарскай тылдытыгар ыйыллыбытынан суолтала-ра ‘запрещение’, холобура – «*буобул от* ‘сено, на которое наложено запрещение’». Бу тыллар ис хоһооннорун быһаарар туһуттан монгуол тылларыгар баар *боуи-* (халх., бур., калм. *боо-*, мнгр. *бō-*) ‘обвёртывать, упаковать, завязывать; окружать, преграждать’ уонна ону кытта ситимнээҕэ сабаҕаланар *boyol* (халх. *боол*, бур. *боол*, *богоол*, калм. *боһл*) ‘раб невольник’ диэн тыллары кытта ханыылыы тутан көрөр оруннаах [26, с. 94]. Саха да тылыгар, монгуол да тылларыгар суолтатыгар туох эмит хааччах, бобуу баарын көрдөрөр.

Социальной уонна дыһабыл тэринии: *абыратыы* ‘быстар дыаданы’ (Дьэһ.), *буу* ‘быстар дыаданы’ (Орто Хал.), *хаамаайы* ‘быстар дыаданы, кумалаан’ (эргэр., М. Хан.), *охтор дыаданы* ‘быстар дыаданы’ (Хал.), *каҕан* ‘баһылык’ (арх., Инд.), *мунһах* ‘бөлөх ыал’ (бул.), *нэһилиэк* ‘араспаанһа’ (Дьэһ.), *суруллара* ‘араспаанһа’ (дулг., Хал.).

1) бу бөлөххө бастакы үс тыл үп-ас өттүнэн кыаммат аранга дьонун бэлиэтиир. С.А. Иванов быһаарарынан, *абыратыы* олоҕо ‘спасать, избавлять, выручать, помогать’ диэн суолталаах *абыраа* туохтуур буолар, ол суругунан монгуоллуу *abura-* ‘спасти, избавлять; выручать’ туохтууру кытта ханыылыы уонна хайааһын аатын суолтатын хайааһын барамайыгар метафоранан көһөрүү түмүгэр үөскээбит [16, с. 98]. Дьэһиэйдэр бэйэлэрэ быһааралларынан: «... дьыл быстыанкатыгар хоргууйан бараары баайдартан иэс-күүс ылан «абыралларын» иһин ааттабыттара эбитэ үһү» [19, с. 3].

Буу түөлбэ тылыгар сүрүн суолтата ‘дүдүэх көрүннээх’ [4, с. 592], онтон суолтатын көһөрүү түмүгэр быстар дыаданы киһини бэлиэтиир буолбут.

2) *каҕан* – эргэрбит уонна индигир түөлбэ тыла, ‘баһылык, бас-көс киһи’ диэн суолталаах. Бу тылы С.А. Иванов былыргы түүр уонна монгуол эрэ тылларыгар ханыылаах, түн былыргы эргэрбит тылынан ааттыыр [16, с. 20]. Кырдык, былыргы түүр тылыгар *qayan* – ‘каган, верховный правитель, главный хан’ [14, с. 405]. Бу түн былыргы өйдөбүлү көрдөрөр тыл саха биир кыры түөлбэтигэр хаалан хаалбыта бу тыл урут сахаҕа туттулла сылдыбытын туоһулуур.

3) Дьэһиэй түөлбэ тылыгар *нэһилиэк* араспаанһа диэн суолталаммыт. Чинчийээччилэр бэлиэтииллэринэн «Киин улуустарга тарҕаммыт аҕа уустарын чээрэлэрэ кытыы сиргэ тийиэн, биир чөмөх буолан мустан олороллорун көрөр буолуохпутун сөп» [15, с. 9]. Ол да иһин Дьэһиэй сахаларын араспаанһалара (Боотулуу, Өспөх, Маймаҕа, Чордуу, Уодай, Оһоҕостоох) киин Саха сирин, Бүлүү улуустарыгар баар нэһиликтэр уонна аҕа уустарын ааттарын кытта сөп түбэхэр. Ол иһин сурукка кирибит ааттарын *нэһилиэк* диир буолбуттар. Оттон *суруллара* диэн саха киһитэ тэнинэн хас да ааттаах буоларыттан үөскээбит. Ол курдук бэйэтин аатын *сахалыы аат, хос аат* диир эбит буоллаҕына, сурукка кириэр ааты, ол иһигэр араспаанһаны, *сүрэхтэммит аат, нууччалыы аат, суруллар аат, үчүгэй аат* диир [20, с. 21].

Саха куолутунан быраап тиэрминэ түөлбэ тылларыгар киэнник тарҕамматах да буоллар, баар көстүү эбит диэн түмүккэ кэлэбит. Ол эрэн бу ырытыллар лиэксикэ бөлөҕө эрдэ сиһилии чинчиллибэтэҕэ, ханнык тыл, өс чопчу хабыллара быһаарылла, эридьиэстэнэ илик. Бу бастакы холонуулартан биридэстэрэ буолар. Онон бу бөлөх лиэксикэ кэнигир чинчилээх. Уонна саха олоҕун-дьаһаҕын, үгэһин, олор түөлбэлэринэн туох уратылаахтарын билэргэ, өйдүүргэ төһүү буолуо.

Список сокращений

- Амма – амма түбэ тыла (амгинский говор)
- арх. – архаизм
- Бод. – бодайбинский говор
- бул. – булун түбэ тыла (булунский говор)
- бур. – бурятский язык
- Бүлүү – бүлүү түбэ тыла (вилуйский говор)
- бүр. – бүрээт тыла (бурятский язык)
- дулг. – дулгаан тыла (долганский язык)
- Дьэһ. – дьэһиэй түбэ тыла (есейский говор)
- Инд. – индигиир түбэ тыла (индигирский говор)
- калм. – калмыцкий язык
- М. Хан. – мэнэ ханалас түбэ тыла (мегино-кангаласский говор)
- Орто Хал. – орто халыма түбэ тыла (среднеколымский говор)
- Өлүөх. – өлүөхүмэ түбэ тыла (олекминский говор)
- Пек. – Пекарский Э.К., Словарь якутского языка
- Сунт. – сунтаар түбэ тыла (сунтарский говор)
- Уус М. – уус майа түбэ тыла (усть-майский говор)
- Үө. Бүлүү – үөһэ бүлүү түбэ тыла (верхневилуйский говор)
- Хал. – халыма түбэ тыла (колымский говор)
- халх. – халхасский язык
- эргэр. – эргэрбит тыл (устаревшее слово)

Литература

1. Антонов Н.К. Исследования по исторической лексике якутского языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1973. – 54 с.

2. Барашков П.П. Фонетические особенности говоров якутского языка: сравнительно-исторический очерк. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1985. – 183 с.
3. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ.: Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. – 606 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.II: (Буква Б) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.III: (Буквы Г, Д, Дь, И) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.IV: (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.V: (Буква К: күөлэһисгын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.VIII: (Буква С – сөлүбөр) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.
9. Борисов А.А. Изучение обычного права в якутской историографии // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. – URL: <https://zaimka.ru/borisov-custom> (дата обращения: 23.01.2024).
10. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика / Отв. ред. Е.И. Коркина; АН РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд., 1999. – 196 с.
11. Диалектологический атлас якутского языка: (свод. карты). Ч. II: Морфология и лексика / составитель С.А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
12. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
13. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / составители: П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 390 с.
14. Древнетюркский словарь / Редакторы В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Темишев, А.М. Щербак / Институт языкознания АН СССР. – Л.: Наука, 1969. – 715 с.
15. Дьэһиэй сахаларын фольклора. – Дьокуускай: Институт малочисленных народов Севера СО РАН, 2002. – 227 с.
16. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
17. Иванов С.А. Образование диалектной системы якутского языка. – Новосибирск: СО РАН, 2021. – 256 с.
18. Игнатьева М.Н. Обычное право якутов (XVII–XIX вв.): автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – М., 1989. – 23 с.
19. Воронкин М.С., Емельянов Н.В. Дьэһиэй сахалара // Кыым. – 1959. – 13 июн. – № 136. – С. 3.
20. Николаев Е.Р. Личные имена саха в лингвокультурологическом аспекте: монография. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. – 215 с.
21. Обычное право // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/obychnoe-pravo-ff9892> (дата обращения: 22.01.2024).
22. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – М.: АН СССР, 1958. – Т. 1. – 2-е изд. – 1280 стлб.
23. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

24. Федорова Е.П. Термины родства и свойства в якутском языке // Вестник СВФУ. – 2012. – Том 9. – № 1 – С. 118–122.
25. Убрятова Е.И. О языке долган // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. – 280 с.
26. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / отв. ред. Г.Д. Санжеев. Т. I: А–Е. – М: ИВ РАН, 2015. – 224 с.

УДК 811.512.15

ЛЕКСИКА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОВОРАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Скрябина Алевтина Афанасьевна

Аннотация. В статье представлен обзор лексики брачно-семейных отношений в говорах якутского языка. Лексика, связанная с традиционными свадебными обрядами, с браком и семьей, является бесценным источником для исследования языка, истории и культуры народа. Рассмотрены слова, связанные со свадебной обрядностью якутов, эвфемизмы, обозначающие беременную женщину, а также термины родства и свойства. Материалом исследования послужили лексические единицы, извлеченные из диалектологических словарей якутского языка. В результате исследования выявлено, что в корпусе названий, связанных с браком и семьей, наряду с древнетюркскими и общетюркскими лексемами обнаруживается значительный слой монгольских и русских заимствований, что связано с длительными историческими контактами с данными народами. Рассмотренные примеры демонстрируют лексические и фонетические особенности говоров якутского языка. С точки зрения употребления данные лексемы являются общеупотребительными и ограниченного употребления. В статье по возможности выявлены мотивирующие признаки некоторых диалектных слов, а также их структурно-грамматические особенности. Собранный фактический материал может быть использован исследователями лексикологии, диалектологии якутского и других тюркских языков.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, диалект, брак, семья, родство.

Лексика брачно-семейных отношений отражает особенности материальной, духовной культуры народа саха. Ее исследование приобретает также особую актуальность в связи с возрастающим интересом к сохранению и развитию национальных культур и языков в Республике Саха (Якутия).

© *Скрябина Алевтина Афанасьевна*, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка ИГиПИМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, alevtinaskr@gmail.com

Традиционная обрядность якутов издавна привлекает внимание исследователей. Первые сведения о традиционных брачно-семейных отношениях якутов встречаются в общих работах по этнографии якутов в виде фрагментов и общих замечаний. В трудах И.Э. Идеса, Я.И. Линденау, А. Миддендорфа, И.К. Кириллова, И.Ф. Страленберга, Л. Сеницкого, О. Матушевского, И.Г. Георги можно встретить отдельные упоминания о брачно-семейных отношениях якутов. Богатые сведения об обрядах якутов наряду с описаниями быта, нравов, обычаев, обрядов, верований и мифологических представлений народа представлены в трудах И.А. Худякова, В.Ф. Трошанского, В.М. Ионова, В.И. Иохельсона, В.Л. Серошевского, М.К. Маака, Н.В. Виташевского, Э.К. Пекарского.

Большую ценность для изучения традиционных брачно-семейных отношений и обрядности якутов в XIX-начале XX в. представляет работа П.А. Слепцова [17]. Автором описаны традиционные формы брака и семьи, эволюции институтов калыма и приданого, процессы развода и порядка наследования семейного имущества в сравнении с традиционными обрядностями других тюркско-монгольских народов Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана.

Результатом многолетних исследований в области традиционной обрядности якутов стала монография Р.И. Бравиной «Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.)» [8]. В работе обобщены и систематизированы материалы археологических раскопок якутских погребений XV–XIX вв. Ареал исследованных погребений охватывает центральные, вилуйские и северные группы районов.

Большое значение для освещения традиционной культуры якутов имеет монография Д.Г. Брагиной «Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX-начало XXI в.). В исследовании раскрывается трансформация традиционной культуры в Республике Саха (Якутия) к концу XX-началу XXI в., влияние на нее социально-политических факторов в условиях модернизационных и глобализационных процессов в мире. Как отмечает автор, «якутский этнос, несмотря на модернизационные процессы, сохранил свой этнокультурный стержень и стремится в условиях глобализации мира ориентироваться на базовые традиционные ценности» [9, с. 112].

В настоящей статье объектом исследования становится лексика семейно-брачных отношений в говорах якутского языка. Материалом исследования послужили «Диалектологический словарь якутского языка» [10] и его дополнительный том «Диалектологический словарь языка саха» [11].

Свадебная обрядность якутов характеризуется сложностью и многообразием обрядов и обычаев. Понятие свадьба в якутском языке передается лексемой *уруу*. В «Большом толковом словаре якутского языка» находим следующее определение: *Уруу – уоллаах кыыс холбоһон ыал буолалларыгар тэриллэр малааһын. Свадьба, свадебное торжество* [6, с. 269]. Например, *Хас да сүл буолан баран чугастаабы ыалларыгар уруу буолбут.* (Спустя несколько лет у соседей состоялась свадьба) [16, с. 246]. В говорах якутского языка зафиксированы лексема *курум* и ее фонетический вариант *курдум* в значении ‘свадь-

ба, свадебный пир'. Данное слово является заимствованием из монгольского языка. Ср.: монг. *qurim*, халх., бур. *хурим*, калм. *хүрм*, даг. *хурин*, дунс. *бурун*, мнгр. *хорім* 'свадьба; пир, пиршество'; калм. *хурм* 'сбор, скопление людей' [20, с. 72]. Лексема *курум* помимо значения 'свадьба, свадебный пир' в говорах якутского языка употребляется в следующих значениях: Горн., Хал. 'скотина, забиваемая на свадебной пирушке, как часть калыма' (*Обуһунан курумнуугут дуу, харчынан халыымныыгыт дуу, сылгынан сыаналыыгыт дуу, обонньордоох эмээхсин, биир тылгытын биллэринг, икки тылгытын иһитиннэринг*. Старик и старуха, огласите своё одно слово, вещайте два ваших слова: быка ли забьёте на свадебный пир, деньгами ли рассчитаетесь за калым, в стоимость лошади ли оцениваете свою дочь?); Бод., Өлүөх. 'торжественное угощение по случаю добычи медведя' (*Эһэни өлөрөн баран, курумнуубут*. По случаю добычи медведя устраиваем пиршество.) [11, с. 95, 96, 252].

В традиционной якутской семье самым большим богатством считались дети. «Дети, – считали якуты, – это богатство, только воспитывать их трудно. Для нас, якутов, в нашей ледяной земле иметь много детей выгоднее, чем иметь много денег и скота. Деньги разойдутся, скот подохнет, а хорошие дети, промышленники найдут – добудут все» [20, с. 182–183]. У якутов существовали обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка и сохранением его жизни. В этом выражалось стремление защитить мать и ребенка от возможного негативного влияния слова, которому часто приписывается магическое воздействие. В целях защиты матери и будущего ребенка в якутском языке возникли табуированные слова и эвфемизмы, связанные с беременностью и родами. В основу названий беременной женщины положено образное сравнение с тяжестью: *ыарахан* (букв. тяжелая). *Ыарахан сылдыан сайын куйаас бабайы кун от мунһа туран «уутай» диирин өйдүүбүн эбээ*. Суорун Омоллоон [7, с. 327]. Лексема *ыарахан* является производной от *ыар* 'тяжесть' и восходит к древнетюрк. *ayır* [12, с. 18–19]. В других тюркских языках: алт. *уур* 'тяжелый' [1, с. 750], хак. *аар* 'тяжелый, увесистый' [19, с. 18], тув. *аар* 'тяжелый' [18, с. 28], кирг. *оор* 'тяжелый' [13, с. 75] и др. В говорах якутского языка наличествуют также следующие эвфемизмы, обозначающие беременную женщину: *көтөбүүлээх* (от гл. *көтөх* 'поднимать'), *бириэмэлээх* (букв. с бременем), *истээх* (букв. с животом), *мэһэйдээх* (букв. с препятствием), *оһоһостоох* (букв. с кишкой), *уоппу-скалаах* (букв. имеющая отпуск), *харыстаах* (букв. с защитой), *ыйдаах* (букв. месячная). *Күн Дьөһөгөй обонньор Күрүө Дьэҥкэ хотуна Оһоһостоох буолар Кэмэ кэрдиитэ Кэлиэхтээх этэ* (У старика Кюн Джёсёгёя, на трехсложном бело-молочном небе обитель имеющего, супруга Кюрюё Джэҥкэ тяжестью-бременем в положенный срок зачать должна) [14, с. 92].

В говорах якутского языка определенное место занимают термины родства и свойства. Понятие «отец» в якутском литературном языке передается термином *аба*. В говорах в этом значении зафиксирован термин *тээчэ* и его фонетические варианты *таата*, *таатэ*, *чээчэ*, *чээшэ* [11, с. 201]. В сочетании со словом *маачаха* 'мачеха' термин *тээчэ* обозначает понятие «отчим», «неродной

отец». Понятие «отчим» также передается терминами *а́бараан*, *о́дболуун* и составным термином *кииринньэнг а́ба*. Слово *кииринньэнг* образовано от глагольной основы *киир* ‘входить’ + афф. им. сущ. *-(и)нньэнг*. *Кииринньэнг* (от слова *киир* ‘входить’, ‘въезжать’, ‘вступать’) обозначает входящего (принимаемого в семью без калыма) [15, стлб. 1106].

Понятие «мачеха» в литературном языке передается термином *маа́чаха*, в говорах употребляются варианты: *кииринньэнг ийэ*, *махата*, *ньээнньэ*. *Кииринньэнг ийэ* – устаревшее выражение. Второй компонент *ийэ* в якутском языке является многозначным словом и передает следующие значения: ‘мать’, ‘самка, имеющая детеныша’, ‘женщина, которая ведет домашнее хозяйство, хозяйка’, ‘средняя часть невода, куда попадает рыба, мотня’, ‘что-л. являющееся родным, близким’ [4, с. 589]. Термин *ийэ* восходит к древнетюркскому *ана* [12, с. 43] и наличествует в различных фонетических вариантах почти во всех тюркских языках: ср. хак. *ине* ‘мать’ [19, с. 126], алт. *эне* ‘мать’ [1, с. 917], тув. *ава* ‘мать’ [18, с. 31] и др. Слово *ньээнньэ* (*ньээнкэ*) в якутском литературном языке используется в других значениях: 1. О́бону көрөр-хара́йар, бүөбэ́йдиир ки́һи. Ня́ня, ня́нька // Улахан ки́һини о́бо курдук көрөр-хара́йар ки́һи. Человек, ухаживающий за взрослыми, няня. 2. Ылдьааччылары көрөр-хара́йар эмп үлэ́һитэ, са́ньгытаарка. Санитарка (в лечебном учреждении) [5, с. 188, 189].

У якутов женатый человек издавна пользовался почетом и уважением. Жени́ться означало «стать человеком, выйти в люди» и поэтому каждый должен был вступить в брак для продолжения рода [17, с. 10]. В значении ‘жена’ в говорах якутского языка зафиксированы следующие слова: *кы́ыс*, *дьахтар*, *дьаһы́кка/дьаһы́рка*, *көс*. Интересна в этом значении лексема *көс*. Данное слово может быть производным от глагола *көс* ‘переезжать с одного места на другое’. В старину якутская девушка после свадьбы переезжала жить к семье мужа и потому ее называли *көс* (букв. переехавшая). В значении ‘жениться’ в говорах якутского языка используется слово *көстөн*. *Уолбут көстөннөбү́нэ, дьииэ́битин хостуохпүт*. (Когда сын у нас женится, мы перегородим дом) [10, с. 118]. Ср.: др.-тюрк. *köç* ‘переходить, передвигаться, кочевать’.

В значении ‘зять’ в говорах якутского языка зафиксированы следующие варианты: *ку́түөмэ*, *ку́түө*. Термин *ку́түөт* употребляется для обозначения мужа старшей сестры по отношению к младшему брату; мужа старшей сестры по отношению к младшей; зятя по отношению к родственнику, который младше него [10, с. 133]. Исследуемая лексема восходит к древнетюркскому слову *küdagü* ‘зять’ [12, с. 324].

В говорах понятие «брат» в зависимости от возраста и степени близости именуется такими словами: *ба́ача* ‘старший брат’, *ба́лыс* ‘младший брат’, *бра́тан* ‘брат’, *бра́атныйк* ‘родной брат’, *сы́ганчар* ‘троюродные братья’. Слово *бы́раат* является заимствованием из русского языка и сузило свое изначальное значение и означает ‘младший брат (родной, двоюродный и т. д.)’, ‘племянник (сын старшего родного брата)’ [3, с. 723]. В значении ‘младший родной брат’ использовался термин *ини*, который восходит к древнетюркскому *ini* ‘младший

брат' [12, с. 210]. Данный термин со словом *бии* образует сложный составной термин *уни-бии*, который означает 'родные братья'. Э.К. Пекарский сравнивает данное слово с тюркским словом *бег, нек* [15, стлб. 451].

В значении 'сестра' в говорах якутского языка зафиксированы такие термины, как *эдыи, эдьиш, няня*. Литературный вариант *эдьиш*, обозначающий старших кровных родственников женского пола, является заимствованием из монгольского языка: ср. *эжий* 'мама, матушка' [2, с. 1283].

Таким образом, на материале диалектологических словарей якутского языка нами рассмотрены слова, связанные со свадебной обрядностью якутов, эвфемизмы, обозначающие беременную женщину, а также термины родства и свойства. В результате выявлено, что большинство исследуемых лексем составляют слова тюркского происхождения, а также обнаруживается значительный слой монгольских и русских заимствований, что связано с длительными якутско-монгольскими и якутско-русскими контактами. Рассмотренные примеры демонстрируют лексические и фонетические особенности говоров якутского языка.

Список сокращений

алт. – алтайский язык
Бод. – бодайбинский говор
букв. – буквально
бур. – бурятский язык
Горн. – горный говор
даг. – дагестанский язык
др.-тюрк. – древнетюркский язык
калм. – калмыцкий язык
кирг. – киргизский язык
монг. – монгольский язык
Өлүөх. – олекминский говор
ср. – сравни
тув. – тувинский язык
хак. – хакасский язык
Хал. – колымский говор
халх. – халхасский язык

Литература

1. Алтайско-русский словарь. Редколлегия: канд. филол. наук А.Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н.В. Екеев, канд. филол. наук А.Н. Майзина, К.К. Пиантинова, Н.Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е.В. Тюттешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
2. Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т.4: Х-Я. – М.: Academia, 2002. – 501 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах ула-

- хан тылдыта: в 15 т. / под ред. П.А. Слепцова. Т. II. (Буква Б.) – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. III. (Буквы Г, Д, Дь, И) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
 5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII. (Буквы Нь-П) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.
 6. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII. (Буквы У, Ы) / под ред. П.А. Слепцова – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.
 7. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV. (Буквы Ч, Ы) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 592 с.
 8. Бравина Р.И. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 294 с.
 9. Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX-начало XXI в.) / Д.Г. Брагина. – Новосибирск: Наука, 2016. – 120 с.
 10. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
 11. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
 12. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969. – 677 с.
 13. Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов / Сост. К.К. Юдахин. – Ф.: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. – Кн. 2. Л-Я. – 480 с.
 14. Кыыс Дэбиллэй: Якутский героический эпос. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
 15. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1958. – Т. I. – 1 280 стлб; т. II – 2 508 стлб; т. III. – 3 858 стлб.
 16. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. – Новосибирск: «Наука» Сиб. изд. фирма РАН, 1995. – 400 с.
 17. Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов XIX – начало XX вв. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 160 с.
 18. Тувинско-русский словарь. Около 22000 слов / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 647 с.
 19. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
 20. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 437 с.
 21. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г.Д. Санжеев, ред.-сост. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. Том III. – Q–Z. – 2018. – 240 с.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ)

Стручков Кирилл Намсараевич

Аннотация. Цель исследования – выявление иноязычных заимствований в лексике говоров аяно-майских эвенков, кочевавших смежно с эвенками и испытывавших на себе влияние якутского языка. Актуальность ее обуславливается недостаточной изученностью этих языковых контактов, также возможностью практического использования данных в культурно-просветительной и музейной работе. В исследовании были использованы описательный метод, элементы семантического и этимологического анализа. В работе впервые прослеживается история более чем двухсотлетней фиксации эвенкийских слов, показаны некоторые лексические особенности изучаемых говоров и их сближение с восточными говорами эвенкийского языка. Этимологический анализ позволил выявить, что некоторые слова языка эвенков, встречаются в говорах ангарских эвенков XVII в., расселившихся к западу от Енисея и к северу от Ангары.

Ключевые слова: эвенкийский язык, эвенский язык, якутский язык, русский язык, лексика, заимствования.

Эвенки – единственный коренной малочисленный народ Севера, расселенный на огромной территории Российской Федерации от Сахалина до Таймыра. Данная статья посвящена описанию результатов диалектологической экспедиции в Аяно-Майский район Хабаровского края. Объектом исследования данной статьи являются майский и тоттинский говоры аяно-майских эвенков, предмет – лексика аяно-майских эвенков. Диалектологическая экспедиция 1960 г. в Аяно-Майский район Хабаровского края имела целью изучить лексические особенности майского и тоттинского говоров аяно-майских эвенков. Выбор этой группы эвенков был обусловлен тем, что население Усть-Майского района к тому времени утратило свой родной язык, общается между собой на якутском языке, но соседи их, аяно-майские эвенки, говорят на своем родном языке и еще недавно были тесно связаны с усть-майскими эвенками [6, с. 75].

Территория Нельканского района раньше была в составе Якутской АССР, а в настоящее время относится к Аяно-Майскому району Хабаровского края. Сбор лингвистических материалов был проведен в 3-х населенных пунктах Аяно-Майского района: Нелькане, Аиме, Курун-Уряхе. Для достижения цели А.В. Романовой были поставлены следующие задачи: показать фонетические, лекси-

© *Стручков Кирилл Намсараевич*, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии ИГиПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, kstruchkov@mail.ru

ческие и морфологические особенности говоров аяно-майских эвенков; выявить особенности, которые сближают определяемые говоры с соседними крайне-восточными говорами эвенкийского языка, и определить их отношение к другим говорам восточных диалектов; проследить, в чем выражена общность с эвенским и якутским языками.

В данной статье основной *целью* является изучение иноязычных заимствований в лексике аяно-майских говоров эвенкийского языка. Проблема взаимодействия языков, неразрывно связанная со всем комплексом экономических, политических, культурных связей народов, относится к числу наиболее сложных и важных проблем языкознания.

Данные Э.К. Пекарского о прошлом расселении эвенков современного Аяно-Майского района кратко знакомят нас с историей расселения эвенков в 50-х годов прошлого столетия до 1903 г.

Аяно-Майский район возник вокруг морского порта Аян, имевшего большое торговое значение. В 1843 г. в Аяне была основана фактория Российско-Американской компании. Деятельность этой компании заключалась в торговле на побережье и островах Тихого океана. Эта фактория в Аяне притягивала к себе эвенков, кочевавших в районе Аяна и бассейна Нелькана. Э.К. Пекарский в своем труде «Очерки быта приаянских эвенков» писал «Торговое движение имело большое влияние на заселение тунгусами района. Из 66-ти описанных тунгусских семейств 27 осели в Аянском районе 60-25 лет тому назад, т.е. в период торгового движения. Откуда явились эти 27 семейств, неизвестно. Вероятно, местом их прежнего жительства были соседние реки: Учур, Маймакан, Ватом, а также г. Охотск. Может быть, часть их жила и раньше в Аянском районе, между Нельканом и Аяном, Алдомой и Лантаром» [4, с. 6].

В связи с прекращением деятельности Российско-Американской компании был закрыт Аянский тракт (1867 г.) [7, с. 32]. Упадок торговли и закрытие почтового тракта Аян-Нелькан привели к запустению района.

Эвенки разбрелись по всему району и за его пределы. К этому времени и относится выход аянских эвенков на нижние притоки Амура.

Г.П. Башарин приводит некоторые документальные данные. Так, например, в одном из документов говорится: «тунгусы-скотоводы, числившиеся в I, II, III Эсэских, Кюпском, Кюрбюгдинском и Бутальском «родов», получили девять больших участков на речках Долгане, Теликане, Эльге, Дрокомаде, Керчке, Дюгденюне... те тунгусы Мекигирского, I и III Эсэских, Кюрбюгдинского и Бутальского «родов», которые вели «Бродячую жизнь», получили часть территории между реками Мая и Учур, от правого берега Алдана, до рек Аим ... и Улан (приток Учур), левый берег Алдана от речки Лаппы до его верховья, правый берег Алдана от Учур до его верховья» [1, с. 121]. Кроме того, эвенки-оленоводы в поисках хороших пастбищ вынуждены были переселиться в другие, более богатые районы. Как видим, имеются исторические свидетельства того, что значительная часть современных эвенков Аяно-Майского района является потомками эвенков, переселившихся с территории Якутской АССР.

Территория Аяно-Майских эвенков на западе и северо-западе граничит с учурскими и усть-майскими районами, эвенки которых говорят на учурском говоре зейско-учурского восточного секающе-хакающего диалекта. На юге-востоке она граничит с Чумиканским районом, эвенки которого говорят на чумиканском диалекте [6, с. 77].

Аянский диалект в целом относится к группе восточных диалектов. Анализ собранного материала позволил А.В. Романовой выделить два говора: майский и тоттинский [6, с. 78-79]. Первые два говора, как показали полевые материалы, имеют больше общих черт с говорами алданско-учурских эвенков. В говоре же тоттинских эвенков много общего с языком эвенов. Эвенки Аяно-Майского района хорошо владеют родным языком, наряду с ним широко используется и якутский, и русский языки.

Материалом исследования послужили полевые материалы, собранные тунгусоведами во время научных экспедиций, двуязычные словари Г.М. Василевич, В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес, Э.К. Пекарского, орфографические словари якутского и русского языков, а также данные картотеки А.В. Романовой с полевыми записями эвенкийской речи, сделанные в 1960 г.

В исследовании были использованы описательный метод, элементы семантического и этимологического анализа. В работе широко использовался ареальный аспект – фиксация названий деталей родства, частей организма человека, жилища и его частей, домашней утвари и одежды, пищи, топографические названия, деревьев и ягод, оленеводческой лексики, птиц и насекомых, оленного транспорта, месяцев. Был использован также (частный) метод этимологического анализа.

В статье рассматриваются термины родства, частей организма человека, жилища и его частей, домашней утвари и одежды, пищи, топографические названия, деревьев и ягод, оленеводческой лексики, птиц и насекомых, оленного транспорта, месяцев. В названиях месяцев по говорам отмечаются их некоторые отличия:

В майском говоре (М): *һорон* (макушка) ‘январь’; *мирэ* (плечо) ‘февраль’; *овйи* (наст) ‘апрель’; *чукалаха* (время травы) ‘май’; *илкун* (завязь ягод) ‘июнь’; *иргалаха* (период оводов) ‘июль’; *иркин* (период обдиранья рогов) ‘август’; *сирулаха* (период спаривания) ‘сентябрь’; *сигэлэхэ* (период шуги) ‘октябрь’; *говд’он* (период охоты на пушных зверей) ‘ноябрь’; *мудан* (конец) ‘декабрь’.

Тоттинские эвенки (Т) имеют небольшие отличия в названиях следующих месяцев: *сбнайа* (дымовое отверстие в чуме) ‘январь’; *йч* (локоть) ‘март’; *билэн* (запястье) ‘апрель’; *унму* (время травы) ‘май’; *илаба* (созревание ягод) ‘июнь’; *Петров безан* (период оводов) ‘июль’; *ил’ядин* (период обдиранья рогов) ‘август’; *унму* (период спаривания) ‘сентябрь’; *билэн* (период шуги) ‘октябрь’; *йчн* (период охоты на пушных зверей) ‘ноябрь’; *мирэ* (конец) ‘декабрь’ [3, с. 310-313].

Кроме того, все тоттинские эвенки знают названия месяцев по суставам (от запястья руки до макушки и от макушки головы до запястья). Такая форма счета месяцев сохранялась у эвенов [6, с. 136]. В майском говоре эвенкийские

названия месяцев знают только пожилые люди, молодежь употребляет русские или якутские названия месяцев.

Говоры эвенков аяно-майских эвенков в лексическом отношении далеко не одинаковы. Основной словарный фонд говоров аяно-майских эвенков, как и во всех эвенкийских говорах, составляют:

1) общеэвенкийские слова (П-Т):

1. названия явлений природы – *эдин* ‘ветер’, *бокта*, *бона* ‘град’, *нёкта* ‘кратковременный дождь’, *туксу* ‘облако’, *бега* ‘луна’, *нянгня* ‘небо’ и др.

2. названия животных и птиц – *улуки* ‘белка’, *сулаки* ‘лиса’, *хороки* ‘глухарь’, *нонно* ‘рысь’, *ники* ‘утка’, *нюнгняки* ‘гусь’, *орон* ‘олень’, *дукин* ‘выдра’ и др.

3. термины родства – *ами* ‘отец’, *эни* ‘мать’, *эки* ‘старшая сестра’, *аки* ‘старший брат’, *нэку* ‘младший брат или младшая сестра’, *энекэ* ‘бабушка’, *хунат* ‘дочь’, *омолги* ‘сын’, *энирэн* ‘мачеха’, *амиран* ‘отчим’ и др.;

4. названия частей тела человека – *дил* ‘голова’, *анчан* ‘щека’, *һа* ‘глаз’, *һалэ* ‘рука’, *онгокто* ‘нос’, *халган* ‘нога’, *иктэ* ‘зуб’, *хэмун* ‘губа’, *нюриктэ* ‘волосы’, *мирэ* ‘плечо’, *мван* ‘сердце’ и др.

5. названия орудий труда – *сукэ* ‘топор’, *у* ‘скребок’, *кэдэрэ* ‘кожемялка’, *чучун* ‘скребок’, *кото* ‘нож’ и др.

Таким образом, лексику литературного эвенкийского языка можно проследить по всем ее тематическим разделам. В исследуемых говорах обнаруживаются различия как между ними, так и с литературным эвенкийским языком и др. [2, с. 352].

Тоттинский говор отличается от майского тем, что в нем имеются слова, заимствованные из эвенского языка, а майский говор содержит больше заимствований из якутского языка.

2) Якутские заимствования майского говора (М): *аяндами* (< *айаннаа*) ‘ехать’; *айдарми* (< *айдаар*) ‘шуметь’; *алгас* (< *алҕас*) ‘хитрость, смекалка, уловка’; *билир* (< *былыр*) ‘раньше’; *синач* (< як. *сынаах*) ‘челюсть’, ‘полоз нарты’; *томтоко* (< як. *томтор*) ‘бугор’ и др. [6, с. 137–138].

3) Эвенские заимствования тоттинского говора (Т): *анан* ‘горный баран (самка)’; *ануамта* ‘новый’; *тор* ‘земля’; *калба* ‘пояс’; *калбин* ‘широкий’; *корит* ‘ухо’; *нэдэми* ‘рысь’, *тукэр* ‘ключица’; *ота* ‘волна, вал’; *чог* ‘колокольчик’, *чамакчан* ‘мышка’; *элдэкэн* ‘скула’; *хэссэ* ‘подошва’; *һэтэс* ‘нерпа’ и др. [6, с. 138–139].

4) Русские заимствования аяно-майских говоров (М, Т): *арайком*, *арахи-най*, *билка*, *бэдэрэ*, *локтур*, *нада*, *очарат*, *сурнал*, *толко*, *устул* и др. [6, с. 139].

А.В. Романова приходит к выводу о том, что «новые условия жизни эвенков, их новое общественно-политическое положение, новый характер их производственной и хозяйственной деятельности, их возросший культурный уровень обусловили необходимость заимствования из русского языка новых слов, отражающих современную жизнь» [6, с. 5].

Заключение. Выше нами представлен список эвенкийских терминов, связанных с элементами духовной и материальной культуры эвенков. Перечислим

их с краткими переводами: *эдін* ‘ветер’, *бокта*, *бона* ‘град’, *нэкта* ‘кратковременный дождь’; *сукэ* ‘топор’, *у* ‘скребок’, *кэдэрэ* ‘кожемялка’, *чучун* ‘скребок’, *кото* ‘нож’; *дил* ‘голова’, *анчан* ‘щека’, *һа* ‘глаз’, *һалэ* ‘рука’, *онгокто* ‘нос’, *халган* ‘нога’, *иктэ* ‘зуб’, *хэмун* ‘губа’, *нюриктэ* ‘волосы’, *мирэ* ‘плечо’, *мван* ‘сердце’ и др.

Большинство этих слов можно найти в диалектологическом очерке А.В. Романовой или ее картотечном фонде [6, с. 75-173].

Распределение (фиксация или реальное бытование) терминов-названий материальной культуры выглядит примерно следующим образом: распределение по происхождению: 1) якутские заимствования – *аяндами* (<а айаннаа) ‘ехать’; *айдарми* (<айдаар) ‘шуметь’ и др. 2) эвенские заимствования – *корокто* (<эвенск.) ‘ухо’, *элдэкэ* (<эвенск.) ‘щека’, *кѳмба* (<эвенск.) ‘поварешка’, *накита* (<эвенск.) (Урм, Чмк, Учр.) и др.; 3) русские заимствования – *арайком*, *арахиной*, *билка*, *билас*, *болот* (плот), *бэдэрэ* (ведро), *горот*, *картоска*, *остол*, *очарат*, *сурнал* и многие другие.

Результаты исследования говоров аяно-майских эвенков позволяют сделать определенные выводы, что рассмотренный аяно-майский диалект относится к восточному, сибилантно-спирантному наречию эвенкийского языка и по отдельным особенностям сближается с тугуро-чумиканскими, сахалинскими, учурско-зейскими, кур-урмийскими, тунгирскими и чульманско-гилюйскими говорами. Отмечены следующие лексические особенности: в майском и тоттинском говорах отмечено значительное влияние якутской лексики, а также якутского и эвенского языков; для всех говоров характерно заимствование лексики из русского языков, которая отражает современную жизнь всего русского народа.

Список сокращений

А – аянский диалект

Аим – аимский говор аянского диалекта

Алд – алданский говор

М – майский говор аянского диалекта

П-Т – подкаменнотунгусский диалект

Урм. – урмийский говор

Учр. – учурский говор

Чмк. – чумиканский говор

русск. – русский язык

Т – тоттинский говор

эвенск. – эвенский язык

як. – якутский язык

Литература

1. Башарин Г.П. Скотоводство и земельный вопрос у тунгусов Якутии в последней трети XVIII-первой трети XIX // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. – 1957. – Вып. 12. – С. 121.

2. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского языка. – Л., 1948. – 352 с.
3. Василевич Г.М. Древние географические представления эвенков и рисунков // ИРГО. – 1963. – Т. 95. – Вып. 4. – С. 310–313.
4. Пекарский Э.К. Очерки быта приаянских тунгусов. – Спб., 1913. – 127 с.
5. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. – Л.: Наука, 1960. – 263 с.
6. Романова А.В. Говоры Аяно-Майских эвенков // Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 75–153.
7. Сафронов Ф.Г. Охотско-Камчатский край. Якутск: Якутское книжное издательство, 1958. – 136 с.
8. Туголуков В.А. Охотские эвенки // Сов. этнография. – 1958. – № 1. – С. 11–23.
9. Туголуков В.А. Поездка к охотским эвенкам и эвенам // Сов. этнография. – 1956. – № 3. – С. 142–146.

УДК 811.512.31

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

*Бадмаева Лариса Батоевна
Цыбенова Эржена Баировна*

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса образования новых слов в современном бурятском языке. В рамках данного исследования была проведена классификация способов образования новых слов согласно их структуре, лексическому значению и грамматической функции в предложениях. Исследование позволило расширить представление о языковых процессах в современном бурятском языке на рубеже XX–XXI вв., таких как, деархаизация устаревшей лексики, сокращение заимствований из русского языка, обращение к общемонгольской терминологии и внутренним ресурсам собственного языка, обновление лексического фонда за счет заимствований современных терминов, относящихся к информационным технологиям, калькированной лексики. Возникновение множества оригинальных общественно-политических терминов и слов, обусловлено изменениями в культуре, экономике, политической системе и идеологии общества. По словам психолога Б.В. Беляева, «внимание бывает хорошим, если имеется интерес к предмету». А интерес, с точки зрения

© *Бадмаева Лариса Батоевна*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, lorabadm@mail.ru

© *Цыбенова Эржена Баировна*, учитель бурятского языка МАОУ «СОШ № 32 г. Улан-Удэ», Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, erzhenac@yandex.ru

психологов, поддерживается новизной материала. Использование неологизмов на занятиях по бурятскому языку дает возможность реализовать принцип новизны и заинтересованности.

Ключевые слова: литературный бурятский язык, неологизмы, язык СМИ, общественно-политическая лексика, активная лексика, деархаизация, заимствование.

Язык имеет свойство непрерывно совершенствоваться, обновляться и обогащаться новыми словами, чутко реагируя на изменения в окружающей действительности. Политические и экономические перемены конца XX века во всех языках постсоветского периода обусловили большой интерес к проблемам неологии. Из активного употребления ушли слова, отражающие коммунистическую идеологию, на смену появились новые слова, обладающие временной коннотацией новизны.

Последние десятилетия XX–XXI вв. были довольно благоприятными для образования новых слов в современном бурятском языке. Как правило, в этот период появились неологизмы общественно-политической, экономической и компьютерной направленности. Это связано, прежде всего, с перестройкой политической структуры и идеологической системы в обществе и развитием компьютерной технологии.

Проблемы бурятской неологии отражены в трудах Т.А. Бертагаева, Ц.Б. Цыдендамбаева, Л.Д. Шагдарова, У.-Ж. Ш. Дондукова, Д.Д. Санжиной, Д.Ш. Харанутовой, С.Л. Чарекова, Г.Д. Дырхеевой, С.Д. Чимитовой и др.

Согласно Н.М. Шанскому, неологизмы – «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [12, с. 158]. За последние десятилетия в лингвистике были предприняты многочисленные попытки дать полное и четкое определение понятию «неологизм». Поскольку это понятие сложное, многоаспектное, неоднородное, его определение требует учета совокупности параметров, позволяющих ограничить неологизмы от обычных лексических единиц, с одной стороны, и от ненормативных новообразований – с другой.

Как известно, понятие неологизма предполагает применение термина не только к словам и выражениям, обозначающим новые понятия, явления, процессы, являющиеся новыми по форме и содержанию, но и к тем лексическим единицам, которые, будучи новыми по форме, отражают известные реалии, передававшиеся ранее другими лексическими единицами, а также слова и словосочетания, которые не являются новыми по форме, но используются для обозначения новых понятий.

Появление в современном бурятском языке неологизмов вызвано необходимостью дать наименования появляющимся в жизни новым предметам, явлениям, состояниям, а также стремлением отхода от множества заимствований из

русского языка и т.д.: *аралжаашан* ‘коммерсант’, *сүлжээ холбоон* ‘интернет’, *субилагша* ‘медсестра’, *гар утаһан* ‘сотовый телефон’, *засаг дарга* ‘глава района’, *зошод буудал* ‘гостиница’, *эбээн тэдхэгшэ* ‘спонсор’, *хороон* ‘комитет’, *сагдаа* ‘полицейский’, *сэрэгэй тусхай ябуулга* ‘специальная военная операция’ и др. В этой связи основным средством пополнения словарного состава бурятского литературного языка является использование устаревшей лексики с тем или иным новым значением, и так же образование неологизмов от собственных словообразовательных ресурсов бурятского языка.

В медийных дискурсах часто употребляются новые слова, калькированные переводы новообразований русского языка. Обращение к ним нередко обусловлено необходимостью назвать понятие, которое ещё не имеет официального наименования или же в бурятском языке ещё не выработаны адекватные терминологические параллели. В таких случаях обычно используются окказиональные новообразования, значение которых без труда понимается читателями: *һайн дураган* ‘волонтеры’, *нигүүлэсхы туһаламжа* ‘гуманитарная помощь’, *хорхинсогто холбоон* ‘сотовая связь’, *арга зүй* ‘технология’, *туһа хангамжа* ‘услуги’ и др.).

Кроме того, в настоящее время возвратились в активный фонд речи слова, вышедшие из общеупотребительной лексики за годы советской эпохи. Как правило, они приобретают несколько иное значение (порой совсем другое), чем ранее. Это явление связано с тем, что некоторые реалии вернулись в нашу жизнь (*гулбаа* / *гулваа* ‘глава района, поселения, муниципального образования’ <уст. *γulba* ‘предводитель рода’ <русск. голова; *губерни* <*губерния*; *дарга* ‘мэр города, начальник, руководитель, председатель’ <уст. *daruγa* ‘начальник, нойон’, *зургаан* ‘учреждение, организация, ведомство’ <маньчж. *jurγan* ‘присутственное место’, *сайд* ‘министр’ <уст. *sayid* ‘сайт, чиновник, вельможа, сановник’, *сомон* // *һомон* ‘поселение вм. сельсовет’ <уст. *somit* ‘административная единица, соответствующая сельсовету’, *яаман* ‘министерство’ <уст. *яаман* <кит. *я-мынь* ‘управление, официальное учреждение, присутственное место, канцелярия’; совр. монг. *яаман* ‘министерство; высшее присутственное место’ [1, с. 97]. Также многие современные слова получают дополнительное значение, тем самым, становясь неологизмами (семантическими). Итак, основными причинами появления неологизмов являются изменения в политической, идеологической системах общества: падение и распад СССР, отход от коммунистической идеологии.

Образованию неологизмов большую роль играют средства массовой информации (СМИ). В последнее время в языке периодической печати с большой частотностью стали использоваться названия различных учреждений на бурятском языке, которые ранее именовались на русском языке:

1) названия медицинских учреждений, медицинских терминов: *түргэн туһаламжын эмнэлгын түб* ‘БСМП (больница скорой медицинской помощи)’, *ништын элүүр энхын түб* ‘центр медицинской профилактики’, *уласай эмнэлгын газар* ‘республиканская больница’, *элүүры хамгаалха хэрэг* ‘здравоохра-

нение', *уураг тархиин шуһа харбадаг үбшэн* 'инсульт', *шуһанай даралта* 'давление' и др.;

2) названия организаций, комитетов: *хизаар ороноо шэнжэлгын таһаг* 'отдел краеведения', *буряадай ништэ эмхи зургаан* 'бурятская общественная организация', *засагай бэшэ эмхи зургаан* 'негосударственная организация' и др.;

3) канцеляризмы, общественно значимые слова: *хэлсээ баталалга* 'договор', *хэмжээ ябуулга* 'мероприятие', *зарлиг* 'указ', *сэсэрлиг* 'детский сад', *хүмүүжүүлэгшэ* 'воспитатель', *бүлгэм* 'группа, кружок', *сэтгүүл* 'журнал', *сэтгүүлиэ* 'журналист', *сонин* 'газета', *сурбалжалагша* 'корреспондент', *дугаар* 'номер' и др.;

4) общественно-политические термины: *эдэй засаг* в.м. экономика, *засагай газар* в.м. правительство, *толгойлогшо* в.м. глава республики, *захирал* в.м. директор, *хүрээлэн* в.м. (исследовательский) институт, *дээдэ һургуули* в.м. институт (вуз), *ехэ һургуули* в.м. университет, *брифинг*, *консорциум*, *шоу-рум* и др.

Ниже рассмотрим примеры употребления новых наименований органов власти в публицистических дискурсах бурят:

Ниигэмэй талаар ажаһуугшадые хамгаалгын сайд – министр социальной защиты населения. – *Буряадай Толгойлогшын тогтоолнуудай ёһоор, Буряадай ниигэмэй талаар ажаһуугшадые хамгаалгын сайдаар Татьяна Быкова томилогдоо* (БҮ, № 37, 28.09.2022, с. 4). – 'По Указам Главы Бурятии министром социальной защиты населения утверждена Татьяна Быкова' (здесь и далее перевод наш – Э.Б., Л.Б.).

Амбан захирагша – губернатор. – *Шэтын гүрэнэй конюшнин талмай дээрэ сентябриин 24-дэ болоһон Үбэр Байгалай хизаарай амбан захирагшын Кубогта хүртэхын түлөө мори урилдаанда Рио Вейзер гэжэ хээр азарга түрүүлжэ ерээ* (БҮ, № 37, 28.09.2022, с. 5). – '24 сентября на площади Читинской государственной конюшни на первенстве Кубка губернатора Забайкальского края первым прибежал гнедой жеребец по кличке Рио Вейзер'.

Ашаа тээбэрийн унаа – транспорт. – *Александр Гоге Ашаа тээбэрийн унаагай, зайн галай ба харгын ажахын хүгжэлтын яаманиие толгойло* (БҮ, № 37, 28.09.2022, с. 4). – 'Александр Гоге будет возглавлять министерство по развитию транспорта, энергетики и дорожного хозяйства Бурятии'.

Сэрэгэй тусхай ябуулга / операции – специальная военная операция. – *Сэрэгэй тусхай операцийн үедэ шархатажа, Москвагай госпитальнуудта эмнэлгэ гаража байһан нютагаархидтаа туһа хүргэдэг хайн дурантай Буряадай Толгойлогшо уулзаа* (БҮ, № 37, 28.09.2022, с. 4). – 'Глава Бурятии встретился с волонтерами, помогающим землякам, получившим ранения во время специальной военной операции и проходящим лечение в госпиталях Москвы'.

Яман – министерство. *Һаял болотор "республика", "министерство" гээд лэ байһанаа "улас", "яман" гэхэн үгэнүүдые нэбтэрүүлхэ ябуулга хээбди* (БҮ, № 50, 23.12.2020, с. 1). – 'До недавнего времени мы использовали слова «республика», «министерство», а теперь приняли меры по внедрению слов «улас», «яман».

Нютагай өөхэдын хүтэлбэрийн зургаанууд – органы местного самоуправления. – «Буряад Республика доторхи муниципальна байгууламжын **нютагай өөхэдын хүтэлбэрийн зургаануудта** гүрэнэй эрхэ түлөөлэлгэнүүдые олгохо гурим тухай» (БҮ, 22.10.1998). – «О порядке наделения государственными полномочиями муниципальные органы местного самоуправления Республики Бурятия».

Хубиин ажахы – частное хозяйство. - *Хубингаа ажахы «Одон» гээд нэрлэһэнтнай баһа нэгэ удхатай бээ?* (БҮ, 10.05.2023). – ‘То, что вы назвали своё частное хозяйство «Одон» (“Звезда”) имеет ли какое-то особое значение?’

Интернет сүлжээн – сеть Интернет. – *Авто-хүлэг шүүһэн Мария бэлэгээ худалдаанда табиба гэжэ байжа Интернет сүлжээндэ зон бэшэлсэнэ* (БҮ, 04.03.2020, с. 2). – ‘В сети Интернет люди пишут о том, что Мария поставила на продажу свой выигранный автомобиль’.

Саг дары – онлайн режим. – «Коронавирус» сайтда дэлхэй дүүрэн хүжэрһэн халдабарита үбшэн тухай мэдээсэлнүүд саг дары (онлайн режимдэ) шэнэлэгдэнэ, шухала һонинууд дуулгагдана (БҮ, 18.03.2020, с. 2). – ‘На сайте “Коронавирус” в онлайн режиме обновляется информация об эпидемии, распространившейся по всему миру, и размещаются главные новости’.

В данных примерах новые понятия *засагай бэшэ эмхинүүд* ‘неправительственные организации’, *өөхэдын хүтэлбэрийн зургаанууд* ‘органы местного самоуправления’, *муниципальна байгууламжанууд* ‘муниципальные органы // образования’, *эрхэ түлөөлэлгэнүүд* ‘полномочия’, *сэрэгэй тусхай ябуулга // операци* ‘специальная военная операция’ появились в русском языке относительно недавно, а в языке-реципиенте они представляют собой полные кальки с языка-источника.

Неологизмы образуются суффиксальным, семантическим способами и через словосложение. В последний входит также и парное употребление слов, представляющий собой один из активных и характерных для монгольских языков способов словообразования: *мүгэн һан* – деньги + казна ‘финансы’, *мэдэсэ шадабари* – знания + умения ‘компетенция’, *нэрэ тоолбори* – имя + счет ‘список, перечень’, *лаб найдуулга* – точно + заверение ‘гарантия’, *нютаг можо* – родное место + область ‘регион’, *удха шанар* – сущность + качество ‘значимость’, *унаа тээбэри* – перевозочные средства + груз, поклажа ‘транспорт’, *онол арга* – умение + способ ‘методика’, *хуули ёһон* – закон + общепринятое правило ‘право’, *хүрэнгэ зөөри* – закваска; семена + имущество, добро ‘капитал’ и др.

Нами выявлено, что 4 % новых общественно-политических терминов бурятского языка, включенных в «Справочник общественно-политических терминов и наименований органов власти на бурятском языке», утвержденного Министерством образования и науки Республики Бурятия от 14 июля 2022 г., образованы путем употребления парных слов [8, с. 1–28].

Д.Д. Санжина отмечает, что «инновации, не до конца освоенные языком сохраняют оттенок необычности. Так, созданное в 30-е годы XX в. слово *һургаг*–

ша в значении «учитель», уступило место своему синониму *багша*. Последнее, как считалось тогда, могло относиться только к вождям революции: *Ленин багша*, *Сталин багша*. В первом же до сих пор не стёрся оттенок искусственности, новизны, т.к. оно не вошло в состав активной лексики» [7, с. 119].

Большой пласт новых лексических образований представляют неологизмы, образованные за счет внутренних ресурсов бурятского языка.

Еще в 20-30-е годы XX в. бурятские языковеды достаточно основательно разработали общественно-политическую терминологию. Следует отметить, что в 1928 г. Б. Барадин составил «Русско-монгольский терминологический словарь», которым начали активно пользоваться только в настоящее время, т.к. автор вскоре после выхода данного словаря был обвинен в панмонголизме и репрессирован, затем расстрелян в 1937 г.

Заметим, что в современную бурятскую лексику вновь внедряются слова из некогда запрещенного словаря Б. Барадина: *махабодшин тоохон* ‘атом’, *сахилгаан тоохон* ‘электрон’, *номой сан* ‘библиотека’, *эмэй сан* ‘аптека’, *хул бумбэгэ* ‘футбол’, *альган бумбэгэ* ‘баскетбол’, *гар бумбэгэ* ‘волейбол’, *хүлээн абаха таһаг* ‘приемная» [3].

Современные неологизмы употребляются не только в языке СМИ, но и находят отражение в словарях XXI в. Так, в 1 т. (А-Д) «Толкового словаря бурятского языка» (авторы – Е.В. Сундуева, Ц.Ц. Бальжинимаева, С.Д. Бабуев, Б.Д. Цыренов) (2022 г.), представлены **неологизмы**, образованные от исконных основ:

амьярлалга ‘изоляция, самоизоляция (во время пандемии коронавируса-19)’ – *Москвада өөрыгөө амьярлалга 2020 оной март соо эхилээ* [9, с. 119-120]. – ‘В Москве самоизоляция началась в марте 2020 года’. Новая лексема возникла от глагола *амьярлах* ‘1) отделять, обособлять; 2) изолировать’ [10, с. 65] с помощью суффикса *-лга*, образующего номинативное существительное.

бааһабша ‘подгузник’. – *Шэнгэн үдхэнишнь бээдээ шэнгээжэ багтааха бааһабшануудай биш болоходо, амар болобо* [9, с. 184]. – ‘С появлением подгузников, способных впитывать и жидкие, и густые испражнения, стало совсем легко’. Неологизм образован от сущ. *бааһан* ‘испражнения, помёт’ [10, с. 99] с помощью суффикса *-бша* > *бааһабша*.

абарга ‘абсолютный чемпион’. – *Нёдондо эдиршүүлэй бүхэ барилдаагаар Россиин абарга болоһон Базар Батоболотов спартакиадын гал носоогоо* (Э. Чимитдоржиев) [9, с. 42]. – ‘Огонь спартакиады зажег Базар Батоболотов, ставший в прошлом году чемпионом России по вольной борьбе среди молодежи’. Лексема образована путем субстантивации прил. *абарга* ‘огромный, исполинский, могучий’ [10, с. 24–25].

даадхал ‘страхование’. – *Харин манай «Россельхозхозбанкда» ами наһанай даадхал хэһэн зон 2,7 процентээр иимэ урьһаламжа абаха аргатай байна* (Б. Цырендоржиев). – ‘А в нашем «Россельхозбанке» клиенты, застраховавшие свою жизнь, могут получить такой кредит под 2,7 процента’. Неологизм *даадхал* образован от глагола *даадхах* ‘1) возлагать, поручать; 2) страховать’ [9, с. 553] при помощи аффикса *-л*, образующего отглагольные существительные со

значением действия. Такие существительные могут обозначать как абстрактные, так и конкретные понятия.

Следует отметить, что анализ фактического материала показал, что часть новой общественно-политической лексики представляет собой деархаизированную лексику из пассивного фонда бурятского языка. Сюда входят:

1) Названия должностей и обязанностей официальных лиц, названия лиц по их роду занятий: *Оросой Холбоото Уласай Юрэнхылэгшэ* ‘Президент Российской Федерации’, *засагай газарай түрүүлэгшэ* ‘председатель правительства’, *сайд* ‘министр’, *Буряад Уласай Толгойлогшо* ‘Глава Республики Бурятия’, *түрүүлэгшэ* ‘председатель’, *хүтэлбэрилэгшэ* ‘руководитель’, *орлогшо* ‘заместитель’;

2) названия лиц по их роду занятий: *хүрэнгэжүүлэгшэ* ‘инвестор’, *татабари түлэгшэ* ‘налогоплательщик’, *туһалагша ажалшад* ‘обслуживающий персонал’, *хохидогшо* ‘потерпевший’, *гомодхоогшо* ‘обидчик’, *мэдээсэгшэ* ‘информатор’, *зөөгшэ* ‘перевозчик’, *нюдэнэй эмиэн* ‘окулист’, *арһанай эмиэн* ‘дерматолог’, *сэбэрлэгшэ* ‘санитарка’, *хэбтэриин хүниие һахигша / харагша* ‘сиделка’, *багша / хурган хүмүүжүүлэгшэ* ‘педагог’, *заагша* ‘преподаватель’, *хүмүүжүүлэгшэ* ‘воспитатель’, *залан хургагша* ‘наставник’, *хүмүүжүүлэгшын туһалагша* ‘помощник воспитателя’, *һахигша* ‘няня’, *ангийн хүтэлбэрилэгшэ* ‘классный руководитель’ и др.

В процессе внедрения новых слов в активную лексику языка некоторые из них очень быстро набирают популярность (*алба хаагша* ‘служащий’, *номой сан* ‘библиотека’, *эмэй сан* ‘аптека’, *сайд* ‘министр’, *тоглолто* ‘концерт, представление’ и т. д.), другие же редко используются или вовсе не приживаются (*хургагша* ‘обучающий, преподаватель, учитель’ [6, с. 35], *ухаалан зохёогшо* ‘изобретатель’, *уралан нарижуулагша* ‘рационализатор’), а некоторые переходят в историзмы, находясь в пассивном фонде языка (*хубилган шэнэдхэлгэ* // *шэнэдхэн хубилалтын саг* ‘перестройка’, *хурдадхалга* ‘ускорение’), а третьи остаются только окказиональными или диалектизмами (*сабишаланша* < *сабшалан* ‘покос’ + *-ша* = луговод (Б. Мунгонов), (диал. унг.) *хүхөөшэ* < *хүхөө* ф.прош.вр. гл. *хүхэхэ* ‘сосать’ + *-ша* = *хүхөөшэ* ‘соска’, ср. лит. бур. *хүхэлтэ* id., *гарабша* < гар ‘рука’ + *-бша* = стпмя *γarabčī* ‘варежки, рукавицы’, ср. лит. бур. *бээлэй* id., *хүзүүбишэ* < *хүзүүн* ‘шея’ + *-бишэ* = стпмя *köjügübcī* ‘шарф’, ср. заимст. рус. *шарпа*, бох. *хүзүүбишэ* id. [4, с. 4].

Окказиональные неологизмы – это слова, употреблённые в определённом контексте, лишь один раз. Для их обозначения в современной лингвистике используются термины: «ситуативные», «окказиональные слова», «одноразовые неологизмы» и др. Индивидуально-стилистические неологизмы – это слова, созданные писателями с определённой художественной целью; они живут только в том художественном произведении, в котором их использовал автор: *сабишаланша* ‘луговод’ [5], *гарабша* ‘рукавицы’, *хүзүүбишэ* ‘шарф’ [4, с. 4].

В заключение отметим, что средства массовой информации являются наиболее эффективным и динамичным инструментом передачи информации в

обществе. Язык СМИ чутко реагирует на все политические, экономические и культурные сдвиги в современном обществе и в мире целом.

Исследование показало, что современная общественно-политическая лексика бурят характеризуется отходом от использования русизмов и обращением к общемонгольской терминологии, которая активно употреблялась в бурятском языке, как в его письменной, так в устной формах, еще до 1 половины XX в.

Выявлено, что наиболее продуктивными способами образования новых общественно-политических терминов, словосочетаний являются калькирование (полное и частичное), заимствование из русского и монгольского языков, а также образование неологизмов на основе собственных ресурсов.

Литература

1. Бадмаева Л.Б. Языковое пространство бурятского летописного текста / Л.Б. Бадмаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 296 с.
2. Барадин Б. Русско-монгольский терминологический словарь / Под общ. ред. Г.Р. Ринчинэ; введ. Б. Барадина; Ученый ком. Б-МАССР. – Верхнеудинск: Бурчком, 1928. – 198 с.
3. Барадин Б. Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе / Б. Барадин. – Улан-Удэ: Бургосиздат, 1935. – 195 с.
4. Батоцырено Жигжид. Пурга. – Верхнеудинск, 1929. – 44 с. (на монг. письме).
5. Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомнай. – Улаан-Үдэ, 1960. – 470 с.
6. Санжина Д.Д. Бурятский язык: стилистический аспект лексической синонимии. Словарь-справочник / Д.Д. Санжина. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2010а. – 156 с.
7. Санжина Д.Д. Семантико-стилистические особенности развития лексики современного бурятского литературного языка / Д.Д. Санжина // Уч. зап. ЗабГУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. – 2010б. – № 3. – С. 115-125.
8. Справочник общественно-политических терминов бурятского языка и наименований органов власти на бурятском языке. Утвержден приказом Министерства образования и науки Республики Бурятия от 14.07.2022. № 943.
9. Сундуева Е.В. Толковый словарь бурятского языка: В 4 т. Т. 1 / Е.В. Сундуева, Ц.Ц. Бальжинимаева, С.Д. Бабуев, Б.Д. Цыренов. – Улан-Батор: Изд-во «Нандир», 2022. – 719 с.
10. Шагдаров Л.Д. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Т. 1: А-Н / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. – 636 с.
11. Шагдаров Л.Д. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Т. 1: О-Я / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. – 708 с.
12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ЯЗЫК КАК СТАНДАРТНОЕ РУНИЧЕСКОЕ КОЙНЕ

Шаймердинова Нурила Габбасовна

Аннотация. Язык древнетюркских рунических памятников раннего средневековья определяют как «общий письменный литературный язык древнетюркского общества» (или «рунический литературный язык», «стандартный язык официального повествования», «тюркское руническое койне»). Исследование показало, что стандартность рунического койне обусловлено тремя факторами: возникновением некоего обобщенного, наддиалектного языка на базе древнетюркских диалектов; широким функционированием рунической письменности благодаря грамотности древнего социума и летописцам; богатством литературных маркеров, художественным и стилистическим богатством рунических текстов. На базе древнетюркских диалектов во время встреч, сборов тюркских племен, публичных выступлений каганов, проведения ритуальных обрядов появляется наддиалектный обобщенный язык, который лежит в основе рунического литературного языка. Рунический литературный язык отличается особенной ритмикой, звуковой тональностью, поэтому он близок к устным поэтическим творчеством тюркских народов, в нем часто используются присущие литературному языку маркеры: ораторские формулы, обращения, риторические вопросы. Тексты памятников насыщены метафорами, сравнениями, эпитетами, которые демонстрируют богатство, красочность, высокую художественность древнетюркского языка.

Ключевые слова: рунические памятники, наддиалектный, обобщенный язык, распространение, грамотность, литературные маркеры, художественные тропы.

Древнетюркские племена Степной Евразии на протяжении многих тысячелетий прошли громадный, насыщенный историческими событиями путь объединения кочевых, полукочевых, оседлых конфедераций и государств, оказали большое влияние на историю соседних регионов Евразийского пространства, создали многочисленные тюркские письменные памятники, подтверждающие, что у тюркских народов была своя цивилизация, уникальная культура и самобытный язык. Это определило тот повышенный интерес, который исследователи проявляют к истории и культуре тюрков на протяжении ряда столетий.

Одним из достижений тюркской культуры являются известные рунические письменные памятники, относящиеся к эпохе раннего средневековья или к

эпохе тюркских каганатов VI–IX веков нашей эры. Язык рунических памятников, представленный в нескольких графических разновидностях – енисейский, орхонский, семиреченко-таласский – общепринято называть литературным языком или «общим письменным литературным языком древнетюркского общества», «руническим литературным языком», «стандартным языком официального повествования», «тюркским рунического койне», «эпитафийной надписью на камнях» (А.Н. Бернштам, Л. Р. Кызласов, С.Е. Малов, И.В. Кормушин, Э.Р. Тенишев).

В «литературности» языка рунических памятников, на наш взгляд, необходимо рассмотреть три фактора:

- возникновение некоего обобщенного, наддиалектного языка на базе древнетюркских диалектов;
- широкое распространение рунической письменности благодаря грамотности древнего социума и летописцам (первым древнетюркским писателям);
- поэтическая тональность и художественное, стилистическое богатство рунических текстов.

Безусловно, литературный язык рунических памятников возник и развивался на базе устно-эпических, поэтических традиций кыпчакских, огузских, уйгурских племен и союзов, на базе устного койне многочисленных древнетюркских племён и диалектов. Примечательно, что В.В. Радлов, который дал первое толкование, чтение и перевод рунических памятников, отмечал, что древнетюркский язык возник на основе трех диалектных наречий: наречия северных тюрков-сиров, говора южных тюрков-уйгуров и смешанного северо-южного диалекта [13, с. 215]. О функционировании некоего общего языка для коммуникации между тюркскими большими племенами отмечает и Э.Р. Тенишев... «есть основания полагать, что тюркоязычными племенами задолго до употребления рунического письма был выработан [11, с. 17]. С появлением у тюрков рунического письма устное койне оформилось в стройную литературную норму, получившую общественное признание и распространение в древнетюркском государстве. Как пишет Э. Тенишев, в VII–VIII языком рунических надписей как единым литературным стандартом пользовались различные тюркские племена или союзы племен – огузы, уйгуры, кипчаки и др. Каждое племя имело, разумеется, свой народно-разговорный язык для повседневного общения: у огузов и кипчаков это были j-языки (ajag, goj-), у уйгуров d-язык (adag, god), у киргизов – z-язык (azag, goz) [11, с. 17].

Таким образом, на базе древнетюркских диалектов во время публичных встреч, сборов многих тюркских племен, выступлений правителей (каганов, шадов, ябгу), проведения общих ритуальных обрядов появляется наддиалектный обобщенный язык, находящийся в основе рунического литературного языка.

В эпоху позднего тюркского каганата руническая письменность была достаточно широко распространена в Сибири на территории Хакасии, Тувы, Алтая, Красноярского края и т.д., центральной и северной Монголии, Средней Азии, на

территории Республик Казахстана (Семиречье, Прииртышье, южный, восточный, западный Казахстан,), Кыргызстана (г. Талас), Узбекистана (Ферганская долина), Северного Кавказа, Крыма, Восточной Европы. Были созданы сотни надписей, как маленькие из одного слова или фразы (енисейские, алтайские), так и средние и большие орхонские тексты. По мнению Д.Д. Васильева, существовали даже школы, где обучали рунической грамотности, т.е. грамотными были не только родовая знать, но и простые люди. Древние тюрки использовали руническое письмо для общения, для тех или иных коммуникаций, оставляя на бытовых предметах, валунах, скалах свои сообщения, что подтверждается информацией из различных рунических текстов. В эпоху позднего тюркского каганата в Степной Евразии начинают проникать манихейство и буддизм. Для их широкого распространения тюркские миссионеры оставляли многочисленные письменные отметки о молениях, свершенных у скал, призывы духовных проповедников, покаяния верующих и другие религиозные надписи. Например, надписи-призывы религиозных проповедников к верующим:

11 (e)ri «Очистись (искупи грехи)», Яблык-Таш XI;

ṛ:ṭhṛḡ būt (e) ri «Уверуй и очистишь (искупи грехи)», Яблык-Таш XVI;

ЖҮҮҺІӘТ (e)r (a)ti (e)k (ä)š {ä} «Его имя мужа-эра – Текеш (освободи его от греха)», Казахстан, Жаксылыксай I [6, с.68].

Кроме того, руническая письменность как один из символов древнетюркской государственности использовалась для внешних отношений с Китайской империей, Согдианой, Арабским халифатом, Византией – письма, послания, бұйрики и различные указы каганов. Показательно в данном контексте сообщение, найденное в 1985 г. археологом А.Е. Рогожинским в Восточном Казахстане, в урочище Койтубек, в юго-восточных отрогах Курчумского хребта. Чтение и перевод надписи был сделан И.Л. Кызласовым: ᠮᠢᠵᠤᠳᠡᠭᠦ᠋ᠷᠲᠢᠨ, us(i)kl(i)g {ä} (a)jurtim, «Я велел изъясняться письменно» [6, с. 65]. Хотелось бы уточнить прочтение И.Л. Кызласова. По нашей версии, транслитерация данной надписи может быть следующей: us (o) klig g €1Y k ъ, все согласные палатальные, мягкие и передают производное слово, lig – известная в древнетюркском языке аффиксальная морфема в его вариантах lig/lig, lik/lik, k – компонент корневой морфемы, и в транслитерации, на наш взгляд, необходим губный гласный o, а не узкий, негубный i, поскольку ok в древнетюркском языке, по мнению Э. Севортяна, есть глагол «ок значении «кричать», «говорить», «сказать» [9, с. 38]. Впрочем, И.Л. Кызласов процесс речи тоже передал, но только литературно – глаголом «изъясняться». Другое слово jurtim восходит к лексеме bujur ‘приказ’, bujurdi ‘приказал’ [2, с.130], jurtim означает «я приказываю», формообразующий -im – указывает на 1 л. глагола, фрикативный согласный b в начале слова либо был не прописан мастером-резчиком, либо был плохой эстампаж. Таким образом, мы предлагаем следующее прочтение: «Я приказал говорить (сказать)». Вариант И.Л. Кызласова («Я велел изъясняться письменно») является стилистически окрашенным литературным переводом. Тем не менее, в любом случае подтверждается, что текст адресован грамотному чело-

веку. Такие надписи далеко не единичны и нашли широкое распространение в Евразийском ареале.

В конце текста памятника Кюль-тегин, когда Кюль-тегин скончался, выразить соболезнование знаменитому воину тюркского мира приезжают со всех «четырёх углов», представители тюркского и не тюркского мира: «... *от народа десяти стрел и от сына моего кагана тюргешского пришли Макрач, **хранитель печати**, и **хранитель печати** Огуз-Биьлге*» [8, с. 43]. В тексте дважды упоминается «хранитель печати». С одной стороны, печать могла ставиться на письменных документах тюркских каганатов; с другой стороны, упоминание хранителя печатей, наряду с другими высокими лицами древнетюркского социума, подчеркивает их высокий социальный статус, их особое положение в обществе как людей почитаемых и грамотных.

К числу грамотных людей древнего мира относятся и летописцы, которые часто упоминаются в енисейских текстах. Например, на спине каменного изваяния, найденного в долине реки Уйбат (И.В. Кормушин обозначает этот памятник как Е-37) есть руническая надпись, в которой прописаны имя автора, его племя, дата, а главное сведения о том, что автор текста – летописец: «*Я – ичрек Кара-хана... Я – от племени ябаку... Я – Тюргеш. Я – летописец. Год обезьяны*» [5, с. 126].

Кроме летописцев, написавших рунические тексты, в последнее время исследователи называют первым древнетюркским писателем Йоллык-тегина, автора текста памятника Кюль-тегин. Так, С.Г. Кляшторный, выступая на Международном тюркологическом форуме в г. Астане, отметил, что древнетюркские орхонские тексты принадлежат к перу древнетюркского писателя Йоллык-тегина [4, с. 20]. Проиллюстрируем сказанное: «*Весь письменный текст написал я, Йоллык-тегин, наставник Кюль-тегина. Двадцать дней на этом камне, на этом сооружении осмысленно вырезал я, Йоллык-тегин*» [3, с. 189].

Язык рунических памятников не случайно называют литературным, поскольку во многих текстах, независимо от ареала их распространения, запечатлены яркие образные выражения, эмоциональная насыщенность, красочность и богатство художественных троп. И.В. Стеблева, развивая дальше идею А.Н. Бернштама о стихотворности текста Кюльтегин, впервые определила стройную особую композицию рунических строк, их стихотворную ритмику, тональность, назвав памятник «поэзией тюрков» [10, с. 7–64]. Идею о поэтичности рунических текстов в Республике Казахстан развивал последователь И.Б. Стеблевой Б. Кенжебаев, считая рунические тексты памятниками ранней литературы тюркских народов, в т.ч. казахского народа. Позже его ученик М.Жолдасбеков создал поэтическую версию орхонских памятников на казахском языке [12, с. 222].

Литературная стандартность, красочность языка енисейских, орхонских, таласских рунических текстов определяются литературными стилистическими маркерами, особой поэтической тональностью, использованием высокой лексики как в нарративах памятников, так и их в переводных вариантах (С.Е. Ма-

лова, И.В. Стеблева, Дж. Клоссон, И.В. Кормушин, А.С. Аманжолов и др). В качестве примера приведем фрагмент из памятника Кюль-тегин (Западная сторона КТ. I. 1–4) [3, с. 185]:

[illegible][illegible][illegible][illegible]

Литературные маркеры различных рунических школ (енисейских, орхонских, таласских) проявляются своеобразно, поскольку эти школы отличаются в содержательном плане (в данном случае речь не идет о графических, знаковых различиях).

Если орхонские надписи прописаны в поминальных комплексах, как эпитафии, то енисейские обращены к верховному божеству и выбиты на вершинах скал или в укромных от человеческого глаза местах.

ər ərđam im **jerim** üçün ldim
 ač t... isig ünäl elimkâ bağimkâ bökmädim
 toquz qırq jaşımda elim üçün.

Я погиб во имя своей доблести мужа-воина, ради моей земли.
Я Ач То... Исиг Ынал моим государством, моим беком - я не наслаждался
В мои тридцать девять лет ради моего государства... [5, с. 154].

Орхонские тексты, выбитые на каменных стенах поминальных комплексов, являются текстами-воззваниями, текстами-обращениями каганов к верховной знати, к тюркскому народу с целью убеждения законности власти каганов и возвеличивания своего правителя, удачных походов и сражений. В качестве примера можно сослаться на описание правления Кутлук кагана, Капаган-ка-

гана в тексте Кюльтегин, сравнить деятельность Бильге кагана в текстах Кюль-тегин и Бильге каган, оценить деятельность советника трех каганов мудрого Тоньюкука в тексте Тоньюкук. Поэтому в орхонских текстах памятников часто используются следующие литературные маркеры:

- **ораторские формулы:** «...Став каганом, я поднял неимущий, бедный мой народ. Бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть неправда в этой моей речи?» и другие [3, с. 264].

«Я, тюрк Бильге-каган, нынче сел на престол»; «О! ВЫ, тюркские, огузские беки и народ, слушайте! Если Тенгри сверху не давило тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубил твоё государство, твою власть! Объединяйтесь!» и т. д. [3, с. 268].

- **обращения:** «О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство, здесь высек. Как заблуждаясь, вы распадаетесь, тоже вырезал на этом камне...» т. п. [3, с. 265].

- **риторические вопросы:** «Был народ, у которого было государство. Где государство – это теперь? Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?» ИЛИ: «Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя?» «Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя?» и т. п. [3, с. 186].

Поэтичность языка орхонских надписей (что исследовано было И.В. Стеблевой, М. Жолдасбековым) выражается особой ритмикой и тональностью, повторяющимися клише, выражениями и дискурсами, типа: «имевших колени заставил преклонить колени, имевших головы заставил склонить головы», «вперед – на восток, назад – запад; справа, в стране полуденной, слева, в стране полуночной», «истинно мудрые люди, истинно мужественные люди не поддавались обману» и т. д. и т. п.

Во всех текстах рунических памятников, и орхонских, и енисейских, и таласских, очень много художественных троп: метафор, гипербола, сравнений, эпитетов, которые демонстрируют богатство, красочность, высокую художественность древнетюркского языка: «Войско тюркского кагана в Болчу пришло, как огонь и буря». «Кровь твоя бежала (лилась) рекой, твои кости лежали как горы». «На другой день они пришли, пламеня, как пожар», «...Я проливал свою красную кровь, стекал (лился) мой чёрный пот» и другие (Орхонские тексты).

Художественными тропами насыщены енисейские и другие рунические тексты: «Золотой колчан, мой – я разлучился с тобой». «Печаль из печалей – вы отделились [от нас], о горе». «Вы, Тириг-бек [были] словно клыкастый вепрь». «Жаль, моя земля, моя священная земля, – о жаль! Жаль, мое государство, мой хан, солнце и луна, о жаль! Моя... земля» и т. д. (Енисейские тексты).

«Моя маленькая жена осталась вдовой, мой сын полненький малыш». «У родственников расстройство желудка от глубоких переживаний, как у лошадей и волов». «Развей мою печаль». «Кара-Чур – меткий стрелок (по прозвищу) Кол-Кар – Ямаз (букв. «Рука – НЕ- Промахнется»)» и т. д. (Таласские тексты).

Резюмируя изложенное, следует сказать, что язык рунических письменных памятников вполне можно охарактеризовать как стандартное руническое койне, в котором запечатлены все признаки литературности, характерные для древних нарративных текстов. Рассмотренные памятники, безусловно, являются доказательством развития древней цивилизации, культуры, языка тюркских народов.

Литература

1. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: «Издательство Мектеп», 2003. – 368 с.
2. Древнетюркский словарь / под ред. Д.М. Насилова, И.В. Кормушина и др. – 2-изд. пересмотр. – Астана: «Ғылым баспасы», 2016. – 760 с.
3. Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (перевод на русский язык Н. Шаймердиновой и других). – Астана: Кюль-тегин, 2006. – 360 с.
4. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники и их авторы // Тюркский мир: история и современность. Сборник статей Международного тюркологического симпозиума. – Астана, ЕНУ, 2011. – С. 3–10.
5. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 303 с.
6. Кызласов И.Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы // Российская Тюркология. – 2011. – № 2 (5). – С. 62-74.
7. Кызласов И.Л. Рунические письмены Сибири. – М.-Абакан: Хакаское книжное издательство, 2021. – 160 с.
8. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.
9. Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Издательство «Наука», 1974. – 754 с.
10. Стеблева И.В. Поэзия Тюрков VI-VIII веков. – М.: Издательство «Наука», 1965. – 148 с.
11. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. – Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 380 с.
12. Шаймердинова Н.Г. Когнитивная семантика древнетюркских орхонских текстов. – Астана: Арман-ПВ, 2007. – 245 с.
13. Radlov W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. – St. Petersburg, 1894. – 296 p.

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ ТАТАР БАШКОРТОСТАНА СО СТАРОТАТАРСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

Булатова Миннира Рахимовна

Аннотация. В ходе развития татарского литературного языка некоторые традиционные формы, характерные для старотатарского литературного языка, были утрачены, но они сохранились в говорах и рассматриваются как диалектные явления. Данная статья посвящена выявлению некоторых общих морфологических особенностей говоров татар Башкортостана со старотатарским литературным языком. На территории Республики Башкортостан распространены говоры среднего (казанско-татарского) и западного (мишарского) диалектов татарского языка. В результате проведенного научного анализа нами установлено, что в этих говорах сохранились грамматические формы (например, аффиксы желательного наклонения *-айым / -әйем, -айық / -әйек*, формы повелительного наклонения II лица множественного числа на *-ың / -ең / -ң*, отрицательные формы деепричастий на *майынча / -мәйенчә*, формы на *-мак/-мәк*, конструкции *-ды+исә* и др.), активно функционировавшие в старотатарском литературном языке.

Ключевые слова: татарская диалектология, ареальная лингвистика, диалект, говоры, морфология, старотатарский литературный язык.

Татарский язык, относящийся к кипчакской группе, считается одним из самых древних языков. Основные фонетические, лексические и морфологические особенности татарского языка сформировались уже в древнетюркском языке. Именно поэтому татар, проживающих в разных местах и являющихся представителями разных говоров, объединяет единая основа – общие фонетические, лексические, грамматические закономерности. Благодаря этому мы можем понять самые древние рунические письмена, понимаем азербайджанский, узбекский, казахский и другие языки, не ощущаем большой разницы между диалектами татарского языка.

Окончательное формирование старотатарского литературного языка относится к XIV–XVI векам. Это письменно-литературный язык просуществовал у татар вплоть до начала XX в. Становление татарского литературного языка в качестве общенародного происходит на рубеже XIX–XX веков в городах Казань, Уфа, Оренбург и др., а также в окружающих их селах. В ходе развития

© *Булатова Миннира Рахимовна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Республика Татарстан, г. Казань, m.r.bulatova@mail.ru

татарского литературного языка теряются некоторые его традиционные свойства и формы, но они сохраняются в говорах. Поэтому говоры татар, компактно проживающих на разных территориях, ценны для нас сохранением особенностей нашего древнего общего языка.

Основная часть татарского народа сформировались на территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья. Эпицентром татарской нации являются Республики Татарстан и Башкортостан. Отметим, что татарский язык распадается на *средний* (казанско-татарский), *западный* (мишарский диалект) и *восточный* (сибирско-татарские диалекты: тоболо-иртышский, барабинский, томский) диалекты.

В Башкортостане проживают татары, относящиеся к двум диалектам: а) среднему (казанско-татарскому) – бакалинский подговор нижекамско-кряшенского говора, бирский, мензелинский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, учалинский говоры и б) западному (мишарскому): байкибашевский и стерлитамакский говоры. Этот ареал хотя и находится в административном отношении в пределах Башкортостана, но по своей языковой наполненности является продолжением, неотъемлемой частью татарского языкового пространства; в нем сохранились все те изоглоссы, которые получили начало в поволжских, особенно в заказанских, говорах [3, с. 12].

Далее рассмотрим некоторые общие морфологические особенности говоров татар Башкортостана со старотатарским литературным языком, на примере глаголов:

1) В татарских говорах Башкортостана глаголы I лица единственного и множественного чисел желательного наклонения имеют форму *-айым / -эйем, -айық / -эйек* (*Бийергә өйрәтәйемме* (лит. өйрәтими́ме)? ‘Научить ли танцевать?’). В стерлитамакском говоре, белебеевском подговоре мензелинского говора и бакалинском подговорах наряду с формами литературного языка (*-им / -ыйм, -ик / -ыйк*), употребляется аффиксы *-ыйым / -ийым, -ыйык / -ийек* (*Мин синең белән барыйым* ‘Пойду-ка я с тобой’).

Аффиксы желательного наклонения *-айым, -айық* активно выступают во многих других говорах среднего (например, астраханском, касимовском и др.) и восточного (сибирско-татарских) диалектов татарского языка. Это явление характерно для татарских народных песен; бытовало в памятниках старотатарской и древнетюркской письменностей.

Отметим, что глаголы желательного наклонения употребляются в диалектах и говорах татарского языка в разных фонетических вариантах: в отдельных говорах среднего диалекта *-айым, -айық* (*барайым, барайық*), в западном (мишарском) – *-ыйым, ыйык* (*барыйым, барыйык*). В восточных (сибирско-татарских) диалектах параллельно с формой *-айым* прибегают к древнетюркской форме *-айын / -эйен* (*барайын*).

В древнетюркских письменных памятниках для обозначения желания использовались формы *-айын / -эйен* [6, с. 30], а с середины XVI века в письменной литературе наряду с аффиксами *-ын / -ен* (*-айын / -эйен*) употребляются и

аффиксы *-ым / -ем* (*-айым/-эйем*). Например, в произведениях поэта XVI в. Мухамедьяра формы *-айын / -эйен* и *-айым / -эйем* применяются параллельно:

Куй мәне, үз халем илэ булайын,

Мөддәгыйлар сүзедин кортылайын

(«Төхфәи мәрдан»)

Кызга әйде: мән сине никах берлә алайым,

Сәнең өчен җаным нисар кылайым

(«Төхфәи мәрдан»).

Известно, что форма на *-айым* в старотатарском литературном языке бытовало до начала XX столетия. В настоящее время эта форма встречается в произведениях отдельных писателей и воспринимается как диалектная. Например: *Әйтәйем инде сезгә тугры сүзем* (М. Гафури).

Кил, милләтем, һөнәр-гыйльмә тырышаек,

Бил баглап, мәйданә чыгышаек.

(М.Гафури, «Вә иннә мин эш шигъри ли хикмәтин», 1903).

Глаголы с аффиксом *-ай / -эй* употребляются в разных тюркских языках, например, в азербайджанском, карачаево-балкарском, кумыкском, ногайском, уйгурском, хакасском, якутском, турецком и др.

2) В татарских говорах Башкортостана отрицательная форма деепричастия на *-ып/-еп*, наряду с литературным (*-мый / -ми*, *-мыйча/-мичә*) и другими диалектными формами (*-май / -мәй*, *-мыйчак/-мичәк*, *-мыйчы/-миче*, *-мыйса*, *-мәйсе*, *-мыйчан/-мичән*), сохранился как в старотатарском литературном в виде *-майынча / -мәйенчә*, образованная древней формой отрицания и древним аффиксом деепричастия на *-ын*: *-майын / -мәйен* и наречным окончанием *-ча*: *Өстөнә кимәйенче* (лит. *кимичә*) *чыкқан* (бирском) 'Вышел не одевшись'. Например, прослеживается в творчестве Гаяза Исхаки (писателя конца XIX – начала XX в.): *Алмания туктамаенча* (лит. *туктамыйча*) *яңа корал күндерә* [5, с. 24]. *Ул сизмәенчә дә шул гаиләнең әгъзасы кебек булып китте* [5, с. 29]. Для татарских говоров исследуемого ареала характерны фонетические варианты: *-майынчы/-мәйенче* (турбаслинском, мензелинском), *-мыйынчы/-мийенче* (белебеевском, стерлитамакском, бакалинском), *-мыйынцы/-мийенце* (байкибашевском), *-майынса/-мәйенсә* (курмантауском, учалинском, тепекеевском), *-майынсы/-мәйенсе* (тепекеевском, златоустовском). Например: *Йоқосы туймайынсы торды* (златоустовском) '(Он) встал, не выпавшись'.

Вышеуказываемые отрицательные формы деепричастий встречаются и в других говорах среднего (*-майынчы/-мәйенче*, *-мыйынчы*, *-майынсы*) и западного (мишарского) (*-мыйынча/-мийенчә*, *-мыйынчы/-мийенче*, *-мыйнчы*) диалектов. В сибирско-татарских диалектах (тоболо-иртышском, барабинском), наряду с *-майынчы/-мәйенце*, в отличие от других диалектов, сохранился и в форме *-майын*, *-мыйн*, *-мин* (*Киткесе килмәйен* (лит. *килмичә*) *сықтап алты* 'Поплакал, не желая уезжать'), как и в некоторых тюркских языках.

3) Наблюдается употребление формы на *-мак / -мәк* в определенных падежах или сочетаниях: *Анда нишләп йөрмәк кирәк* 'Зачем нужно ходить туда'.

Изоглосса таких явлений начинается с камышлинского говора среднего диалекта, они имеют место в западных (мишарских) говорах Поволжья. Форма на *-мак* особенно активно выступает в агрызском подговоре мензелинского говора, известна как книжная форма, активно бытовала в татарском письменном литературном языке до начала XX в.

4) Употребление формы повелительного наклонения II лица множественного числа на *-ың / -ең / -ң* (лит. *-гыз / -гез*). Например: *Сез мәктәпкә барып килең* (лит. *барып килегез*) 'Вы сходите в школу'. *Безләрни монда күб йыратмаң, өйләргә кергәч йавап бирәлмәм* 'Не заставляйте меня долго петь, т.к., когда окажусь в избе, не смогу отвечать' (из обрядовой песни). Изоглосса этой особенности охватывает приуральский ареал в пределах янаульского подговора мензелинского говора, бирского, учалинского, златоустовского, пермского говоров среднего диалекта, байкибашевского говора западного (мишарского) диалекта, также и ичкинского говора Зауралья и восточных диалектов татарского языка. В памятниках старотатарской письменности эта форма бытовала в такой же функции (в «Нахдж эль-Фарадис», у М.Кулыя, у У.Имяни — *-ың / -ыңыз* [4, с. 226, 490 и др].

Сравним, в других тюркских языках — якутском *ылың*, тувинском *алыңар*, хакасском *алыңар*, турецком, гагаузском *алың / алыңыз*, туркменском *алың / алайың*, узбекском *алын*. Считают, что форма глагола на *-(y)ң / -(ү)ң / -(i)ң* передает оттенок почтительного отношения, однако чаще выражает множественное число [1, с. 87].

5) Употребление союза *исә* в сочетании с формой прошедшего категорического времени на *-ды*. Конструкция *-ды + исә* выражает причинно-следственные, условные или временные отношения между действиями или состояниями: *барды исә күрер* 'после того, как пойдет, увидит'; *эшләрең беттисә* (беткәч тә), *тиз генә қайт* 'как только закончишь дела, быстро возвращайся' и т.п. [2, с. 185]. Аналогично в некоторых крышенских, зауральских и нукратском говорах татарского языка. Конструкция *-ды исә* (Сравним: древнетатарское *-ды ирсә*) широко представлена во всех памятниках старотатарской, древнетюркской письменности [4, с. 102, 227 и т.д], в т.ч. «Кисса-и Юсуф», «Кутадгу билиг», в словаре М. Кашгари. Традиционные нормы старотатарского литературного языка продолжали употребляться вплоть до начала XX в., а отдельными писателями использовались даже до 1930 г. Например, это прослеживается в творчестве писателей М. Гафури, З. Рамеева (Дэрдменд) и др.

Как видно из вышеизложенного, в татарских говорах Башкортостана сохраниены ряд явлений, активно бытовавших и в памятниках старотатарской литературы. Видимо, когда-то литературный язык и местное койне имели довольно много общего. Некоторые общие со старотатарским литературным языком грамматические формы более активно употребляются в локальных фольклорных произведениях, особенно в обрядовых песнях (например, дифтонг *-ай / -әй*).

Литература

1. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1959. – 218 с.
2. Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». – Казань, 2013. – 240 с.
3. Булатова М.Р. Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 136 с.
4. Древняя татарская литература = Борынгы татар әдәбияты. – Казань: Таткнигоиздат, 1963. – 580 с.
5. Гаяз Исхаки. Сочинения в пятнадцати томах. V том (на татарском). – Казан, 2009. – 559 с.
6. Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. – Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1970. – 65 с.

III. ДИАЛЕКТЫ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

УДК 398.2 (811.161.1'28)

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В РУССКОМ
ЭПИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЯКУТИИ*Чарина Ольга Иосифовна*

Аннотация. Традиционный русский фольклор в Якутии связан с местами, где русские заселились еще в XVII в. в нижнем течении реки Индигирки. Диалектные включения связаны с рядом направлений, связанных с локальным проявлением особенностей речи. Мы изучим иную лексику, которая проявилась в эпических стихотворных произведениях: исторических песнях, сказках. Рассмотрены тексты, собранные С.И. Боло, Н.А. Габышевым и др. в период с 1940 по 1946 гг. в Русское Устье на Индигирке и на Колыме. Изучены некоторые аспекты: лексика в текстах фольклорных произведений, усвоенных на прежней родине; включение слов русского происхождения в русских текстах; введение текстов местных народов; введение якутской лексики; выявление лексики с неясной этимологией. Также описана лексика из фольклорных произведений: былина о Добрыне Никитиче и Змее, «Скопин просит помощи у шведского короля», «Конек-Горбунёк» и др. Фольклор русских старожилов Якутии представляет особую часть русского фольклорного наследия, находясь в окружении иного языка и фольклора, испытал различное влияние: от заимствования сюжетов до изменения фонетического звучания текста.

Ключевые слова: русский фольклор, фольклорный диалект, фольклорная лексика, текст, эпические песни, якутизмы, слова неясной этимологии.

Традиционный русский фольклор в Якутии связан с местами, где русские заселились еще в XVII в. Так, это место – нижнее течение реки Индигирки. Диалектные включения связаны с рядом направлений, связанных с локальным (местным) проявлением особенностей речи. Мы остановимся на иной лексике, которая проявилась в эпических стихотворных произведениях: былинах, исторических песнях, сказках.

Известные фольклористы исследовали эпические произведения с учетом диалектных проявлений, например, Ю.А. Новиков [8], Ю.И. Смирнов [12] и др. Ученые-языковеды изучают особенности фольклорной речи, так, С.П. Праведников рассматривал вопросы «Территориальной дифференциации языка русского фольклора» [11]. Ряд якутских ученых занимается вопросами диа-

© *Чарина Ольга Иосифовна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ochar@list.ru

лектных проявлений в говоре русских старожилов, это словари М.Ф. Дружининой [4; 5; 6; 7]. Также важны статьи И.П. Павловой, Т.А. Бердниковой, Я.Я. Горбуновой, которые показывают диалектные особенности в лексико-семантическом поле, в словообразовании и в фонетике [9, с. 73–181; 10; 2, с. 60–83]. Также автор имеет статьи о диалектных особенностях русских песен Северо-Востока Якутии [16, с. 184–90].

Тексты, которые мы рассмотрим, собирал, например, С.И. Боло, это русский фольклор в рамках Северной фольклорно-диалектической экспедиции (1940–1941 гг.) и был в селах Походск на Колыме в ноябре-декабре 1940 г. и в Русском Устье на Индигирке в марте 1941 г. Там и записал Боло произведения русского фольклора¹.

В колымских районах С.И. Боло записал следующие произведения: «Как Добрыня», «О богатырях русских»². Как видим, на Колыме Боло записал песни, былины, сказки.

Также мы опирались на тексты, усвоенные в период работы этнографо-лингвистической экспедиции 1946 г. от С.П. Киселева, других исполнителей [12, с. 145–146; 201; 219–220, 225–229; 233–237; 245–249; 251–257].

Заметно, что произведения фольклора, в целом, встречались в других местах России: на Русском Севере, на Урале, в Западной Сибири.

Рассмотрим некоторые аспекты:

- Лексика в текстах фольклорных произведений, усвоенных на прежней родине;
- Вкрапления слов русского происхождения в русских текстах;
- Введение текстов местных (аборигенных) народов;
- Введение якутской лексики;
- Выявление лексики с неясной этимологией.

Фольклор русских старожилов Якутии представляет особую часть русского фольклорного наследия. Находясь в окружении иного языка и фольклора, он испытал различное влияние: от заимствования сюжетов до изменения фонетического звучания текста.

Ранее были рассмотрены некоторые диалектные особенности фольклорной прозы Приленья. Остановимся также на таком важном аспекте как билингвизм в фольклорном прозаическом произведении русских старожилов Приленья.

По прибытию в иное место, новопоселенцы, особенно, если они являются представителями небольших разрозненных групп мужского пола, вынуждены были усваивать язык местного населения и при этом в области фольклора – создавать бытовые рассказы, связанные с умением различать места, растительный и животный мир.

Для привлечения внимания слушателей иного языка или билингва применяют восклицание: «Истий!», сразу следует повтор на русском: «Слушай!» А в концовке произведения следует закрепка: «Ити кырдык! (Это прав-

¹Архив ЯНЦ СО РАН (АЯНЦ СО РАН), ф. 3, оп. 5, д. 444, 446; 453; 546.

²АЯНЦ СО РАН, д. 446, л. 21–22.

да!))», может следовать повтор на русском: «Это моя тетя рассказывала» и т. д. Использование взаимного двуязычия обусловлено прежде всего средой, где слушатели билингвы, но бытовая речь у якутов и русских Хангаласского и части Олекминского улусов – якутская. Отсюда, исполнитель должен учитывать аудиторию и исполнять произведения в расчете на определенного слушателя.

Таким образом, примеры билингвизма в фольклоре проявляются в первую очередь в прозаических жанрах на уровне грамматики, лексики. Двуязычие, проявляемое в прозаическом фольклоре, помимо функциональной направленности связано с тем, что необходимо указывать определенную лексику: название мест, имеющих сакральный характер, название блюд, костюмов, непереводимые названия птиц, зверей и проч.

Итак, рассмотрим пример текста былины, где видны следы, говорящие о прежней родине. Например, в былине о Добрыне Никитиче и Змее встречаются строки:

Изымут тебя жары петровские, солнцепеки меженские [12, с. 76].

Записал от Ф. М. Голыженского Н.А. Габышев, 1946 г.

Здесь слово «меженские» понимается как «мезенские» от названия реки Мезени, чье основное течение приходится на Архангельскую губернию. По этому поводу писал Ю.А. Новиков: «В то время, как “меженные” жары происходит от слова Мезень – известный топоним в Архангельской области. Также Межень – “середина чего-то”, в данном случае – “в разгар или в середину лета”» [8, с. 330].

Другой пример, показывающий использование диалектного слова, приведен в сказке «Конек-Горбунёк». Сказка литературного происхождения, написанная П.П. Ершовым. «Записана она от Пантелеймона Чикачева, 1877 года рождения, с. Русское Устье, Аллаиховский район. Собрал С.И. Боло 19 марта 1941 г. записи»¹ [14, с. 201]. Указывается двойная ссылка, поскольку в издании «Фольклор Русского Устья» приведено только 18 стихов из 211 стихов фольклорного варианта этой сказки.

Начало следующее:

Не на небе – на земле,

а концовка:

охто мою сказку не дослушат,

до порогу бежит –

ползади отвалится, [ползада]

за порог завалится,

до шелу зади отвалится [весь зад] [Там же, с. 201].

В данном случае отметим русское диалектное слово. Привнесены в текст сказки слова о полете Конька-Горбунька, когда идет «из норог дим, из рота прама огненным» в 208 строке:

В тексте, приведенном в архиве, видим стихи:

¹ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 454, л. 4-5.

Вот понес ево Конёк-Горбунёк
Гражи-болота меженок пуцал (меж ног),
Из но/рог дим, из рота прама огненным.

С.И. Боло зафиксировал следующее по ходу записи: «Чикачев Пантелеймон в свое время, когда еще был молодым слышал от одного старика-русскоустыинца, который умер в 100 лет от роду за 40-50 лет»¹.

Здесь, согласно словарю В.И. Даля, видим: «Норка» – ж. сиб. прм. ноздря» [3, с. 554, стлб. 2]. Видимо, сказалось сибирское влияние, когда сказку рассказывали из уст в уста, добавляя необходимые для развития сюжета эпизоды, местные детали.

Здесь следует отметить, что данный мотив о беге коня, о том, что огонь извергается из его «ноздрей / норок» привнесен в данный текст из другой песни. Интересные особенности выявляются в том случае, если русский сказитель использует заимствованный сюжет. Например, текст сказки «Худая девка», записанной Н.М. Алексеевым, восходит к сюжету сказки «Золушка» по указателю СУС – 510А [13, с. 145]. Это произведение рассказал И.Н. Чихачев. Г.Л. Венедиктов сообщил: «Насколько можно судить по четырем записям, сказочник сохраняет традиционное волшебное начало, демифологизация текста у него слабая» [14, с. 310]. Вместе с тем сказка рассказана обыденным языком, который настраивает на обязательность происходящего в сюжете: «Жил-бул старик со старухой», «А от них недалеко жил сар» (царь); «мулись, мулись и пошли» (мылись, мылись), «сора и кумыс (сорат)» [Там же, с. 145].

Также становится ясно, что произведения, заимствованные из соседнего фольклора Северо-Востока Якутии, одновременно заимствуют лексику, образы из якутского или другого языка и фольклора. В репертуар исполнителя могут войти тексты местных (аборигенных) народов. Были записаны следующие тексты, которые не вошли в сборник «Фольклор Русского Устья»: «С аршин величиной человек», «Самоеды», «Дутки-корба и Дилыки-корба» – от С.П. Киселева². Сказки «Самоеды», «Дутки-Корба и Дилыки-Корба» были усвоены у эвенов. Вместе с тем, если исполнитель имеет якутские корни, то текст произведения также тяготеет к тому, что в нем найдут отражение предметы быта, устройство жилища, пейзаж, связанный с местными приметами.

Также заметно тяготение к использованию зачина «джэ буо». Записи сказок показывают, что С.И. Боло и Н.А. Габышев – якутоязычные собиратели. Так, фиксируя сказку «Ивашко-Пепелушко», Боло фиксировал начальное восклицание «Дьэ», например: «Дьэ, понесло этот корабль» [14, с. 55]. Таким образом, С.П. Киселев, был русским со знанием якутского языка, и об этом свидетельствуют сюжеты сказок с якутскими образами, лексикой, частичными примерами с изменением в фонетике.

Мифологическая тема якутской культуры связана с образом белой – молочной продукции. Все девушки должны помочь перелить молоко, две сестры от-

¹АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 454, л. 5, 7.

²АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 780, л. 55-56, 59-62, 72-76

казываются, а третья помогает. Далее им встречается человек, который «сору да кумыс переливат» («Сорат» и «кумыс» – кисломолочные продукты) [Там же, с. 144–145].

Таким образом, здесь проявляется не только влияние якутского языка («сорат», «кумыс»), но и представления народа саха о мире: сказку, которую записал Н.М. Алексеев, рассказчик, видимо, воспринял от сказителя-якута. Здесь проявилось важное сакральное значение молочной продукции, характерное для якутов как скотоводов, об этом пишет Г.У. Эргис [17, с. 153–166].

Показана ситуация с записями фольклорных произведений на Северо-Востоке Якутии при уточнении характера мифопоэтического языка, который бытует в произведениях традиционного песенно-повествовательного фольклора в исследуемых районах.

Крайне редко в стихотворных текстах встречаются якутизмы. В целом, количество якутизмов в эпических песнях небольшое. В тексте стихотворной сказки есть диалектные слова. Например, сказку «Конёк-Горбунёк» П.Н. Чикачев рассказал со следующим якутским словом «хотон»:

Загони меня хотон, – прямая речь Сивки-Бурки, это 137 стих.

Здесь проявляются локальные особенности, например, влияние якутского языка с почти обязательным употреблением слова «хотон» – «коровник». Например, в словаре М.Ф. Дружининой: «ХОТОН, -а, м. Хлев, помещение для скота, коровник» [7, с. 117].

Таким образом, сказкам свойствен локальный стиль, который характеризуется тем, что ткань произведений пронизана как собственно русской диалектной лексикой, так и заимствованиями из соседних языков, в данном случае – из якутского.

Также в исторической песне «Скопин просит помощи у шведского короля» есть стихи:

Приезжал Скопин во посольский дом,

В юрту съезжую [12, с. 328].

Песня записана от С.П. Киселева Н.А. Габышевым в 1946 г.

Как видим, здесь появляется «юрта», слово тюркского происхождения, «деревянное жилище под крышей (рубленный дом, изба)» [7, с. 161].

Рассмотрим диалектические неясности при употреблении непонятной лексики – образа «голытьбы» – «голи кабацкой». Один из вариантов песни записал В.Г. Тан-Богораз около 1895 г. от Ф. Даурова в Среднеколымске:

Во славном городе во Астрахани

Проявился детинушка, незнам человек.

Щедро-шепетко по городу погуливат <...>

У дверей в углу стояла гольтыба кабацкая

У дверей в углу стояла голь кабацкая <...>

Говорит Незнамушка голи кабатской:

– Чем теба я, гольтыбушка, пожалуйю [12, с. 349–350].

Как отмечал В.Г. Богораз, к тексту, исполненному Дауровым, добавлены в квадратных скобках отрывки текста в исполнении Соковикова, всего 52 стиха [1, с. 170].

В меликовском варианте представлено начало, характерное для исторической песни о сынке Стеньки Разина:

Заявился в камен город детинушка

Незнакомый гость <...>

Астраханскому губернатору он не кланяется,

С астраханскими купцами он не знается [15, с. 431-432].

Интересно дальнейшее развитие образа «Газмина – Гализмы» в варианте этой песни. Следует мотив в «царевом кабаке», в эпизоде, развивающем мотив похвальбы-заносчивости, «Незнакомый гость» выступает не один:

Но при нем был товарищ Газминушка.

«А ты не гуляй, Газмин, на мой широк карман» [Там же, с. 432].

Так появляется персонаж по имени «Газминушка», он же – «Газмин». Интересно, что в других известных опубликованных вариантах этой песни на Колыме фигурирует «голь кабацкая»:

У дверей в углу стояла голь кабацкая [12, с. 349].

У исполнителя в записи Меликова:

«Ты скажи-ка мне, детина, как тебя величать,

Ты Дон, или Данила, или донской казак?»

На печи лежав, Гализма речь проговорил:

И не Дон он, не Данила, ни донской казак [15, с. 432].

В меликовском варианте «лежащий на печи» при астраханском губернаторе «Гализма» выступает как антагонист этого самого губернатора. Этот герой отличается большой подвижностью: вот он сопровождает незнакомого гостя, и вскоре объясняет губернатору, кто перед ним, уже «лежа на печи». Нигде более не встретился герой с подобным именем.

Многие изменения в одном тексте связаны с непониманием образа «голытьбы – Гализмы – Газмина». Ю.И. Смирнов по этому поводу писал: «Песня о сынке Разина несомненно возникла в Поволжье и, очевидно, по свежим следам события, привязанного к Астрахани. Она приобрела значительную популярность. Ее находили потом повсюду в европейской части страны, даже на Украине и на пограничье с Белоруссией» [12, с. 439].

Когда по ходу текста изменяется имя персонажа, то становится понятно, что важна фигура исполнителя, который, по-видимому, знает много текстов, часть из которых заимствовал из другого фольклора, иного языка.

Таким образом, видим, что сложные влияния, происходят от того, что эти эпические произведения не связаны с прозаической речью, когда легко включать иные слова.

Необычные влияния в тексте стихотворных песен говорят о том, что носители-исполнители несли знания, усвоенные из фольклора соседей. Иные заимствования усваивались из прозаических текстов, например: направление ветра, указание на осадки (снег, вода); название утвари, еды, одежды.

Рассмотрены тексты исторических песен, стихотворной сказки. Это незначительная, малая часть русского фольклора, которая имела небольшое распространение, связанное с отдельным исполнительством. Из многих эпических песен имеют некоторое количество вариантов только песни о сынке Степана Разина, варианты фиксировались на Колыме и Индигирке.

Литература

1. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В.Г. Богораз. СПб.: , 1901. – Т. 68. № 4. – 346 с.
2. Бердникова Т.А., Николаева А.Г. Фразеосемантические поля в нижеиндигирском старожильческом говоре Якутии // Арктика XXI век. Гуманитарные науки, 2022. – № 3(29). – С. 60-83.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1979. – Том 2. – 80 с.
4. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учебное пособие. – Якутск: изд-во ЯГУ, 1997. – Т. 1. – 138 с.
5. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. – Якутск: Изд. Якут. ГУ, 2002. – Т. 2. – 118 с.
6. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учебное пособие. – Якутск: изд-во ЯГУ, 2007. – Т. 3. – 244 с.
7. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. – Якутск, 2007. – Т. 4. – 190 с.
8. Новиков Ю.А. Эпический мир и способы его художественного воплощения (Из текстологических наблюдений над былинами). – Вильнюс: Edukologija, 2013. – 360 с.
9. Павлова И.П., Горбунова Я.Я. Русское Устье: изучение арктического нижеиндигирского диалекта русского языка в рамках деятельности Музея русских старожильческих говоров на территории Якутии // Сборник материалов I Азиатского международного форума «Новые горизонты РКИ». 6-8 декабря 2021 г., г. Якутск. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2022. – С. 173-181.
10. Павлова И.П., Аржакова А.С. Семантика номинаций жилища в лексике русских старожильческих говоров (на материале словаря Дружининой М.Ф.) // Материалы V Международной научно-практической интернет-конференция «Гуманитарные науки в пространстве современной коммуникации», 16-17 мая 2023 г. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=57858083&pdf=1> (дата обращения: 15.03.2024).
11. Праведников С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора. / Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Курск. 2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1328852/> (дата обращения: 12.03.2024).
12. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Памятники Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. – Новосибирск: Наука, 1991. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). – 499 с.
13. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Барг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников. Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979 – 437 с.
14. Фольклор Русского Устья / Сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. – Л.: Наука, 1986. – 384 с.

15. Чарина О.И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. – Спб.: Наука, 2013. – Вып. 8. – С. 423–437.
- Чарина О.И. Фактор билингвизма русского и якутского языков в русском фольклоре в Якутии // Русский язык в диалоге культур. Материалы международной научной конференции. В 3-х частях. Науч. ред. Л.В. Ковалёва. – Воронеж: ВГАСУ, 2010. – Ч. II. – С.184–190.
16. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.

УДК 811.512.157'373

САХА ТӨРҮТ ИТЭБЭЛИГЭР БААР ТҮӨЛБЭ ТЫЛЛАРЫ ЭТНОГРАФИЯ УОННА ЭТИМОЛОГИЯ КӨМӨТҮНЭН БЫРЫТАН КӨРҮҮ

ВЕРОВАНИЯ САХА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТНОГРАФИИ И ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛЕКТНЫХ ТЕРМИНОВ ШАМАНИЗМА

Васильев Валерий Егорович

Аннотация. Автор статьи анализирует термины шаманизма саха, встречающиеся в источниках Г.В. Ксенофонтова, С.И. Боло, А.А. Саввина и др. Рассматриваемые термины этимологически и семантически взаимосвязаны и, являясь дополнительным источником диалектологии, помогают более глубокому изучению шаманства на фоне тюрко-монгольских лексических сходжений. Эти диалектные слова образуют круг сакральных знаков, связанных с обрядами почитания предков и тотемов, с ритуалами рождения, погребения и возрождения, лежавшими в глубинной основе верований и обрядов шаманизма у тюрко-монгольских кочевников, осколком которых является этнос саха. В ранее опубликованных статьях автор статьи обнаружил архаические имена предков саха с «монгольским» (восточным) и «тюркским» (западным) лицами по отцовской и материнской родословной соответственно, в которых в диалектной форме отражались забытые названия тотемов в виде вещей птиц. Теперь эта тема расширяется и проводится одна из основных мыслей о том, что цветовые обозначения солнца, неба, облаков, гор и земли передавались тотемным зверям, птицам и в последующем переходили в обозначения особых лошадей и атрибутов, пользоваться которыми дозволялось особым лицам вроде шаманов.

© **Васильев Валерий Егорович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории и культуры ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, valera305@mail.ru

Ключевые слова: термины, этимология, семантика, шаманство, мифы, легенды, тотемы, предки, божества.

Саха төрүт итэҕэлигэр сыһыаннаах умнуллубут тылларбыт түөлбэ тылларга кубулуйан хаалбыттара сэдэхтик көстүтэлээн ааһаллар. Бу түөлбэ тыллары ырытан, сана арийыылары оноруохха сөп. Этнограф харабынан көрөн, тыллар умнуллубут өйдөбүллэрин сырдатты саха итэҕэлин билиини сайыннара туруоҕа. Бу тылларбыт ийэ кыылга, ытык сылгыга, айыыларга сыһыаннаах буоланнар, ойууннааһын эйгэтин киэнник хабаллар. Онон биһиги итилэри түмэн төрүт итэҕэл туһунан бэйэбит өйдөбүлбүтүн оноруохтаахпыт.

Дьябыл былыт. Тыл үөрэхтээбэ С.А. Иванов Бүлүү өрүс унуор Күүлэккэ, Мастаахха туттуллар *дьябыл былыт* диэн түөлбэ тылы ис хоһооно быһаарыллыбат, ол эрэри Э.К. Пекарскай «Тылдытыгар» *эбир дьябыл былыт* («узорчатое, крапчатое облако») киирбит диэн суруйар [8, с. 75]. Оттон саха этимолога Г.В. Попов ат арҕаһыгар баар кугастыны-хонор өгнөөх дьябыл мэни монгуолтан киири диэн бэлиэтиир [15, с. 169]. Бу быһаарыылары ылан көрдөххө, уу эбир долгунун курдук төгүрүк, хотой кынатын өгүнүү дьэрэкээн ойуулаах эриэн дьябыл былыт буолан тахсар. Э.К. Пекарскай холобуругар куорсун курдук манан уонна дьябыл былыттар солбуйсар (синоним) өйдөбүллээхтэр.

Дьябыл мэни тынҕрахтаах көтөрдөргө, сур уонна сизэр сылгыларга баар буолааччы диэн бэлиэтиллэр¹. Былыр Аан Үөчэйтэн, Дьябыл Айыыттан, Көтөр Дьөлүктэн төрүттээх айыы тэгэл ойууна хотойу бу курдук хохуйара: «Тайбыр дьябыл, Төгүрүк кынат, Түрбүү тумус, Хотой дьябыл» [3, с. 272]. Сытты хотоҕой (= хотохоон) куорсуннаах хотой тоҕо төгүрүк кынаттааҕа өйдөнөр. Былыр төгүрүк эбир ойуулаах, оһуордаах туттаах ыһах хамыйаһын алгыска үөһэ быраҕаллара. Оччоҕо сизллээх түөрэх кымыстаах саар ыаҕаска олоро түһүөхтээбэ. Эбир хамыйах туос иһиккэ олоро түстэҕинэ үрүҥ илгэни тула ыһахтаан Дьөһөгөй буонатар илдьитин толоруохтааҕа. Ол иһин саар былыт быһыһынан көстөн ааһар «ийээччи Дьүһэгэй» мэннээх уолу, кулуну айан биэрэр диэн алгыска этиллэрэ [2, с. 169].

Мантан таайдахха, эбир хамыйах ойо хаһыы харахтарын арыынан сотолоро буолуо. Арыыны аҕыы (*дьябыы?*) түүрдэр *йаҕ* «сыа, арыы», *йаҕ-*, *йаҕыз*, *йаҕыш* «толук ууруу», *йаҕыз йер* «борон сир» диэн тылларыттан тахсар [6, с. 224]. Олонхоҕо буор дьыэлээх борон саха төрөөбүт Орто дьябыл дойдутугар булгуннаах оройугар үүммүт Аар Кудук мас аҕыс лабааларыттан анды сыммытын саҕа араҕас илгэ тэммалаан үүт күөлү үөскэтэр. Ол маска таннары ыйааммыт чорооннортон үрүҥ илгэ түһэн дирин түһүлгэни үөскэппит үһү. Маны таһынан, айыы удаһанын манан дүнгүрэ төгүрүк күөлүйэбэ, оттон дьаргыл былаайаҕа сылгы аҕыс ойоҕоһугар тэннэнэрэ. Онон олонхоҕо Аар Кудук мас, саар ыаҕас (= саар былыт) уонна дьябыл сылгы (= дьябыл былыт) биир ситимнээхтэр.

¹Кэпсээбит киһи: т-х. билимин д-ра Иванов Революй Васильевич, 1954 с.т., Хара с., Мэнэ Ханалас улууһа, Муус устар 26 күнэ, 2024 с.

Орто дьабыл сиртэн байангы ылар буоланнар, токуз оҕузтар Баят-туркмен биистэрэ «Байат» диэн танаралаахтара [6, с. 79]. Токуз оҕузтар (узтар) булчут дьон буолалларын саха байааттарга тоҕус Байанайдар¹ истэригэр «Элип Хандабай» диэн эһэкээн баара туоһулуур [14, стлб. 341]. *Элик* түүрдэргэ «туртас», оттон *хандабай* маньчжур-монгуол омуртарыгар «тайах» диэн тыл-баастаналлара тыатаабы Барылаах тайабы, туртаһы «миинэр ат» онгосторун көрдөрөр. Кырдыаҕас этнограф Л.П. Потапов суруйарынан, дүнгүр үөскээһинигэр сир иччитэ сүрүн орууллааҕа. Ол иһин Алтаай ойууннара дүнгүрдэрин иһигэр ытык хайалары ойуулуулара [17, с. 197]. Ойуун кыыраар кэмигэр дүнгүрүн «*ак йаҕал*» («манан дьабыл») диэн ааттыыра. Оттон уруккута алтаайдар дүнгүр иччитин тайах, таба, кулааһай курдук дииллэр эбит. Орто үйэлэргэ монгуоллар кулааһай итэбэлин уйгуурдартан ылынан ийэ танара онгостубуттара [16, с. 89, 91].

Онон Бордыгин биис ууһа Гоа Марал («Куба Куо») диэн өбүгэ кыыллааҕа мэнэ тааска ойууламмыт куба тумустаах кулааһай күнгэ көтөн иһэрин санатар. Ол табалаах таастары чанг алтан (боруонса) үйэтигэр Киин Азияҕа уйгуурдар өбүгэлэрэ хаалларбыт буолуохтарын сөп. Алтаайга 1920-с сылларга ойууннааһыны үөрөспүт Н.П. Дыренкова суруйуутунан, ойууннар дүнгүрү «бура» диэн ааттыылара. Кинилэр дүнгүр иһигэр ийэ кыылы чуоҕур сылгы эбэтэр кыһыл эбирдээх манан саар былыт курдук ойуулуур идэлээхтэрэ [7, с. 201–202, 209]. Этимологтар суруйууларынан, *дьабыл тойону* телеуттар *чаҕал* «дүнгүр» («элэмэс ат») диэн тылларыгар тэннээн көрүү баар [25, с. 10–11]. Онон кыыл таба танаралаах дьонно дүнгүр булду биэрэр Байанай суолталаах. Ол иһин сылгы тириитинэн бүрүллүбүт дүнгүрү маска ыйыыр үгэстэн Аар Курдук мас, ойуун төрүүр Ыйык маһа уонна кэрэххэ туттуллар остуол («былыт») үөскээбиттэр диэн түмүккэ кэлэбит.

Тайбыыр, дэйбиир диэн тыллар биир олохтоохторуттан көрдөххө, эриэн сизл көтөр кынаатыгар тэннэнэр. Былыр монгуоллар «далбаа» диэн былаахтара манан мохсоҕол ойуулаах буолара танаралара (*онгоннара* – «оноруулара») дьабыл кыыл буоларын кэрэһэлиир. Ол иһин сахалар былыт эбириэнин курдук чуоҕур сылгыны *көбүллээх* («чубарый, крапчатый») диэн ааттыылара [14, стлб. 1125]. Дьиктитэ баар: монгуолларга уонна калмыктарга *өвүг* диэн тыл «өбүгэ», «көтөр көбүлэ» диэн суолталаах [24, с. 221]. Онон өбүгэ үөрэ кубаҕа, кулааһайга, балыкка кубулуйар диэн итэбэл өйдөбүлэ түн былыргы таас үйэтиттэн баара.

Саха номохторугар Омоҕой баай уола Аан Тайбыыр диэн ааттаах. Кини удьуордара, Кэлтэгэй Тобук ууһа, хотой танаралаахтара [14, стлб. 2525]. Былыр сахалар кэлтэгэй табыгы «хоро дүнгүр» дииллэрэ ойуун өбүгэлээхтэриттэн тахсара. Г.В. Ксенофонов олонхо кылгас ис хоһоонуттан биир дьикти бэлиэтээһини суруйбут: «Кус Моҕол = Хара Дьабыл төрдө» [20, с. 18]. Ол аата хотой аҕа танарата Кус Хоро буолар. Алтаайдар итэбэллэригэр Ульгень танара

¹Тоҕус Байанайдары ааттарынан аахтаахха уон иккиэлэр. Ол эрэри Э.К. Пекарская бу толору уон икки ахсааны тоҕо тэнэ суох тоҕуһунан солбуйбуттарын быһаарбатах.

уолаттарын ортотугар «Кара Куш» диэн хотой баара [17, с. 247]. Бу Ульгень ойууннарга дүгүүрү биэрэр буолан Улуу Тойону санатар. Улуу Тойонно чугас алтаайдар *Үлген* танаралара монгуолларга сир иччитэ *Үлүкен* (*Үлүген*) диэн билиниллэрэ дыкти эбит [1, с. 184]. Ойуун өбүгэтэ буолбут хотойу «Хоро Моҕол» диэн ааттыахха сөп. Билинни бүрээттэр Байбал күөл тула курыкааннар ураһалы туппут мэнэ таастарын хара монгуоллар (хоро монгуоллар) үнэр-сүктэр сирдэрэ диэн кэпсииллэр. Археолог Б.Б. Дашибалов этэринэн, онно «Идыге» («Ытык»), «Байтог» («Баай тыа»), «Манхай» («Манан Хайа»), Хашхай («Хаас Хайа») диэн сирдэр баалара сахалар өбүгэлэрэ олорон ааспыттарын туоһулуур [5, с. 52, 157, 153].

Хотой Бүргэд танаралаах Омоҕой дьонноро «Курумчи култууратын» олохтообуттара буолуо. Былыргыттан билиннэ дылы куба танаралаах бүрээттэр ураһа үрдүнэн кубалар көтөн аастахтарына үүтү ыһыахтыыр үгэстээхтэр [5, с. 162]. Ол куба буолбут Айыыһыттар илинтэн күөх быяаны дэлэтиэхтээхтэрэ. Сэһэн Боло суруйбут биир тойугар этиллэр: илин халлаан кырыытыгар аҕыс төбөлөөх кыһыл көмүс хайа кэтэҕиттэн эбир дыабыл былыт тахсар эбит. Ол айыы сиригэр туйахтарыгар тараах ойуулаах, санныларын анныгар дыабыллаах аттаах Иэйэхсит Хотун хотой куорсуннаах, муостаах бэргэһэтин туорайды (суһуохтуу) уурунан төрөөбүтэ үһү [4, с. 163]. Чороонно баар тараах ойуу самыыр бэлиэтэ буолара. Онон сылгы туйабын тыаһа этин этиитигэр тэннэниэхтээх. Иэйэхсит куорсуннаах бэргэһэ кулгаахтарын кэннигэр кынатты аннынара дыабыл былыт устан иһэрин санатар.

Былыр бар дыабыл кынаттаах сылгы аҕа ууһун ымыыта буолара. Махмуд Кашгарскай суруйбутунан, оҕуз-сельджуктар баһылыктара уһун айанна, сэриигэ баралларыгар «тубра» диэн ытык аттары этэрээт иннигэр илдьэ сылдыаллара, оттон эргиллэн кэлэн баран ол аттары босхо ыыталлара үһү. Тубра бэлиэтэ «бэчээт», «тамба», «штамп» диэн тылбаастанара [18, с. 215]. Онон оҕузтары араначчылыыр дыабыл сылгы «*тубраҕ*» диэн аата күөх түүрдэр *туб*, *тууб* «былаах», «барабаан», «билгэ» диэн тылларыгар уруулуу буолар [6, с. 584]. Этнограф Д.В. Цыбикдоржиев ыйарынан, Чынгыс хаан аҕыс атахтаах манан-чабаан былааҕа өлбүт бухатыырдары ытык сылгы тириитигэр суулаан көмүүнү кытта ситимнээбэ үһү [22, с. 255].

Саха итэҕэлигэр Улуу Тойон уолаттара Алла Буурай, Монголуун Тойон, Добун Тойон (Илбис төрдө), Оноҕой баай диэн ааттаахтара [23, с. 95]. Манна «Алла Буурай» аатыгар ала буур саһан сылдыара буолаарай? Тыл үөрөхтээбэ Г.В. Попов *дуобалаах кутуруктаах* диэн этиини эмиэ «манан уонна хара түүлээх ала былаах» диэн түүрдэр тылларыттан таһаарар [15, с. 164]. Дыабыл атыыр тыыннаах *тубра* буоларыттан быһаардахха, *табык* этимологията уонна ис өйдөбүлэ (семантиката) «тамба» суолталаах. Ол иһин Танха Хааны араҕас уйгуурдар Тамба Хаан танараларыгар тэнниибит [13, с. 146–147]. Саха ойууннара эбир дыабыл түүлээх буур табаны, тайаҕы эбэтэр элэмэс аты миинэн үөһээ тахсаллара, оттон өллөхтөрүнэ кэй кыыл тириитигэр суулланан көмүллэллэрэ. Ол аранастары сахалар «дыабыл былыт» диэхтэрин сөп.

Моџол кубас сылгы – кугас өннөөх сылгы. Г.В. Ксенофонтов 1921–1925 сыллар эргин ыһыхах туһунан кэпсээннэри хомуйарыгар *моџол кубас* сылгы баарын бэлиэтэбит¹. Кини кылгас кэпсээннэриттэн көрдөххө, *моџол кубас* диэн кумах-тынны сытыы кугас өннөөх сылгы, ону быһата *моџол ат* дииллэр. Атын кэпсээннэ моџол ат кубас буолан баран сиэлэ, кутуруга кырыарбыкка дылы өлбөөркөй соџус буолар. Оттон үһүс быһаарыыга, моџол кубас сылгы *хаан кубас* өннөөх. Моџол сылгы төрүттэрэ Түөнэ Моџол Тойон уонна Уһун Моџол Хотун. Кинилэр киһини хараѳа суох гыналлар, иирдэллэр, ол иһин сылгыны ытык туруораллар.

Моџол Тойон (Манхалыын) уонна Монголуун Тойон биирдэр. Э.К. Пекарская *моџол*, *моџул*, *монгол* диэн тыллары «улахан» диэн быһаарбыт [14, стлб. 1576, 1577]. Ол эрэри *моџол кубас* өн кумах курдук кубаххай араѳас эбэтэр уот кугас буолуон сөп. Итини биһиги араѳас уйгуурдар Танара Хаанна кугас сылгыны ытык туруоралларыттан билэбит («*кызыл атты Кан Денгирге жүзук салѳак-тро*») [13, с. 139]. Аал уот иччитин Моџул Тойону Улуу Тойон эбэтэр Айыы Тойон уола дииллэрэ. Г.Ф. Миллер суруйуутугар Улуу Тойон аата *Юс-сарагар Манаа Тойон* («үс араѳас Мунаа Манан Тойон») диэн эбит [23, с. 99]. Кини бэдэр өнүн курдук араѳас аттаѳа үс аас (манан) бэйэлээх Үрүн Айыы Тойонно тэннээѳин көрдөрөр.

Тюрколог А.Н. Кононов суруйуутунан, уйгуурдарга уонна атын да омуктарга хотугу хайысха хара, оттон соџуруу – араѳас уонна кыһыл өннөрүнэн бэлиэтэнэр эбиттэр. Түүрдэргэ уонна монгуолларга *сары*, *шара*, *шура* диэн тыллар суолталара «араѳас» уонна «манан» диэннэр. Ол өннөрүнэн сары-кыпчак, сарыѳ-уйгур, сарык-туркмен, сарых-сагай, алты-сары, джети-сары биис уустара ааттаммыттар [12, с. 160, 174]. Омоѳой дьоно Улуу Тойонно Манхай хайатын оройугар сизэр-туом ыппыттара буолуо. Былыр уйгуурдар манан уонна кугас араѳас, оттон монгуоллар хаан кугас, өһөх хонгор өннөөх сылгыларга ытык ыспыт буолуохтарын сөп.

Н.П. Яковлев (Куруппа ойуун) кэпсээнинэн, былыр ытык сылгылаах ыаллар эрэ ыһыхах ыһар кыахтаахтара. Хойут ытык ыһыттан ыһыхах туспа арахсан ытыттар буолбут. Ытык ыһыы иннинэ табык туруоруу баар үһү². Мантан быһаардахха, ытык табыгы тумулга таһааран тыаһаталлара. Ол иһин үөһээ халлаан саламата буолбут *байах сылгы* сиэллээх кутуругун *байдъараах*, *бадьарах*, *байраак* «томтор, булгунньах» диэн тылларга тэнниирбит табыгастаах [15, с. 112]. Г.В. Попов манна түүрдэр *байрак* (тат. *буерак*) диэн тылларын холобур аѳалбыта түбэспиччэ буолбатах: *байрак* биир суолтата «былаах» диэн этэ. Томторго дуоѳаны туруорар оѳузтар атыыр тэбиэни «буѳра» диэн ааттыыллара буѳу табаѳа сүгүрүйүүттэн тахсара. Онон скифтэр саѳаттан ытык табыгы кургаанна туруорар үгэстэн ыһыхах үөскээбит диэххэ сөп.

¹Ксенофонтов Г.В. Материалы по верованию якутов, описание камлания шаманов и о празднике ысыах. 1921–1925 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 1, д. 126, л. 189, 190, 198об.

²Константинов Х.И. Ойуун кырыыллара. 1941 с. / Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 537, 60 л.

Былыр мэнгэлэр Быйан ойууну ытык араҕас сылгы тириитигэр суулаан баран аранаска уурбуттарын туһунан үһүйээн баар. Ити кэпсээннэри түмэн, монгол сылгыны моҕул ураһаҕа тэннибит: туос ураһа хаанынан оҕунохтаныахтааҕа, оччоҕо ис бараана, түүлээх дулҕалара (атахтара) кыһыл моҕол өгнөнүөхтээхтэрэ. Итинник ойуулаан көрүүбүн М. Фасмер *могила* (*слав. *mogula*) диэн тылы татаарды *mogul*, мариэллы *migo'lo* «бугул» диэн тылларга тэннээбитэ бигэргэтэр [21, с. 635]. Төгүрүк кэбиһиилээх от курдук моҕол ураһаны монгуоллуу *мобул*, *мобулчаб* «мөкүрүк, мөкүчүк» диэн тылларга ханыылы тытуохха сөп [24, с. 172]. Манна саһарбыт саһыл от өгө аат тылга кубулуйбута көс биистэр күһүн мас хагдарыйыта киһини кистиир кэмнээхтэрин көрдөрөр.

Г.В. Попов түүрдэр *богул*, *богол*, *бубул*, *мубул* диэн тыллара монгуоллуу *бухул* диэнтэн тахсыбыттарын ыйар [15, с. 153]. Ити тэннээһинэ оруннаах: Э.В. Севортян *бубул* диэн тылы монгуоллар *боох*, *бокуку*, *боҕоху*, түүрдэр *боб*, *бобу* «түмэ баайы», «сабы», «суулааһын» диэн биирдик өйдөнөр тыларыттан таһаарбыта [19, с. 166]. Манна аатырбыт Боох Дьиэкси ойуун Алтан Харах удьуора буоларын санаан кэлэбит. Кини хаас күһүн собуруу барар кэмигэр хараллыахтааҕа уонна добдурҕа саҕана дыбыныгар аттаныахтааҕа буолуо. Ити кэми мунаа манан аттаах Мудан Эрили аата монгуоллуу *буданг*, *будан* «ыыс быдаан, туман» диэн тыллартан тахсыбыта туоһулуур [15, с. 154]. Улуу Тойон тымныы тыыннанара хара монгуол итэҕэлиттэн киирбитэ буолуо. Моҕоло эбэтэр «дириг түһүлгэ» илгэни, ыччаты биэрэриттэн сэрэйдэххэ, күһүн көмүллүбүт киһи кута саас эргийэн төрүүхтээх. Ол иһин кини ийэ кыыл иһигэр үөскүүр кэмин ааҕан биир сааһы эбэллэрэ.

Былыр сахалар ыныырдаах аттары өлбүт иччилэрин кытта көмөллөрүгэр ииннэрин аттыгар үнүгэс муостаах, дьэрэкээн моойдоох куралай сэргэни анһаллара. Э.К. Пекарский холобуругар этиллэринэн, кураҕаччы сүүрүк аттаах Куралай Бэргэн булчукка оҕунан таба ытарыгар көмөлөһөр уонна араҕастыны кугас сиэлэ-кутуруга манан сылгыны айан биэрэр [14, стлб. 1241]. Оттон хаһаахтарга *куралай* «хайа кыыла», «сайгак», «газель», «джейран» диэн тылбаастанар. Кинилэргэ бэргэнник ытааччы оҕунан куралай харабын табар диэн өс хоһооно баар [9, с. 377-378]. Дьикти кэпсээни кыргыыстарга эмиэ булабыт: олох куралайы *куран* (*элик*) «атыр туртас» эбэтэр *жейрен* «газель», «джейран» дииллэр. *Жейрен* иккис өйдөбүлэ «кугас өн» диэн эбит. Кыргыыстар «элик ыйа» диэн кулун тутар, муус устар ыйдары ааттыылар [11, с. 243, 447, 448]. Сахалар эриэн моойдоох куралай сэргэни тула аттаах эргийэн манан араҕас, кубас моҕол сылгылаах төрдүгэр өлбүт киһи кутун атаараллара буолуо.

Тюркологтар быһаарыларынан, сылгылар өгнөрүгэр *йеерен*, *дьерен* (**йегерен*) уонна *кула* диэн тыллар «сахархай», «кытархай», «хонор» уонна «сырдык араҕас», «сырдык кугас», «кугастыны араҕас», «сир» диэн майгыннаһар өйдөбүллээхтэр [25, с. 24; 26, с. 121, 122]. Саас кэлиитин бэлиэтиир куран кыыл куланы уонна кулуну кытта биир ситимнээх. Ол иһин Алтаай көмүүлэригэр көстөр кугас аттар кыһыл көмүс муостаах чубуку, хайа кийик кыыла сирэй сабыылаахтара көмүүгэ кэтиллэр амнах таһаһы санатар. Мантан быһаардахха,

кыһыл көмүс таба сирэйэ чопчулаах дыбака бэргэхэбэ баар көмүс туоһахтанан солбуллубут, онтон хойут күһэнэбэ кубулуйбут. Кулааһай күнү кытта ситимнээх тыа-хайа кыыла буоларын хаһаахтар *кола* «дьэс алтан», «чан алтан», *коламта* «кытарбыт чох» [10, с. 186] диэн тыллара туоһулуур. Ураһа ортотугар баар холумтан былыргы алтан күһэнэни санатар.

Бү күлэр күһэнэ (төгүрүк боруонса) кугас арабас өгнөөбө түүрдэр кыырт, элиэ, сарт, кутуйахсыт көтөрдөрү *кулаты* «сырдык арабас» диэн ааттыылыларыгар сөп түбэхэр [26, с. 128]. Ону кулааһайга тэнниир буоллааха, скифтэр көмүс табаларын муостара кураахтыы эриллэн көтөр тумсугар кубулуйара. Олонхоҕо түүтэх от төргүүлээх, үрүн көмүс илиилээх, кыһыл көмүс астаах, хатын кулуулаах айыы дабыксытара үс буолан иллыккэ, быһыһырга түһэллэрэ үһү¹. Бу олонхо сюжетыгар баар *куллуу* (*кулдьуу*?) «кымныы» диэн түөлбэ тылы хаһаахтар уонна кыргыыстар *кулжа* «чубуку», «хайа кыыла», «серна»; «бэс ыйа» диэн тылларыгар чугаһатыахха сөп [26, с. 131]. Былаайах кымныы суолталаабыттан быһаардахха, айыы табыксыттарын уһун былаайахтара түүрдэр *булан* (**бубулан*) «таба», «тайах», «кулан», «кыфчактар бултуур улахан кыыллара» диэн тылларыттан тахсар [19, с. 260]. Ол иһин ойуун табык охсоругар манан таба туйабын тыаһын үтүгүннэрэн тыаһатыахтааба.

Түмүк. Саха итэҕэлигэр дыбыл былыт эбир түүлээх, хотоҕой куорсуннаах көтөргө холонон ойуун көмөлөһөөччүтэ буолар. Ол былыкка олорон ойуун үөһэ халлаанга көтөр. Ити иһин кини этиннээх ардабы аҕалар кыахтаах айыы ойууна аатырар, дүнүрүн кирсин хотой куорсунунан киэргэтэр. Ойуун табаны, тайабы, туртаһы, кулааһайы, чубукуну миинэн кыыраар диэн өйдөбүлтэн дыбыллаах сылгы итэҕэлэ тарбаммыт. Ойуун аранҕаһын аттыгар куралай сэргэбэ дүнүрү ыйыыр үгэстэн «алтан сэргэ» өйдөбүлэ үөскээбитэ буолуо. Былыр ытык ыйыы Улуу Тойонно анаһара. Кугас моҕол сылгылары айааччы Моҕол Тойон уонна Куралай Бэргэн аҕалара Улуу Тойон (= Айыы Тойон) маннай булду-алды биэрэр булчуттар тангаралара быһыылаах. Туос сабыылаах моҕол ураһа күһүн ытык киһини «диринг түһүлгэбэ» (моһолоҕо) көмүүнү кытта ситимнээбэ сэрэйиллэр. Ойуун кута саас эргийэн төрүүр диэн өйдөбүлтэн өбүгэлэргэ сүгүрүйүү сирэ-туома үөскээбит. Саха түөлбэ тылларыгар собуруунну кыыллар ааттара биллэн ааһарыттан сэрэйдэххэ, ойууннааһын хайалаах Киин Азия сиригэр-уотугар үөскээбит. Ол иһин түүрдэр уонна монгуоллар төрүт итэҕэллэрэ, ойууннааһыннара элбэх маарыннаһар өрүттээхтэр диэн түмүктүүбүн.

Литература

1. Банзаров Д. Собрание сочинений. Изд. 2-е, доп. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 240 с.
2. Васильев В.Е. Ийээчи Дьөһөгөй уонна хомноох иһит: төрүт итэҕэл умнуллубут тыллара // Терминология и терминография в междисциплинарном измерении: сб.

¹Боло С.И. Записи по верованиям якутов бывшего Колымского улуса. 1940 г. / Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 438, л. 36-37.

науч. статей по мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию со дня рожд. Г.В. Баишева-Алтан Сарына / ред. кол.: Н.И. Данилова (отв. ред.) и др. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2023. – С. 168-173.

3. Васильев В.Е. Сакральная история северных кочевников в культурной памяти народа саха // История Якутии: в 3 т. Т. I / Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 259-273.

4. Васильев В.Е. Религиозный ландшафт: картина мира, сакральная лексика и универсум триады народа саха // Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы / под общ. ред. Е.Н. Романовой, Н.К. Даниловой. – Новосибирск: Наука, 2023. – С. 149-178.

5. Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.

6. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.

7. Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.

8. Иванов С.А. Названия атмосферных явлений в якутском языке и его говорах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 3 (16). – С. 74-84.

9. Казак эдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 10-том. / Кураст.: М. Малбаков, Н. Онғарбаева, А. Үдербаева және т.б. – Алматы, 2011. – 10-том. – К–М. – 752 б.

10. Казахско-русский словарь / Отв. ред. А.Б. Алибаев. – Казиздат, 1936. – 266 с.

11. Киргизско-русский словарь / сост. проф. К.К. Юдахин. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. – 973 с.

12. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник–1975. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. – С. 159-179.

13. Малов С.Е. Язык жёлтых уйгуров. Тексты и переводы / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967. – 220 с.

14. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. 1958, 1282 стлб; Т. II. 1959, 2508 стлб; Т. III. 1959. 3858 стлб.

15. Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч.1: А – Дь).

16. Потапов Л.П. К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая // Советская этнография. – 1970. – № 3. – С. 86-93.

17. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. – 321 с.

18. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / сост. и отв. ред. Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. – М.: Восточная литература, 2005. – 1053 с.

19. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Отв. ред. Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1978. – 349 с.

20. Улуу олонхонут Бүөтүр Куолаһап / Бэчээккэ бэлэмнээтэ В.И. Алексеев. – Дьокуускай, 2010. – 88 с.

21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. В 4-х томах. Т. II (Е – Муж). – М.: Прогресс, 1967. – 671 с.

22. Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят) / Отв. ред. д.и.н. Б.Р. Зориктуев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 292 с.

23. Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв.: сб. науч. трудов / Отв. ред. чл.-корр. Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 94–119.

24. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. – М.: ИВ РАН, 2016. Том II. – G–P. – 2016. – 232 с.

25. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюрк. и межтюрк. лексические основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Отв. ред. Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – 293 с.

26. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюрк. и межтюрк. лексические основы на букву «К». Вып. 2 / Отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: «Индрик», 2000. – 265 с.

УДК 39(397)

О НЕКОТОРЫХ ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНАХ ИЗ ЯЗЫКА САХА В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУНГУСОВ ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА

Алексеева Сардаана Анатольевна

Аннотация. В данной статье приводятся некоторые заимствованные термины из языка саха в материальной культуре тунгусов, которые нашли отражение в авторской монографии В.Н. Васильева «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов», написанной по результатам Тунгусского этнографического подотряда Комиссии по изучению производительных сил Якутии в 1926–1928 гг. Отмечается большая якутизация быта населения этнолокальной группы полуоседлых алдано-майских тунгусов по сравнению с бродячими аяно-охотскими тунгусами, что послужило причиной для заимствований в материальной культуре, в т.ч. в одежде, пище и т.д. Выявленные особенности одежды были продиктованы различными условиями жизни у полуоседлых скотоводов и земледельцев Алдана и Май, у бродячих оленеводов-охотников тайги и у рыбаков побережья Охотского моря. Соответственно, одежда бродячих тунгусов, нося на себе следы влияния своих полуоседлых сородичей, отличалась лишь большим употреблением оленьих шкур и ровдуги, с меньшим распространением тканевых одежд. Далее приведены заимствованные термины из языка саха в пище алданских тунгусов, отмечается значительная разница

© *Алексеева Сардаана Анатольевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории и культуры ИГИИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, alexeeva_sar@mail.ru

в рационе в сравнении с пищей полуоседлых охотских приморцев, основой питания которых являлись мясо и рыба.

Ключевые слова: тунгусы, авторская рукопись В.Н. Васильева, материальная культура, заимствованные термины.

В настоящем докладе речь пойдет о некоторых заимствованных терминах из языка народа саха в тунгусской культуре по экспедиционным материалам Виктора Николаевича Васильева (1877–1931), уроженца с. Амга Амгинского района Якутии. В рамках Тунгусского этнографического подотряда КЯР – Комиссии по изучению производительных сил Якутии он совершил две масштабные экспедиционные поездки к алдано-майским и аяно-охотским тунгусам в 1926–1928 гг. Район изучения проходил в местах расселения полуоседлых и бродячих тунгусов Алдано-Майского района ЯАССР и Аяно-Охотского района Дальневосточного края в течение 11 и 4 месяцев соответственно.

Тунгусы (эвены и эвенки) заселяют огромное пространство от междуречья Оби и Енисея на западе до Охотского моря на востоке и от полярной тундры Восточной Сибири на севере до Амура на юге, отдельные группы тунгусов также проживают в Китае и Монголии. Необычайно широкое расселение тунгусов в сочетании с их небольшой численностью представляет собой действительно уникальное явление в истории человечества.

Необходимо отметить, что в историко-этнографической литературе вплоть до 1931 г., когда официально был установлен этноним эвенки, русские называли их тунгусы (включая и эвенов). Известный тунгусовед Г.М. Василевич высказала предположение, что первоначален общий этноним *эвен*, а суффикс *-ки* добавлен после расселения из Центральной Азии к северо-востоку и этнического обособления от тунгусской общности [1, с. 34–49]. В документах VII века был этноним *увань*. Другие названия этого народа илэ, килэ, орочен, отдельных групп их – *солон*, *бирак*, *самагир*, *манягир*, *кумарчен*, *мурчен*. Из соседних народов только ближайшие родственные им негидальцы называют их *эвонки*, остальные по-разному: тунгусоязычные народы Приморья – *киле*, *килен*, нивхи – *киль(гу)*, маньчжуры – *уорончо (орочон)*, монголы – *хамныган*, западные буряты – *калджакшин*, нарымские селькупы – *джумел куп*, ханты – *келеен*, *куеллен* [2, с. 64].

По результатам Тунгусского этнографического подотряда под руководством В.Н. Васильева им была написана рукопись «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» объемом 1547 л., которая долгое время хранилась в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, пока не была выкуплена нашим Институтом на правах совместного опубликования в 2009 г. Однако представление о том, что это за труд, можно получить уже на основе «Предварительного отчета о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926–1928 годах», опубликованного в 1930 г. в Материалах Якутской Комиссии [3].

Эта рукопись состоит из семи разделов: физико-географический очерк, краткий исторический очерк, расселение и численность населения, домаш-

ний быт, хозяйственный быт, промыслы, экономическое положение тунгусов. К огромному сожалению, коллеги автора после его смерти в 1931 г. не нашли третий и шестой разделы этой рукописи. И это еще не все, а только первая часть задуманной автором работы. Часть вторая, по замыслу автора, должна была быть посвящена верованиям тунгусов, но осталась ненаписанной, тую его черновых записей, материалы ко второму тому труда В.Н. Васильева общим объемом 953 л. хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН отдельно: фонд 47, опись 1, д. № 887 [4].

Далее остановимся более подробно на четвертом «Домашний быт» с главами и пятом разделах «Хозяйственный быт», посвященных материальной культуре тунгусов.

Как отмечает в этой главе В.Н. Васильев, «как и при всяком столкновении различных встречных культур, у тунгусов с их соседями – якутами и русскими, шли разнообразные взаимные заимствования во всех отраслях из хозяйственной жизни. Заимствовали, естественно, кое-что в устройстве жилищ, одежде, пище, способах промысла и даже в нравах и обычаях у более приспособившихся к местным условиям тунгусов более поздние пришельцы – якуты и русские. Также понятно, конечно, что влияние и заимствования эти были тем сильнее и глубже, чем ближе и теснее было соприкосновение с той или иной народностью. Отсюда и наблюдающаяся большая якутизация тунгусского быта по Алдану, Мае и Аллаху, где соприкосновение с компактной кастой якутов началось значительно ранее появления русских, проникавших туда к тому же и в несравненно меньшем количестве и несколько большее, а местами даже превалирующее, влияние русских на побережье Охотского моря, куда якутское влияние заносилось больше не непосредственно, а через обьякутевших тунгусов же, при оживленной в тех местах деятельности русских. Менее подверженными этим двум влияниям, а потому и более устойчивыми в смысле и большего сохранения своих хозяйственных форм, оказались, естественно, бродячие тунгусы, разбросавшиеся по глухим углам тайги, и мене соприкасавшиеся поэтому, как с якутами, так и с русскими [5, с. 271-272].

В частности, в главе, посвященной одежде, нарядах и украшениях он писал, что «если костюм этот возник путем естественной эволюции, то последняя уже не пошла, видимо, много дальше, сменившись вскоре прямыми заимствованиями у появившихся к этому времени соседей – якутов. ... мода эта проникает постепенно и дальше в тайгу, частично к бродячим тунгусам и заносится якутами и в районы Аяна и Охотска, где не получает, впрочем, такого широкого распространения, как по Алдану [5, с. 301].

Теперь перейдем непосредственно к заимствованным терминам из языка саха в одежде полуоседлых тунгусов. В.Н. Васильев подчеркивал, что эти костюмы более или менее общеизвестны в литературе, в частности об одеждах тунгусов и якутов разбросано немало сведений и описаний в трудах Миддендорфа, Маака, Серошевского и др. Однако одни условия жизни у полуоседлых скотоводов и земледельцев Алдана и Май, другие – у бродячих оленеводов-о-

хотников тайги и несколько иные опять-таки у рыбаков по преимуществу, на побережье Охотского моря. Эта разность условий не может, естественно, не отражаться и на одеждах обитателей этих районов. Не могут не различаться костюмы и по сезонам года. Имеется разница, конечно, и между одеждами мужчин, женщин и детей. Существуют, наконец, одежды будничные, повседневные и одежды нарядные, носимые лишь в известных торжественных случаях. Все это дает, при отмеченной общности характера костюмов, и некоторое разнообразие их как по материалам, так и по покрою и типу [5, с. 302–303].

Итак, существенная часть мужского домашнего костюма – это верхняя рубашка или блуза (як. ырбāхы) и домашнего шитья пиджаки (полтуо или халтан сон). Изредка встречаются собственного шитья двубортные жилеты (сāliāччik). Голова повязывается сложенным в виде бинта, по диагонали, бумажным платком (як. былāt), прикрывающим темя и уши и повязывающимся под подбородком. Поверх этого на голову надевается какая-нибудь легкая шапка (як. бāргāсā), больше с меховой тульей и матерчатым верхом, а часто из полувывертой оленьей лобной шкуры или камусов, сшитая низеньким котелком. Руки защищаются легкими рукавицами (ūtŭlŭk) из ровдуги, заячьими исподками, или сшитыми из оленьих камусов, как те, так и другие, как и вообще всякие тунгусские рукавицы, снабжаются спереди, ниже основания большого пальца, поперечным разрезом, для выпуска кистей рук при работе, без сбрасывания самих рукавиц. На ногах – те же наколенники камусные – сутуруо и ѓмчŭрā с теми же суконными чулками и заячьими получулками – полуподвертками. У более имущих встречаются вместо сутуруо и ѓмчŭрā длинная, выше колен, обувь из оленьих или лосиных камусов (як. тыс ātārbāс), шерстью вверх, носимая с теми же чулками и заячьими подвертками.

Основной частью охотничий рабоче-промыслового костюма являются надеваемые поверх портков короткие штаны натазники (як. тŭраґас сыја), с первыми зачатками гач, спускающимися лишь до половины бедер. Шьются они или из оленьего меха с подстриженной наполовину шерстью, обращенной внутрь, или из ровдуги на заячем меху внутри. Рядовой выходной костюм летом состоит из надеваемой поверх платья или цветной, бумажной ткани, однобортной безрукавки (хасыаччык) длиной чуть выше колен [5, с. 308–311].

В недавнем прошлом, в женских нарядах, как и в мужских, безраздельно царила якутская мода – отмечает В.Н. Васильев. Костюмы состоятельных полуоседлых тунгусок были те же, что описанные подробно Мааком, Серошевским и др. у богатых якуток. Так, женщины носили богатые шубы, крытые сукном и шелком, с широкими каемками по обшлагам рукавов, подолу и борту, из рыси, морского бобра, выдры или чернобурой лисы и украшенные серебряными бляшками и бисером (як. бууктаах сон), с теми же буками и байтовыми с кладками, или рысьи дохи, дорого ценившиеся тогда якутами. Шапки (як. дѣбака бэргэсэ) носились из бобра, рысь, выдры, чернобурой лисы формы близкой к киргизским малахаям, но с выступающей отдельно клиновидной верхушкой из парчи или черного и красного сукна, с прикрепленной к ней

спереди круглой серебряной пластиной (тусахта), украшенной резьбой. В ходу были и все якутские женские серебряные украшения: кольца, серьги, крест на длинной пластинчатой цепочке, носимый поверх платья, воротничек (як. моі симага), манжеты (богох), шейный обруч в мизинец толщиной (як. кылдьы), с привешенным к ней спереди грудным украшением из серебряной пластины с рядом свешивающихся от нее пластинчатых цепочек (як. ilín kabıcar) и сзади спинным украшением (kalín kabıcar) таким же, только длиннее и шире и, широкий наборный пояс – все якутской работы, украшенные тонкой резьбой [5, с. 320-321]. Так же ни писал о том, что якутская мода в одеждах довольно распространена была в прошлом и у полуоседлых туземцев Приаянского и Охотского районов, в ходу были те же мужские и женские шубы, шапки из лисьих лап, рыси, выдры и бобра, рукавицы из лисьих лап и пр. Не были только в большом распространении женские серебряные украшения. Но якутские костюмы не привились, однако, там в такой мере, как в Алдано-Майском районе и не вошли во всеобщее употребление [5, с. 322]. Одежда бродячих тунгусов, нося на себе следы влияния своих полуоседлых сородичей, отличается от костюмов последних лишь большим употреблением оленьих шкур и ровдуги, с соответственно меньшим распространением тканевых одежд [5, с. 326].

Далее в разделе, посвященном пище, В.Н. Васильев пишет, что всем выше-сказанным обуславливается и некоторое разнообразие пищи современных тунгусов по разным районам. Пища алданских тунгусов, соответственно значительному объёкутению всего быта, аналогично вполне пище соседей якутов, с теми же заимствованиями и влияниями, какие усвоены и самими якутами от русских, но привившимися к тунгусам частью и непосредственно от последних. Все виды пищи полуоседлых тунгусов Алдано-Майского улуса составляются из хлеба, молочных продуктов, мяса домашних и диких животных, рыбы и птицы и отчасти из картофеля, некоторых диких растений и ягод. Главное место среди этих продуктов в настоящее время занимают хлеб и молочные продукты [5, с. 354].

Стряпня из муки (бурдук) далеко не разнообразна, готовят из нее лепешки (lanıasca) и оладьи (алайы), варят кашу (хасы) и затуран (сутуран), делают подболтку (caliai) к супу и стряпают так называемые саламат и барыгынас [5, с. 355]. В повседневном употреблении из них лепешки. Но самым лучшим кушаньем не только из муки, но и вообще считается саламат. Для тунгуса, по определению Миддендорфа, это «такая божественная пища, с которою ничто не может сравниться» [6, с. 714]. Род саламата же представляет и барыгынас, приготовляемый состоятельными людьми в летнее время, на скорую руку, для гостей [5, с. 358].

Столь же существенное место в питании, как и хлеб, если не больше, у полуоседлых тунгусов скотоводов занимают молочные продукты. главная масса молока идет на изготовление разных молочных продуктов, каковы: творог (jıaıagaı), тар, род простокваши – (суорат), сливки (суогаı), сбитые сливки (курчах), сметана – (асы суогаı), хажах и масло белое (сікаı ары) и топленое (бусу ары или ıaıkıp ары) [4, с. 363].

Весьма видное место в пище полуоседлых тунгусов занимают и мясные, и рыбные продукты, в питании которыми наблюдается некоторое превалирование по временам года одних видов продуктов над другими. Приготовления из мяса несложны. Чаще всего его варят с супом. Суп (мин), однако, получается наваристый, благодаря большому количеству варева. Любимое кушанье и вареная кровяная колбаса (хан), лучшей из которой является сделанная из более жирной толстой кишки (бысас хан) и несколько худшей – из тонких кишок (осоѳос хан) и слепой кишки (мунгур хан) [4, с. 373, 375].

Рыба, занимавшая в прошлом первостепенное место в питании алданских тунгусов, в настоящее время уже утратило это значение. Для всей массы населения значение ее уступает не только растительному и молочному питанию, но и мясному, конкурируя с последним лишь у немногих. Идет в уху всякая рыба. Наиболее любимая и ценная рыба в этом приготовлении, конечно, стерлядь или осетр (хатыс), а за ними таймень или ленок. Очень ценится и редко встречающаяся нельма (тет балык). Весьма ценится в ухе и хороший карась (собо), дающий вкусную уху. Прикишечную кашницу и икру карася едят с растопленным маслом, наливаемым ложкой внутрь рыбы. Варят уху и из налима (сыалысар), щуки (сордон), окуня (алысар), хариуза (ѳаргӕтта) и др., но рыбы эти по качеству ценятся много ниже вышеназванных [4, с. 385].

Но, как отмечал В.Н. Васильев «в результате этой поездки, вместе с данными переписи выяснилось, что всего в 5 наслегах Алдано-Майского улуса имеется 1612 голов душ тунгусов обоего пола и всех возрастов. Все население это – обьякутевшее совершенно, утратившее свой язык и усвоившее себе якутский язык, верования, скотоводческо-хозяйственный образ жизни и пр. Но по своим национальным чертам, характеру, нравам, некоторым обычаям и промыслам оно тем не менее сильно разнится от якутов; тунгусы в этом смысле и остались тунгусами, какими были когда-то. Открытый, прямой нрав, гостеприимство, откровенность, честность, доверчивость, жизнерадостность, со своеобразным соблюдением собственного достоинства, резко отличают их от якутов» [3, с. 66].

Итак, в данной статье мы привели лишь небольшое количество заимствованных терминов из языка саха в тунгусской материальной культуре (одежде, пище) у этнолокальной группы обьякученных полуоседлых алдано-майских тунгусов по экспедиционным материалам В.Н. Васильева, нашедших отражение в его авторской монографии «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов», написанного по результатам Тунгусского этнографического подотряда Комиссии по изучению производительных сил Якутии в начале XX века.

Литература

1. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. – 1946. – № 4. – С. 34-49.
2. Этническая ономастика. Отв. ред.: Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. – М: Наука, 1984. – 191 с.

3. Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926-1928 годах. В.Н. Васильев / Акад. наук Союза Совет. Социал. Респ. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. – 86 с.
4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 47. Опись 1. Ед хр. №887.
5. Васильев В.Н. Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов / Отв. редактор и составитель С.А. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2024. (объем 55,5 п.л.).
6. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II, отд. 6. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1860-1878. – 570 с.

УДК 903.02(571.56-37)«16/17»

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ДОЛИНЫ Р. СУОЛА XVII-XVIII вв.

Прокопьева Александра Николаевна

Аннотация. Поселение Холлубут Отех расположено на среднем течении р. Суола Мегино-Кангаласского улуса. Памятник был открыт в 2021 г. и предварительно датирован XVII–XVIII вв. В ходе археологических раскопок поселения был выявлен керамический комплекс, имеющий архаичные черты в виде относительной тонкостенности сосудов, прямого венчика и налепных рассеченных валиков. Во время разведочных работ на прилегающей к поселению территории, было открыто еще несколько поселений XVIII в. Здесь были собраны фрагменты керамики, имеющие кулун-атахский тип декорирования, а также схожую технику формовки сосуда. Саха-французская экспедиция в могиле XVIII в. Юрюнг-Мыран I в 1,5 км от поселения обнаружила глиняный горшок кулун-атахского типа. Совокупность материалов из поселений и погребений, исследованных на территории долины р. Суола ее среднего течения позволяет говорить о наличии локальных особенностей в керамических традициях жителей р. Суола. Характерной особенностью памятников является тяготение к кулун-атахским традициям изготовления и декорирования сосудов, сохранение качественных характеристик теста формовки. Выводы требуют дальнейшего подтверждения путем систематического изучения археологических памятников долина р. Суола и проведения сравнительного анализа с керамическими комплексами эпохи кулун-атахской культуры и якутских поселений XVII–XVIII вв.

© Прокопьева Александра Николаевна, научный сотрудник лаборатории «Человек в Арктике» ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, sendiele@gmail.com

Ключевые слова: поселение, погребение, средневековые, кулун-атахская культура, керамический комплекс

Территория долины р. Суола является одним из значимых объектов для археологического изучения, т. к. фигурирует во многих легендах о происхождении родов мегинских якутов, рассказах о свадебных и погребальных обрядах [6, с. 152–160; 7]. В преданиях говорится, что проживавшие здесь роды отличались своим богатством благодаря большому количеству конного и рогатого скота, тучные стада вольно паслись на щедрых долинах реки, а травы было столько, что люди и скот становились невидимыми [6, с. 152]. Богатство местных якутов подтверждается материалами погребальных памятников: с начала XX в. долина р. Суола стала объектом археологического изучения. Якутским музеем в 1929 г. в местности Таастаах было изучено воздушное погребение [3, с. 276], а в 1937 г. был раскопан родовой могильник Идельгиевых и погребение богача Аба Уос Дьорго Идельгиева [3, с. 222]. Уже в 2000-е гг. изучение погребальных памятников было продолжено Саха-французской археологической экспедицией [5], а в последние годы Заречным отрядом археологической экспедиции ИГИиПИМНС СО РАН. Изученные погребальные памятники практически все являются погребениями знати, изучены как родовые могильники, так и отдельные захоронения воинов и представителей элиты XVII–XVIII вв.

Поселенческие памятники в долине р. Суола пока не многочисленны, но это направление является перспективной. Так, в 1990-е гг. у с. Бютейдях в м. Сэндизлэ были открыты поселения кулун-атахской культуры [1]. Поселения дали богатый керамический и костяной инвентарь, обогативший типологический ряд кулун-атахских сосудов и их орнаментации, а также новые данные о религиозных воззрениях кулун-атахцев [2].

В полевой сезон 2021 г. Заречным отрядом археологической экспедиции ИГИиПИМНС СО РАН было обследовано среднее течение р. Суола. Близ с. Харба-Атах были проведены разведочные работы на долине реки и прилегающих аласах. В аласе Холлубут Отех было открыто поселение эпохи кыргыс етехов, где в 2023 г. начались раскопочные работы. Раскоп захватил северо-западный угол жилища, где выявлены остатки стен. Судя по ним, стена состояла из вертикально вкопанных бревен, плотно подогнанных друг к другу. Так же выявлены остатки деревянного перекрытия крыши. Судя по состоянию деревянных конструкций, жилище горело, но подробности станут известны только после полного изучения памятника.

На данном этапе изучения на поселении выявлен керамический комплекс, состоящий как минимум из 8 сосудов. По своему общему облику сосуды вполне соответствуют своей эпохе, благодаря своему профилю и характерному декору. Профиль сосудов сформирован путем наложения налепа на венчик, о чем свидетельствуют технологические трещины на изломе сосудов. Подобный способ утолщения венчика встречается среди сосудов XVII–XVIII вв. [4, с. 93].

При этом на поселении еще не найдено ни одного фрагмента сосуда с отогнутым наружу венчиком – наиболее характерным профилем для XVII–XVIII вв.

На подвенечной части некоторых сосудов присутствует налепной остро-реберный валик подтреугольной в сечении формы, характерный для сосудов XIV–XVII вв. Два сосуда декорировано горизонтальным рядом из штампованного узора в виде ёлочки или *таңалай ойуу*. Для двух других сосудов использован штамп в виде четырехчастного круга разных размеров.

Особенностью сосудов из поселения Холлубут Отех является относительная тонкостенность. Так, толщина стенок составила 4–5 мм, в придонной части достигает 7–8 мм. Тесто довольно плотное, имеются примеси мелкого шамота и мелкого речного песка. Цвет большинства черепков темно-коричневый с сероватым или розоватым оттенком, но один сосуд имеет светло-серый цвет и изготовлен из теста с большим количеством речного песка.

Подъемные сборы были проведены в соседних аласах, где так же были собраны фрагменты сосудов с тонкими стенками и более архаичным декором в виде налепного валика с рассеченным декором в виде сетки. Подобная техника декорирования характерна для сосудов кулун-атахской культуры и является одним из ее маркирующих элементов [4, с. 40]. Сосуды со сходим декоративным оформлением были обнаружены на памятниках Сэндиэлэ, Мамыкан, Кулун-атах.

Видимо, архаичность облика сосудов характерна для долины р. Суола. Примером этого служит сосуд, найденный в надмогильном сооружении женского погребения XVIII в. Юрюнг-Мыран I, обнаруженном Саха-французской экспедицией в 800 м от поселения Холлубут Отех на коренной террасе р. Суола [5]. Это апплицируемые части одного сосуда, типичного для кулун-атахского времени облика. Сосуд плоскодонный, толстостенный, серовато-коричневого окраса. Под прямым венчиком проложен декор в виде параллельных налепных валиков, соединенных между собой перпендикулярными налепными валиками. При этом, декор сосуда имеет два вида и вертикально разделяют сосуд на две части. На одной стороне между параллельными валиками проложены перпендикулярные, соединяющие их между собой и образующие небольшие окошки. На другой стороне между параллельными валиками сформированы небольшие круги их таких же валиков. Все выступающие детали украшены рассеченным рисунком в виде сетки.

Судя по обнаруженному материалу и проведенному сравнительному анализу, на изученной территории вплоть до конца XVIII в. сохранялись керамические традиции кулун-атахского времени. Это касается не только способов декорирования сосудов и орнаментальных мотивов, но и технологии изготовления сосудов. Как правило, сосуды XVIII в. свидетельствуют о постепенной деградации керамических традиций, сосуды становятся больше по объему, толщина стенок доходит до 10–12 мм, тесто становится рыхлым и некачественным. А фрагменты керамики, обнаруженные на раскопе, во время разведочных работ и в погребении Юрюнг-Мыран I, свидетельствуют о все еще высоком уровне качества керамики и преемственности культурных традиций с эпохи средневековья.

Литература

1. Алексеева А.Н. Анализ музейных предметов-подлинников палеоэтнографических фондов Мегино-Кангаласского краеведческого музея как исторических источников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради: научный журнал. – 2008. – № 31 (69) – С. 17–22.
2. Алексеева А.Н. Религиозный компонент в материалах средневекового поселения Сэндиэлэ // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2008. – С. 261–263.
3. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). / отв. ред. д. ист. н. А.И. Гоголев; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т социал. проблем труда, Якут. гос. объедин. музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. – Новосибирск: Наука, 2008. – 294 с.
4. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV–XVIII вв. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1990. – 192 с.
5. Дюшен С., Попов В., Жерар П., Алексеева Л., Жибер М., Жирков Э., Обутов И., Марти Б., Колодезников С., Николаева Д., Абрамов А., Амори С., Гоголев А., Крюбези Э. Этногенез якутов и мир мертвых // Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – С. 73–110.
6. Исторические предания и рассказы якутов = Саха былыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ / Акад. наук СССР, Якут фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории; изд. подгот. Г.У. Эргис; под ред. А.А. Попова; отв. ред. Н.В. Емельянов. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Ч. 1. – 322 с.
7. Сосин И.М. Суон сурахтаах Суола үрэх: уочаркалар, эсселар, бэлиэтээһиннэр / Иннокентий Сосин; эппиэттиир эрдээктэр С.С. Адамова-Алтан Кыыс; худуоһунньук С.И. Барахова-Ымыы. – Дьокуускай: Алаас, 2013. Кн. 1. – 598 с.

УДК 398.224

ТҮӨЛБЭ ОЛОНХОТУН ҮӨРЭТИИ БИЛИННИ ТУРУГА УОННА КЫАЛБАТА

Кузьмина Айталига Ахметовна

Аннотация. Статья посвящена обзору современного состояния изучения локальных традиций якутского героического эпоса и выявлению проблем при

© Кузьмина Айталига Ахметовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения ИГИИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, aitasakha@mail.ru

исследовании данной темы. Определили, что фольклорная регионалистика особенно развита в русской фольклористике, при изучении которой используют множество терминов: «школа», «региональная традиция», «локальная традиция», «областной фольклор», «локальный текст», «фольклорный диалект» и др. Тюрко-монгольские эпосы также рассматриваются с точки зрения локальных особенностей. Локальные традиции олонхо относятся к числу малоразработанных тем якутской фольклористики, несмотря на появление диссертаций в этом направлении. Признание якутского эпоса Шедевром устного нематериального и культурного наследия человечества послужило толчком в массовом издании текстов олонхо, появлением интереса к локальной эпической традиции. Выделили основные проблемы при изучении региональных традиций олонхо: 1) недостаточная изученность поэтики, мифопоэтики, текстологии олонхо; 2) неоднозначность в определении границ локальных традиций; 3) учёт истории территориально-административных разделений; 4) трудности в определении диалектных слов; 5) неравномерное и недостаточное количество записей олонхо по регионам.

Ключевые слова: якутский эпос олонхо, локальная традиция, эпическая традиция, школы сказительства, поэтика.

Норуот тылынан уус-уран айымньыта түөлбэнэн сайдар диэн нуучча фольклористара өрүү бэлиэтиллэр. Кинилэр «школа», «региональная традиция», «локальная традиция», «областной фольклор», «локальный текст» диэн өйдөбүллэри туттан, фольклор араас жанрын түөлбэ уратытын утумнаахтык үөрэтэн кэллилэр. А.Ф. Гильфердинг [7], А.М. Астахова [1], В.И. Чичеров [38], Ю.И. Смирнов [35], Б.Н. Путилов [32], С.Ю. Неклюдов [22], С.И. Дмитриева [8], Т.Г. Иванова [11], Ю.А. Новиков [25], Л.Н. Скрыбыкина [34] уо.д.а. былина түөлбэ уратыларын чинчийдилэр. Фольклорнай диалект баар диэн быһааран, лингвофольклористиканан дьарыктанааччылар (А.Т. Хроленко, С.П. Праведников, М.А. Бобунова) фольклор айымньытыгар түөлбэ тыл уратытын көстүүтүн анаан үөрэтэллэр [3]. Аны билинни кэмгэ сыһыаннаан «фольклорный брендинг» диэн өйдөбүл баар буолла [30].

Атын омуктар эпостарын түөлбэ уратытын эмиэ ырыталлар. Ол курдук, киргиз эпоһын Р.З. Кыдырбаева [17], шордар эпостарын А.И. Чудояков [39], буряттар улигердарын Д.А. Бурчина [5], С.Б. Мархаева [20], Н.О. Шаракшинова [40], Р.А. Шерхунаев [41], Н.Н. Николаева [24], калмыктар эпостарын Н.Ц. Биткеев [2], Н.Б. Сангаджиева [33], Е.Э. Хабунова [36], Б.Б. Манджиева [19], эбэнки эпоһын Г.И. Варламова [6], М.П. Яковлева [42] түөлбэ уратылаах диэн быһааран анаан үлэлээтилэр.

Саха фольклорун атын жанрдарттан оһуокай араас түөлбэ уратылаабын ордук хорутан ырыттылар. Музыковедтар ырыаны-тойугу киин (Өлүөнэ орто тардыыта) оройуоннар, Бүлүү, Өлүөхүмэ уонна хотугу улуустар диэн түөлбэ бөлөхтөргө араараллар [18, с. 100]. Оттон саха олонхотун түөлбэлээһинин үөрэтии сана сабаланаан эрэр хайысха диэххэ сөп. XIX үйэбэ И.А. Худяков

Дьяангы уокуругун сахаларын фольклорун хомуян кинигэ бэлэмнээбитэ [37], Э.К. Пекарский салалтатынан Боотурускай улуус олонхолорун сурукка тihэн, «Образцы народной литературы якутов» диэн сериянан хас да тому таһаарбыт-тара [26]. Кэлин П.А. Ойуунускай, С.И. Боло, А.А. Саввин, Г.У. Эргис, И.В. Пухов, Н.В. Емельянов уо.д.а. олонхону хомуйбуттара, чинчийбиттэрэ. Ол эрээри анаан-минээн түөлбэ ураты баар диэн араарбат этилэр.

Бастагы хардыны эпосовед В.В. Илларионов олонхолоохуну үөрэтэригэр «сказительские школы» диэн өйдөбүл баар диэн тоһоҕолоон бэлиэтээбитэ, наардаабыта уонна саха фольклористикатыгар «түөлбэ олонхолоор» диэн термини киллэрбитэ [12; 13; 14; 15]. Ол курдук, кини олонхолоохун үгэһин оройуоннарынан манньык «оскуолаларга» араарбыта уонна биллиилээх олонхоһуттарын ыйбыта: Таатта олонхоһуттарын «оскуолата» (Ырыа Сивцев, Улуу Кээмпэс, И.Н. Винокуров-Табаахырап), Амма олонхоһуттарын «оскуолата» (Т.В. Захаров-Чээбий, У.Г. Нохсоров), Мэнэ Ханалас олонхоһуттарын «оскуолата» (И.И. Бурнашев-Тон Суорун, М. Андреев-Оройко, К. Зыков-Көтөр Көстөкүүн, Г. Слободчиков-Тэлээркэ, Н.И. Степанов-Ноорой), Уус Алдан олонхоһуттарын «оскуолата» (Д.М. Говоров, Р.П. Алексеев, П.А. Охлопков-Наара Суох), Чурапчы олонхоһуттарын «оскуолата» (Иев Новгородов, И.Г. Теплоухов-Тимофеев), Ханалас олонхоһуттарын «оскуолата» (Илья Кардашевский, А.А. Алексеев), Нам олонхоһуттарын «оскуолата» (Н.В. Сивцев-Мурун, А.Е. Сивцев-Дьийбэ Бытык, В.Н. Попов-Бочоох, П.П. Ядрихинская-Бэдьээлэ), Горнай оройуонун олонхоһуттарын «оскуолата» (П. Колесов, Г.М. Тарасов, И.А. Тарасов, К.М. Захаров, И.К. Жирков, С.Г.Алексеев-Уустарабыс), Дьяангы олонхоһуттарын «оскуолата» (Д.А. Томская-Чаайка), Орто Халыма олонхоһуттарын «оскуолата» (П.Н. Назаров), Аллайыаха, Булун, Саккырыыр олонхоһуттарын «оскуолата», Бүлүү олонхоһуттарын «оскуолата» [13].

Кэлин бу теманы кэнэтэн, олонхолоохун түөлбэ үгэстэринэн биллиилээх олонхоһуттар олохторун, айар үлэлэрин чинчийэн кинигэ таһаарда. Киин түөлбэ олонхоһуттарын үгэстэрин туһунан баска Т.В. Захаров-Чээбий, И.М. Давыдов, Р.П. Алексеев, Е.Г. Охлопков-Буоратай, А.Н. Кривошапкин, М.И. Саввин олонхолорун түөлбэ уратытын ырыппыт, Бүлүү улуустарын олонхоһуттарын туһунан түһүмэххэ С.Н. Каратаев-Дыгыяр, И.М. Харитонов-Саахардаах, М.З. Мартынов айар үлэлэрин көрбүт, хоту түөлбэбэ олонхолоохун үгэстэригэр М.Н. Горохов-Муойа, Халыма олонхоһуттарын туһунан анаарбыт [14].

Искусствовед В.С. Никифорова олонхо музыкатыгар түөлбэ үгэстэр бааллар диэн чинчийбитэ. Кини Дьяангы (хотугулуу-илинни сахалар), долггаан (долганнар уонна хотугулуу-арҕаа сахалар) уонна Өлүөнэ-Бүлүү тардытын (киин оройуоннар сахалара) олонхотун үгэһэ баар диэн эппитэ [23, с. 6]. Аҕа уустара биир сиргэ түмсэн олорон баран, Саха сиригэр үрдүнэн тарҕанан, көһөн («миграционные волны»), «эпическэй диалектары» үөскэппиттэр диэн түмүккэ кэлэр. Музыкальнай стилистикаҕа сахалар тонустары кытта алтыспыттара эмиэ сабыдыаллаабыт диэн ыйар [23, с. 17].

1990-с сыллар бүтүүлэригэр олохтоммут «Саха боотурдара» сериянан түөлбэ олонхолор тизкистэрэ 21 туомунан табыстылар. Бу олонхолору бэчээккэ бэлэмнииргэ фольклористар түөлбэ тыл уратытын булан, тыллар кэмэнтээрийдэригэр киллэрдилэр. Олонхо поэтикатын анааран ырытарга түөлбэлээһин көстүүтэ баарын эмиэ бэлиэтээтилэр.

2005 с. олонхону ЮНЕСКО киһи аймах тылын айымньытын кылаан чыпчаалынан билиниэбиттэн олонхоҕо интэриэс улаатан, сылын аайы Олонхо Ыһыахтара ытыллар буоллулар. Ол ыһыах буолар сиригэр түөлбэ олонхотун үөрэтии, бэчээттээн таһаарыы, олонхоһуттарын туһунан ыйынньыктары таһаарыы, научнай-практической конференциялары тэрийии үгэскэ кубулуйда. Бу хайысхаҕа нэһилиэнньэ да, билим, култуура, үөрэҕирии эйгэтин да өттүттэн улахан хамсааһын табыста [21; 27].

2008 с. Бүлүү сүнньүн олонхотугар анаан чинчийэн, «Олонхо Вилкойского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы» диэн хандьыдаат диссэртээссийэбин көмүскээбитим. Киин улуустар, Бүлүү сүнньүн, хотугулуу-илин, хотугулуу-арҕаа эпическэй түөлбэ үгэһэ диэн бөлөхтөргө наардаабытым. Түөлбэ олонхону үөрэтии ньымата поэтиканы, семиотиканы, текстологияны, олонхолоохуну үөрэтиини барытын хабар. Олонхо үөскээбит төрдүн, сайдытын, саха омук этногенезин кытта эмиэ ситимнээх буолан, чинчийэргэ уустук. Диссэртээссийэбэр Бүлүү, Үөһээ Бүлүү, Ньурба, Сунтаар олонхолорун (үксэ Саха сиринээҕи научнай киин архыыбыгар харалла сыталлар) сюжетын, уобарастарын, түөлбэ олонхоһуттарын үөрэппитим. Бүлүү сүнньүн олонхотун ыраах сытар буолан, элбэхтик суруйбатахтар, устубатахтар. Кээмэйинэн киин улуус сахаларын олонхотуттан кыра соҕус. Түгү былыргы (архаической) матыыптар, уобарастар, ойууннааһын, тонустары кытта алтыһы күүстээх сабыдыала бааллар диэн быһаарбытым. Ону сэргэ, героическайтан бытовом таһымга түһүү, нуучча остуоруйаларын сабыдыала көстөр, сонун сюжеттар, уобарастар киирбиттэр. 300-чэ олонхоһут туһунан сибидиэннэлэри араас источниктан булан, сыһыарыы быһыытынан киллэрбитим [16].

2015 с. Н.А. Оросина Таатта улууһун түөлбэ олонхотун үгэһигэр хандьыдаат диссэртээссийэтин көмүскээбитэ [28]. Тылынан, суругунан уонна мультимедийнай көрүнгүнэн олонхо баар буолар (бытование) эбит диэн быһаарбыта. Таатта олонхолорун уобарастарын, матыыптарын эридьиэстээн ырыппыта. Таатта олонхоһуттарын туһунан информационнай база онорбута. Картографирование ньыматын туттан, түөлбэ олонхотун тарҕаныытын кэрдиис кэминэн арааран көрдөрбүтэ.

2018 с. О.К. Павлова «Северо-восточная традиция в олонхо якутов: образы, сюжеты, поэтика» диэн темаҕа эмиэ хандьыдаат диссэртээссийэтин көмүскээн [29], хотугу сахалар олонхолорун уобарастарын, сюжеттарын, ойуулуур-дьүһүннүүр ньымаларын уратытын арыйан көрдөрдө.

Долгааннар фольклордара, олонколоро саха киэнигэр майгынныыр, силис-мутук тардар. Уопсайынан, долгааннар хайа омук буолалларын быһаарыыга сүрдээх уустук боппуруостар, мөккүөрдэр билиннэ диэри бааллар.

П.Е. Ефремов долгиан олонхотун анаан-минээн, ойучу тутан чинчийбитэ кэрэхсэбиллээх [10]. Ону сэргэ, Дьэһиэй сахаларын фольклоругар, тылыгар-өһүгэр интэриэс эмиэ баар [9].

Олонхолоһун түөлбэ үгэстэрин культурологической өттүнэн ырытыы эмиэ сабаланаан эрэр. Г.С. Попова, Г.А. Сосина Мэнэ Ханалас олонхотута И.И. Бурнашев-Тон Суорун холобуругар олобуран, бу улуус түөлбэ олонхотун үөрэтиигэ биир дьонуннаах хардыы онордулар [31]. Ону сэргэ, кэнники кэмгэ эпосоведтар биирдиилээн да научнай ыстатыйаларыгар түөлбэ олонхо уратытын бэлиэтиир буоллулар [4].

Түөлбэ олонхолору үөрэтиигэ кэккэ кыһалҕалар бааллар. Бастатан туран, олонхо поэтикатын (киэн өйдөбүлгэ), мифопоэтикатын, текстологиятын толору, ситэ үөрэтиллэ илик буолан, ити хайысханан үлэлиир киһи методологической өттүнэн уустуктары көрсөр. Түөлбэ уратыны буларга саха бүттүүн эпическэй үгэһин барытын быһаарсар таһым ирдэнэр.

Аны туран, түөлбэ олонхолоор кыраныыссаларын быһаарар эмиэ күчүмэ-бүйдээх. Холобур, Өлүөхүмэ олонхотугар Бүлүү сүннүүн да, киин улуус сахаларын да сабыдыала баар, нууччаны, эбэнники кытта ыкса алтыһан олоролоро эмиэ дьайар.

Үсүһүнэн, Урукку өттүгэр административнай өттүнэн араарыы билигин кытта сөп түбэспэт, ол эмиэ болжомтоҕо ылыллыахтаах. Холобур, урукку Боотуруускай улуус билигин Таатта, Чурапчы, Амма улууһа буолан олоор.

Төрдүһүнэн, түөлбэ олонхолоорго диалектологической уратылар эмиэ чопчу көстөллөр. Түөлбэ тылын тылдытыгар барыта баар буолбат, туох суолталаах тылын быһаарар соробор уустук буолар. Аудио-, видео-устуулары расшифровкалыырга ордук хотугу улуустар сангаларын (акцент) уратытын үөрүйэбэ суох киһи истэн өйдүүрүгэр ыарахан.

Бэһиһинэн, олонхону сурукка-бичиккэ, аудиоҕа, видеоҕа устуу сир-сир аайы биир тэн буолбатах. Кытыы-кырыыба сирдэргэ фольклору хомуйааччылар үйэбэ биирдэ-иккитэ эрэ тийбит эбэтэр олох да тийбэтэх буолуохтарын сөп. Аҕыйах матырыйааллаах түөлбэ уратыны була сатыыр уустук.

Литература

1. Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. – Петрозаводск: Гос. изд. Карело-Фин. ССР, 1948. – 396 с.
2. Биткеев Н. Ц. Типические места песен эпического репертуара исполнителей «школы» джангарчи Ээлян Овла // Типологические и художественные особенности «Джангара» // Вестник КалмНИИЯЛИ. – Элиста, 1978. – С. 25–50.
3. Бобунова М.А., Праведников С.П., Хроленко А.Т. Проблемы фольклорной диалектологии. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – 72 с.
4. Борисов Ю.П. Эпические формулы северной, центральной и вилкойской региональных традиций якутского олонхо: сравнительный аспект // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 120–137.
5. Бурчина Д.А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск: Наука, 2007. – 544 с.

6. Варламова Г.И. О героических сказаниях эвенков бассейна р. Алдан // Эпическое наследие народов Якутии: традиции и современность: Материалы научно-практической конференции. – Якутск: Медиа-Холдинг «Якутия», 2017. – С. 12–18
 7. Гильфердинг А.Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 29–84.
 8. Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. – М.: Наука, 1988. – 145 с.
 9. Дьэһиэй сахаларын фольклора / сост.: Н.В. Емельянов, А.И. Саввинов; ред. А.И. Саввинов. – Якутск: Институт малочисленных народов Севера СО РАН, 2002. – 227 с.
 10. Ефремов П.Е. Долганское олонхо. – Якутск: Кн. изд-во, 1984. – 133 с.
 11. Иванова Т.Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: исследование и тексты. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 456 с.
 12. Илларионов В.В. Олонхохут А.С. Васильев олобо уонна айар үлэтэ. – Якутск: Изд-во ДНИСПО МО РС (Я), 2000. – 120 с.
 13. Илларионов В.В. Түөлбэ олонхолор // Эдэр коммунист. – 1990. – 8 августа. – С. 5.
 14. Илларионов В.В. Түөлбэ олонхохуттара: олонхолоохун уратылара. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. – 271 с.
 15. Илларионов В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. – Новосибирск: Наука, 2006. – 191 с.
 16. Кузьмина А.А. Олонхо Вилуйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.
 17. Кыдырбаева Р.З. Сказительское мастерство манасчи. – Фрунзе: Илим, 1984. – 118 с.
 18. Ларионова А.С. Региональные особенности традиционных песен якутов // Г.В. Ксенофонтов: Возвращение к себе: Сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1998. – С. 100–104.
 19. Манджиева Б.Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. – 416 с.
 20. Мархаева С.Б. Эпический мир Гэсэриады в творчестве сказителей Тушемиловых: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 29 с.
 21. Намна Олонхо ыһыаба: төрүт үгэстэри сөргүтүү, харыстааһын, тарбатыы: Х Өрөсп. науч.-практ. кэмп. матырыйааллара (2018 с. ахсынньы ый 5 күнэ, Нам с.) / сост.: Р.В. Корякина, Е.Е. Жиркова; редколл.: А.Н. Жирков и др. – Якутск: Кытыл: Медиа-холдинг Якутия, 2019. – 296 с.
 22. Неклюдов С.Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре // Универсалии русской литературы. Выпуск 4. – Воронеж: Научная книга, 2012. – С. 8–38.
 23. Никифорова В.С. Локальные традиции в музыке олонхо: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. – СПб., 1994. – 16 с.
 24. Николаева Н.Н. Сюжетное своеобразие улигеров правобережья Ангары // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 10. – С. 248–255.
 25. Новиков Ю.А. Проблемы варианта и региональных традиций в изучении русских былин // Русская литература. – 1984. – № 4. – С. 85–99.
 26. Образцы народной литературы якутов. Т.1. Вып. 1 / под ред. Э.К. Пекарского. – СПб., 1907. – 80 с.
-

27. Олонхо ыһыаҕа: бүгүнгүтэ уонна кэлэр кэскилэ: респ. науч.-практ. конф. матырыйааллара (2011 с. кулун тутар 10–11 кк., Ньурба к.) / [сост. В.В. Илларионов, А.А. Дмитриева, Т.В. Илларионова]. – Якутск: Бичик, 2012. – 200 с.
28. Оросина Н.А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: автореф. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2015. – 25 с.
29. Павлова О.К. Северо-восточная традиция в олонхо якутов: образы, сюжеты, поэтика: автореф. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2018. – 18 с.
30. Петров Н.В. «Фольклорный брендинг» российских территорий // Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда / Сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров. – М.: Неолит, 2018. – С. 70–87.
31. Попова Г.С., Сосина Г.А. Локальные традиции эпоса олонхо: (на примере Мегинского улуса). – Якутск: Компания «Дани-алмас», 2013. – 200 с.
32. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 238 с.
33. Сангаджиева Н.Б. Эпический репертуар джангарчи М. Басанова. – Элиста: Калмыккнигоиздат, 1976. – 76 с.
34. Скрыбыкина Л.Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. – Новосибирск: Сиб. изд. фирма РАН, 1995. – 104 с.
35. Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции: Проблема эволюции. – М.: Наука, 1974. – 264 с.
36. Хабунова Е. Э. Школа Ээлян Овла: преемственность и современные технологии освоения эпической традиции // Научное наследие профессора А.Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры. (Кичиковские чтения): материалы регион. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А.Ш. Кичикова. – Элиста, 2012. – С. 136–139.
37. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / под ред. чл.-кор. АН СССР В.Г. Базанова; подгот. текста О.Б. Алексеевой; ред. якут. текстов и примеч.: Г.У. Эргиса, Н.В. Емельянова, П.Е. Ефремова; вступ. ст. В.Г. Базанова и Н.В. Емельянова. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 437 с.
38. Чичеров В.И. Школы сказителей Заонежья. – М.: Наука, 1982. – 196 с.
39. Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. – Кемерово: АО Кемеровское кн. изд-во, 1995. – 222 с.
40. Шаракшинова Н.О. Героический эпос бурят-монголов Усть-Ордынского национального округа: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1950. – 18 с.
41. Шерхунаев Р.А. Певцов благородное племя. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – 264 с.
42. Яковлева М.П. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода бута: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2016. – 22 с.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА САХА
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ)**

Васильева Римма Иннокентьевна

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языкового поведения есеевских якутов, представляющие научный интерес для специалистов, занимающихся локальными, этническими группами. В ней также рассматриваются языковые ориентации, языковая компетенция, взаимодействие данного субэтноса с другими народами Красноярского края, функционирование языка саха в разных сферах и средах его использования, на полевом материале. Детально исследованы основные структурные элементы этноязыковой ситуации, сложившейся в современных реалиях у есеевских якутов. Таким образом, в статье дан научный анализ варьирования функций языка саха в зависимости от территориальных параметров и от способов сочетания его функций с функциями другого государственного языка – русского. С другой стороны, анализируются процессы функционирования языка саха, не имеющего официального статуса в Красноярском крае. Исследование этноязыковой ситуации является попыткой формирования типологии языковых ситуаций, социальных функций языков коренных народов и их интеграции в полиэтническое пространство Российской Федерации. Методологическими принципами исследования являются: основной научный принцип системного и сравнительного анализа; тесно связанный с ним принцип комплексности, предусматривающий не только разнообразие используемых методов, но множественность аспектов изучения.

Ключевые слова: этноязыковая ситуация, языковая компетенция, языковые ориентации, национальный язык, языковая лояльность, диалект, идиом.

Многоаспектную языковую ситуацию в полинациональных республиках порождает функционирование языков и культур большого числа народов и локальных групп, проживающих на данной территории и вне основной метрополии. Поэтому мониторинг этнокультурной и этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия) необходим не только для решения научных задач, но и для оптимизации межнациональных отношений, предупреждения языковых конфликтов и формирования толерантного языкового сообщества.

В настоящее время актуально изучение малых этнических групп в аспекте их комплексного исследования, в частности, в 2014 г. экспедицией ИГИ-

© *Васильева Римма Иннокентьевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка ИГиПИМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, Rimin62@inbox.ru

ИПМНС СО РАН было проведено полевое исследование среди этнической группы якутов, осевших в Красноярском крае, по месту компактного проживания, возле озера Ессей. В целях изучения этнокультурной и этноязыковой ситуации была разработана социалингвистическая анкета, которая включала комплекс вопросов, выявляющих особенности языкового поведения якутов в условиях инокультурной среды. Исследование было проведено 9 лет назад, но в силу удаленности этнической группы, собранный материал представляет определенный интерес для специалистов, так как в современных реалиях транспортная инфраструктура является неблагоприятной для проведения дополнительных исследований. Численность ессейских якутов составляет – 586 человек, количество населения составляет всего – 646 чел., эвенков – 46 чел. (табл. 1).

Таблица 1

Социально-экономическая характеристика жителей пос. Ессей*

Наименование	Численность
Количество населения, всего	646 чел.
Ессейские якуты	586 чел.
Эвенки	46 чел.
другие этносы	14 чел.

Социально-экономическая жизнь села включает 16 бюджетных учреждений и четырех представителей малого индивидуального предпринимательства. Жители поселка Ессей занимаются охотой на дикого оленя, рыболовством, собирательством. Количество частных лиц, занимающихся домашним оленеводством, составляет – 13 чел., общее поголовье домашних оленей 186. Количество работников-оленьеводов занятых в МП ЭМР «ОПХ Суриндинский» – 3 чел. Количество поголовья домашних оленей МП ЭМР «ОПХ Суриндинский» – 83.

Население п. Ессей занимается ввиду различных проблем экономического порядка в основном охотой на дикого оленя, а так миграции оленей не предсказуемы, то ессейские якуты испытывают трудности в обеспечении своих семей продовольствием. Динамично изменяющиеся социокультурные условия в современном мире, изменение иерархии системы ценностей и категорий жизненных смыслов, процесс сохранения этнической идентичности национальных меньшинств, самобытных субкультур, в частности ессейских якутов, могут быть рассмотрены как проявления сложного многоуровневого феномена, требующего специального комплексного обследования. Остро стоит вопрос изучения этноязыковой ситуации в отношении изолированных малочисленных групп якутов. Эти этнические группы якутов, утратив связь с основным языковым массивом, образовали диаспоры, включившись в новую социально-коммуникативную систему, образовали новую этническую общность. Будучи включенными в ту или иную этноязыковую ситуацию, в особые условия

*Данные полевого исследования 2014 г.

существования этническая группа ессейских якутов обнаруживает ряд специфических особенностей в своем развитии. Язык ессейских якутов подвергается влиянию эвенкийского языка и языка межнационального общения – русского, в результате переключения кода, формируется макароническая речь. Ученые считают, что развитие изолированной этнической группы направлено на сокращение культурной дистанции, но аккультурация, утрата своего этнокультурного своеобразия различна, зависит от условий существования диаспоры. Ессейские якуты сохраняют основу своей традиционной культуры, хотя ощущают глубокое влияние других доминантных культур. Ессейские якуты перенимали в материальной и нематериальной культуре от других народов, что отразилось в диалектных особенностях, в образе жизни данного народа. Тюркское происхождение народа наблюдается в антропологическом облике, в языке, национальной одежде, фольклоре, песенной культуре, танцах. В 2014 году ессейские якуты праздновали национальный праздник ысыах, который представлен пятью якутскими родами: осогосток, ботулу, эспек, бэти, чорду. В п. Ессей функционирует фольклорный коллектив, который пропагандирует якутские танцы и песни. Он дипломант многих конкурсов. Ессейцы сохраняют свою самобытную традиционную культуру, несмотря на их тяжелое социально-экономическое положение.

По данным проведенного исследования, проведенного мною в июле 2014 г. – 90,9% являются автохтонным населением п. Ессей, свыше 10 лет проживают – 4,5%, 3-10 и 1-3 лет соответственно 3,0 и 1,5. Искать лучшей доли выехали в административный центр Тура представители различных поколений ессейцев: свыше 10 лет – 39,6 %, родились – 37,7 %.

В п. Ессей введен запрет, запрещающий ввоз алкогольной продукции, так как среди местного населения участились правонарушения, суициды и семейное пьянство. Всю свою жизнь, то есть с самого рождения, постоянно проживают в населенном пункте, где проводился комплексный опрос, почти каждый второй респондент только Момского (47,4%) и Оленекского (47,0 %) улусов из охваченных 16. Каждый третий и четвертый житель встречаются в Анабарском, Верхнеколымском, Горном, Нюрбинском и Ленском районах.

В отличие от основного анклава якутского населения, проживающего в Республике Саха (Якутия) ессейские якуты проживают на своей территории (90,9 %) с рождения.

Таблица 2

Длительность проживания ессейских якутов, (%)^{*}

Длительность проживания	Ессей	Тура	В процентах Всего
1-3	1,5	9,4	3,8
3-10	3,0	13,2	5,9
Свыше 10 лет	4,5	39,6	14,6
Родился здесь	90,9	37,7	75,7

^{*}Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

Наиболее важным при определении своей национальности ессейские якуты считают знание родного языка – 98,2 %. И это действительно один из важных признаков, как считают исследователи, так как в языке накоплен опыт многих поколений, в нем даны знания мироздания, менталитета народа, языковая картина мира. Следующими доминантными признаками являются соблюдение национальных традиций – 23,9 %, религия предков – 16,8 %, кухня – 16,8 % (табл. 3).

Таблица 3

**Что Вы считаете наиболее важным при определении
своей национальности? (%)***

	Ессей	Тура	Всего
Знание родного языка	98,2	98,0	98,1
Соблюдение национальных традиций	23,9	20,6	44,5
Религия предков	16,8	19,5	36,4
Кухня	16,8	22,8	39,6
Проживание на одной территории	13,5	21,7	35,3
Национальное сознание и самосознание	16,8	22,2	39,1

В июне 1933 г. была открыта школа с якутским языком обучения в Ессее. В ней училось всего девять детей. При школе был интернат, в котором жили учащиеся, так как родители вели кочевой образ жизни. Затем в 1954 г. школа была преобразована в семилетку, выпускники которой направлялись в колхозную школу, где обучали будущих бухгалтеров, зоотехников, ветеринаров. Восьмилетнюю школу построили в 1963 г., при школе был также интернат. В 1976 г. была образована десятилетняя школа, одиннадцатилетняя была образована в 1991 г. При социалингвистическом исследовании были получены следующие результаты, которые отражены в табл. 4.

Таблица 4

Какое обучение было у вас в школе? (%)**

	Ессей	Тура	Всего
на русском	57,7	83,3	65,2
Начальное обучение на якутском, в среднем и старшем звене На русском	27,7	11,1	22,8
Родной язык и литература преподавались Как предмет	14,6	5,6	12,0
Другой ответ	-	-	-

*Результаты социалингвистического обследования 2014 г.

**Результаты социалингвистического обследования 2014 г.

Из числа опрошенных 27,7 % якутов получили начальное образование на якутском языке, для 14,6 % родной язык преподавался как предмет, а 57,7 % ессейских якутов получили образование на русском языке. При опросе выяснилось, что прессу и литературу на якутском языке читают только представители старшего и часть среднего поколения ессейцев, которые получили образование на родном языке.

В настоящее время в Ессейской средней общеобразовательной школе обучается 139 детей, из них якуты составляют 97 % (135) детей. Обучаются родному языку – 27,8 % (39) детей, якутский язык преподается со 2 по 4 класс, два часа в неделю, так как ессейские якуты проживают в правовом поле Красноярского края, то языковые ориентации в отношении языка обучения следующие: 61,9 % опрошенных информантов предпочитают школу с русским языком обучения, но с изучением якутского языка как учебного предмета – 24,6 %, предпочитают школу с русским языком обучения, школу с углубленным изучением восточных и европейских языков – 6,3 %, с якутским языком обучения всего – 0,8 %.

Таблица 5

Школу с каким языком обучения выбрали бы Вы для своих детей? (%) *

Типы школ	Ессей	Тура	Всего
Школу с русским языком обучения	24,6	54,7	33,5
Школу с русским языком обучения и изучением як.языка как предмета	61,9	24,5	50,8
Школу с якутским языком обучения	0,8	3,8	1,7
Школу со смешанным Языком обучения	6,3	5,7	6,1
Школу с углубленным изучением европейских, восточных языков	6,3	7,5	6,7
Школу кочевую с изучением як.языка как предмета	-	3,8	1,1

Социокультурное пространство Якутии характеризуется сильной дисперсностью среды использования языков. Подавляющее число опрошенных ессейских якутов считают родным якутский язык – 87,8%, который представляет архаичную форму с лексическими заимствованиями из эвенкийского, долганского и русского языков. По образу жизни ессейские якуты – северные оленеводы, занимающиеся добычей мяса диких оленей, рыболовством, охотничьим и пушным промыслом, они владеют устной, диалектной формой якутского языка; представители старшего поколения используют устную и письменную речь в быту и в домашней сфере, так как в советское время существовала практика, когда приезжали учителя якутского языка из Республики Саха (Якутия) и вели обучение ессейцев на родном языке.. В моно-

*Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

графии «Диалектная система языка саха» М.С. Воронкин утверждает, что 70 % эвенков владели якутским языком, так как якуты, являясь носителями более высокой скотоводческой культуры, сумели добиться устойчивого распространения своего языка среди аборигенов – эвенков [4, с. 26–27]. Эвенки, живущие в поселке Ессей используют чаще якутский язык в быту, межэтническом общении, то есть произошел языковой сдвиг в сторону второго функционального языка.

Языковая компетенция складывается из многих факторов, но фактор образовательный имеет решающее значение, а как видно из собранных материалов обучение в начальном звене велось фрагментарно, то есть периодами оно прерывалось. В советский период якутскому языку обучали специалисты, выходцы из Республики Саха (Якутия), а в настоящее время в средней ессейской школе преподавание якутскому языку доверено учителю физкультуры. Языковая компетенция ессейских якутов представлена в табл. 6.

Таблица 6

Языковая компетенция ессейских якутов по родному языку (%)*

Уровень владения якутским языком	Ессей	Тура	Всего
Свободно говорю, читаю Пишу на родном языке	23,5	27,8	24,7
Довольно свободно владею	13,6	18,5	15,1
Владею только Разговорной формой	53,8	44,4	51,1
Не читаю, не пишу на родном языке	3,0	7,4	4,3
Говорю с затруднениями	1,5	-	1,1
Пишу, читаю с затруднениями На родном языке	3,0	-	2,2
Не владею	1,5	1,9	1,6

Наблюдения показывают, что ессейцы и старшего поколения, и среднего поколения, и молодежь говорят на якутском диалекте, среди ессейского населения распространено мнение, что они используют особый язык, характерный только для данной этнической группы. В устной речи молодежи наблюдаются явления переключения кода, интерференция и интеркаляция, так как в школе, в среднем и старшем звене не изучается родной язык. Безусловно, влияние эвенкийского и русского языков: 98,4 % ессейских респондентов слышат якутскую речь в поселке, в котором проживают – 1,6% соответственно русскую (табл. 7). В районном центре Тура положение иное: 82,6 % – слышат русскую речь и только – 17,4 % якутскую.

*Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

Таблица 7

**Напишите, какую речь Вы чаще всего слышите в населенном пункте,
в котором Вы проживаете?***

	Ессей	Тура	Всего
якутскую	98,4	17,4	76,5
русскую	1,6	82,6	23,5
эвенкийскую	-	-	-
другую	-	-	-

Для сохранения родного языка большое значение имеет проживание в исконных местах обитания. Этот фактор, в комбинации с другими факторами способствует сохранению языков малочисленных народов, в данном случае ессейских якутов – 95,3 % ессейцев используют в быту родной язык.

Таблица 8

Укажите, какой язык Вы используете чаще всего в быту (%)**

	Ессей	Тура	Всего
якутский	95,3	73,8	90,0
русский	4,7	26,2	10,0
эвенкийский	-	-	-
другой	-	-	-

Витальность своего родного языка достаточно высоко оценили – 85,2 % сельских якутов, проживающих в пос. Ессей, тревожность в его отношении – 14,3 %, отчаяние – 3,2 %. Городские ессейцы – 16% с тревожностью, 12 % – с отчаянием. Наличие национального самосознания блокирует отрицательные последствия многих неблагоприятных факторов постсоветского периода, которые отразились на социально-экономическом положении ессейцев (табл. 9).

Таблица 9

Если используете якутский язык, то как Вы оцениваете его будущее? (%)***

	Ессей, поселок	Тура, город	Всего
Уверенно, на нем говорили наши предки	85,2	72,0	79,5
С тревогой, так как на родном языке ведется только начальное обучение	14,3	16,0	14,8
С отчаянием	3,2	12,0	5,7
Напишите, другое мнение	-	-	-

*Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

**Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

***Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

Возраст носителей языка – важнейший диагностический параметр определения прогноза выживаемости языка. Если имеются представители всех возрастных групп, то язык не станет мертвым в течение 50 лет. Если сопоставить функциональное ранжирование двух языков в общении с детьми у городских ессейцев и сельских, то только треть ессейцев, проживающих в районном центре Тура используют родной язык в общении с детьми. А сельские ессейцы соответственно – 80 %.

Таблица 10

Язык общения с детьми, (%)*

С детьми	Ессей	Тура	Всего
Якутский	80,0	31,5	65,8
Русский	3,1	20,4	8,2
Оба языка	16,9	48,1	26,1
Эвенкийский	-	-	-

Так как существуют межнациональные браки и дети-метисы, показательно, что ессейские якуты, проживающие в районном центре Тура, используют якутский язык в общении с супругой (супругом) – 34 %, русский язык – 34 %, оба языка – 34 %.

Таблица 11

Язык общения с супругом (супругой), (%)**

С супругом (супругой)	Ессей	Тура	Всего
Якутский	78,2	34,0	64,2
Русский	5,0	34,0	14,2
Оба языка	16,8	31,9	21,6
Эвенкийский			

Поколение старших родственников, родителей в пределах возрастной группы 65 лет и более представляют категорию, сохраняющую и передающую другим поколениям язык, культуру, национальные ценности народа (табл. 12).

Таблица 12

Язык общения с родителями, (%)***

С родителями	Ессей	Тура	Всего
Якутский	81,1	79,6	80,7
Русский	3,1	3,7	3,3
Оба языка	15,0	16,7	15,5
Эвенкийский	0,8	-	0,6

*Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

**Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

***Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

Таблица 13

На каком языке Вы обращаетесь в органы местного самоуправления? (%)*

	Ессей	Тура	Всего
На якутском	30,5	5,6	23,2
На русском	28,2	85,2	44,9
На двух	41,2	9,3	31,9
На другом	-	-	-

Билингвальное использование двух языков наблюдается не только в сфере управления, но и в межличностном общении, в трудовых коллективах в районном центре – Тура. Данное использование двуязычия в выступлениях на собраниях наблюдается и п. Ессей, и в Туре. Но показатель использования русского языка в Туре составляет 66,7 %, на якутском языке говорят всего – 11,1 % ессейцев.

Таблица 14

На каком языке Вам удобно выступать на собрании? (%)**

	Ессей	Тура	Всего
На якутском	33,6	11,1	27,0
На русском	23,7	66,7	36,2
На двух	42,7	22,2	36,8
На другом	-	-	-

Социолингвистическое обследование показало, что опрошенные ессейцы – 82,3 % владеют только устной формой якутского разговорного языка, так как они личные письма пишут на русском языке. В Туре данный показатель составляет 100%.

Таблица 15

На каком языке Вы пишете личные письма? (%)***

	Ессей	Тура	Всего
На якутском	10,8	-	7,6
На русском	82,3	100	87,5
На двух	6,9	-	4,9
На другом	-	-	-

Так как ессейские якуты проживают в условиях инокультурной среды, в Красноярском крае, предпочитают петь песни на родном языке – 20,0%, на русском – 46,7 %, на двух – 33, 0 %. (табл. 16).

*Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

**Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

***Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

Таблица 16

На каком языке Вы любите исполнять народные песни? (%)*

	Ессей	Тура	Всего
На якутском	20,0	2,1	14,9
На русском	46,7	37,5	44,0
На двух	33,0	60,4	41,1
На другом	-	-	-

В этнически смешанных семьях, используется родной язык – 63,4 %, на русском – 15,9 %, на двух – 20,7 %, то есть доминантным является коммуникация на якутском языке.

Таблица 17

Если у Вас межнациональная семья, то укажите, на каком языке общаетесь дома? (%)**

	Ессей	Тура	Всего
На якутском	63,4	5,9	46,6
На русском	15,9	47,1	25,0
На двух	20,7	47,1	28,4
На другом	-	-	-

Социолингвистическое исследование показало, что наблюдается высокий уровень языковой идентичности, информанты считают, что знание и использование родного языка является гарантом сохранения локальной этнической группы, расселенной вне основной метрополии.

Таблица 18

Согласны ли с утверждением, что утрата родного языка влечет утрату национальности? (%)***

	Ессей	Тура	Всего
Согласен	85,0	88,5	85,9
Не согласен	11,3	9,6	10,8
Затрудняюсь ответить	3,8	1,9	3,2

Как уже было сказано ранее, Эвенкийский муниципальный район является местом проживания и хозяйственной деятельности коренных народов Севера, ессейских якутов. И соответственно, в силу их традиций, обычаев, верований

*Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

**Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

***Результаты социолингвистического обследования 2014 г.

на территории района развивается традиционное хозяйство, которое проявляется через оленеводство, охоту, рыболовство и собирательство. Ессейские якуты – этническая группа, проживающая вне основной метрополии, ведущая традиционный образ жизни северных якутов-оленьеводов, сохранившая свой язык, самобытную культуру, традиционные ценности. Ессейские якуты сохранили свою языковую и этническую идентичность, что подтверждают полученные предварительные результаты;

Они сохранили свои родовые названия Центральных улусов в виде фамилий Ботулу, Эспек, Маймага, Осогосток, Бети. Расселившись на северной территории ессейские, якуты сохранили название того рода, к которому принадлежали в прошлом на Средней Лене.

Как носители более высокой скотоводческой культуры они сумели адаптироваться к чужой среде, переняв некоторые элементы материальной и нематериальной культуры эвенков, но не ассимилировали, а сохранили свою самобытность.

Язык ессейских якутов относится к северному говору, наблюдаются диалектные особенности и лексические заимствования из эвенкийского и русского языков.

В городской среде у ессейских якутов устная речь характеризуется интеркаляцией, переключением кода, смешением языковых средств трех языков: якутского, эвенкийского и русского.

Литература

1. Администрация ЭАО. Эвенкия – чистая земля. – Красноярск: Прикладные технологии, 2002. – 69 с.
2. Амосов А.Е., Бендерский Ю.Г., Карасева Т.Б. Эвенкия за годы реформ: мониторинг социально-экономического развития. – Красноярск: Издательство «Буква», 2001. – 139 с.
3. Амосов А.Е., Валеев Е.Я. Земля, отмеченная небом. – Красноярск: Издательство «Буква», 2000. – 192 с.
4. Воронкин М.С. «Диалектная система языка саха»: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.
5. Васильева Р.И. Особенности языкового поведения саха и русских в полиэтнической среде // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): Актуальные проблемы. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 119–134.

ЛОКАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИОННЫХ ПЕСЕН ЛУОРАВЭТЛАНОВ (ЧУКЧЕЙ) ЯКУТИИ

Дьячкова Жанна Андреевна

Аннотация. В статье раскрывается сущность и своеобразие песенного фольклора луоравэтланов (чукчей) Нижней Колымы. Цель статьи – раскрыть специфику традиционных песен чукчей Нижней Колымы Якутии во взаимодействии текста и музыки, их взаимовлияниях внутри локальной традиции. Новизна научного исследования заключается в выявлении звуковысотных, ритмических, тембровых и текстовых особенностей внутри чукотского песенного жанра этого региона, их связи и взаимодействия. Большинство музыкальных примеров презентуются впервые; авторами личных песен являются представители чукотского народа – жители с. Колымское и п. Черский Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия), носители чукотского языка и культуры. В конце статьи автор приводит выводы по песенной традиционной культуре чукчей: для чего песня луоравэтлану, какой смысл им вкладывается в песню? А также в целях сохранения и развития чукотской культуры изложены предложения рекомендательного характера.

Ключевые слова: грэп, личная песня, звук, семантический слог, звукоидеал, речетатив, чавчечан', песни животным, тревожные песни, песни-проклятья.

Чукчи – это один из коренных сибирских этносов, проживающих на Крайнем северо-востоке России. Основная часть чукчей (около 11 тысяч человек) сконцентрирована в Чукотском автономном округе. Всего в мире чукчей, по данным Всероссийской переписи населения 2021 года, насчитывается 16 200 человек [1]. Колымские чукчи проживают в с. Колымское Нижнеколымского района республики; их насчитывается 213 человек, включая детей, по данным Халарчинской администрации.

Этнос подразделяется на две большие группы, различающихся по хозяйственно-культурному типу [2, с. 17]. Это оленные чукчи, главной отраслью которых является кочевое оленеводство, и береговые чукчи, занимающиеся морским промыслом.

По языку чукчи относятся к чукотско-корякской ветви чукотско-камчатской языковой семьи. Их ближайшими родственниками являются коряки, кереки, алюторцы, а несколько более дальними – ительмены [3, с. 586]. Диалекты чукотского языка достаточно не изучены. По предварительным данным, лингвисты выделяют пять диалектов: уэленский (восточный), чаунский (западный), нунлигранский, хатырский, энмылинский [4, с. 235].

© *Дьячкова Жанна Андреевна*, председатель «Ассоциации лыг'горавэтлыат (чукчей)», Республика Саха (Якутия), г. Якутск, shanna969@mail.ru

Объектом рассмотрения является музыкальная культура нижеколымских луоравэтланов (чукчей).

Нами будет представлен музыкальный фольклорный материал (аудио и видеозаписи) чукчей Нижней Колымы, собранный нами с 2003 года.

Музыкальная культура нижеколымских чукчей – это одно из ярких явлений современного культурного сообщества, которая отражает уникальную картину мира, философию народа, представления об основных понятиях добра и зла, является основным отражением его менталитета.

Ещё в XVIII веке двадцатого столетия первый исследователь чукотской культуры и языка Владимир Германович Тан-Богораз писал: «Чукчи любят пение, особенно во время праздников» [5, с. 23].

Это высказывание, несомненно, указывает на особое значение песенного фольклора в музыкальной культуре чукчей, отражает главные представления и ценности духовной культуры народа.

Также немаловажный момент – если мы касаемся области музыкального фольклора, то необходимо рассмотреть определение, которое наиболее близко ему. Это звукоидеал, как одна из наиболее важных составляющих этнического самоопределения человека, его способ самовыражения, его средство избирательного отношения к окружающему звуковому пространству. Благодаря звукоидеалу, носители интонационно-акустической культуры точно определяют и дифференцируют «свои» и «чужие» элементы культуры среди внешне похожих образцов» [6, с. 12].

Привычные для европейского фольклора сопряженности словесного текста и напева, обычные рамки понимания ритмических особенностей никак не входят в понятие музыка народов Севера, в частности, чукотская. Интонация речевых фонем (слова, фразы, повествовательного предложения) в речетативных мелодиях, которые порою трудно облечь в какую-то определенную формулу, несовпадение цезур в словесном и музыкальном текстах, глиссандирование, лишенное дифференцированных тонов с еле уловимыми опорными звуками, обилие архаизмов – это только то небольшое, с чем сталкивается исследователь в работе над музыкальным материалом, в попытках подвести их под определённую систему.

Отдельно остановимся на первоначальном запеве, который может в какой-то мере служить показательным элементом не только в песенной культуре чукчей, а может и других народов, где есть традиция личных песен. Речь идёт о различных вариантах запева: «Что говорят чукчи...» или «Говорят чукчи...», иногда просто «Говорят...». На наш взгляд, это показатель ярко выраженных глубоких корней взаимосвязи таких факторов, как связь поколений, человека и природы, осознание своего личного и общественного; ведь каждый исполнитель в рамках собственной культуры (которая передаётся из поколения в поколение) считает себя частью целого, при этом вкладывая своё собственное восприятие мира, своё чувство, отношение к окружающему.

Исследовательница Зоя Владимировна Вэнстэн-Тагрина внесла очень существенный и достойный вклад в изучение феномена личной чукотской песни. В частности, она выделила личные песни-импровизации для взрослых (куда

входят трудовые песни, песни-размышления вслух, повествовательные песни с элементами эпического жанра, историко-политические песни, дорожные песни – предупреждения, «пение про себя»). Здесь, по нашему мнению, слово может быть вторично, часто оно даже не имеет вербального смысла, где на первый план могут выступать тембровые характеристики, тем самым становясь одним из музыкальных средств выражения.

Тесная связь с природой, взаимосвязь и общение с ней приводят внутреннее состояние человека в гармонию, обновляются его мысли, он наполняется новой силой и смыслом, здесь находит утешение и радость, своё «я». У каждого автора находятся свои, особые слова для выражения своего эмоционального состояния и зоркий глаз истинного художника, чтоб увидеть то, что сокрыто от многих. И всё это воплощается в музыку.

Так появляется еще один определяющий жанр личной песни – напевы-импровизации, где слово может быть вторично, часто оно даже не имеет вербального смысла, где на первый план могут выступать тембровые характеристики, тем самым становясь одним из музыкальных средств выражения. К примеру, возьмём то же *грэп* «Длинная ночь 21 декабря», где поётся том, что есть холодная длинная ночь и короткий день. В нотном примере «Длинная ночь 21 декабря» восходящая интонация в объёме м.3 (*соль диез-си*), стремится на четвертную с на слоге *нив-* с тем, чтоб снова после распева слогов *-жи-нэт э-тым-вай* уйти на четверть с в слоге *чув-* и после знакомого движения мелодии мотив возвращается к четверти *gis* (рис.1).



Сюда можно добавить такой вид как песни-проклятия. Как раз об этих песнях, отражающих одну из мрачных и тайных сторон в традиционной культуре луоравэтланов, хотелось бы немного сказать. Наличие таких песен ещё раз подчёркивает особенное, характерное этому народу, отношение к происходящим вокруг событиям, а также их право – соглашаться с ними или не соглашаться. В песне «Почему уезжаешь ночью?» разгневанная жена Анна Фёдоровна Ягловская спрашивает у мужа, куда он ночью, в темноте едет? Это песня женщины, которую оставляет мужчина и она вдогонку проклинает его, желая ему смерти. Общую тревожность песни придают резкие форшлаговые кварто-терцовые интонации в каждой из двенадцати фраз (рис.2).



Предлагаем рассмотреть одну из тревожных песен «*Чайпалин'э*» автора Евдокии Ивановны Чейпелиной. Надо думать, что Чейпэлин (её муж) был не

из лёгких по характеру людей, так как в тексте слышны слова и интонации плохо скрываемого страха, опасений от того, что скоро придёт Чейпэлин: *Коккой* 'ой', *нэмэвай* 'опять', *вичен'ан'н'огъэ* 'разозлился' (рис. 3).



Всё глубже исследуя традиционную песенную культуру, в частности, детские песни – ласкательные и песни-дразнилки (Тагрина З.В.) – выясняем, что они имеют в себе жанровые особенности: характерные черты ребенка, его манеру ходить, разговаривать, или просто момент любования родителем своим ребенком. Кроме этого, обязательное наличие в песнях запева *кыгын'дьэкэ́й* в разных интерпретациях этого этнического слова. Например, в песне «*Кан'ойн'ын*» (рис.4).



По всем стиливым признакам «*К'ан'он'ын*» относится к игровым песням-пестушкам *чавчечан'*, а предметом воспевания в ней служит олень пёстрой масти, также любимая масть у оленеводов.

Такой же яркий пример жанра песни-пестушки в песенном творчестве Неустроевой Анны Дмитриевны мы находим в *чавчечан'*е для сына Пети. Игривый характер придают не только музыкальные выразительные средства – форшлаги, акценты, но и сам литературный текст, который передаёт всю специфику этого жанра. Дело в том, что в певческой культуре чукотского народа, особенно в *чавчечан'*ах ягодичи у детей, которые в младенческом возрасте по своей форме пухленькие, кругленькие – иногда становятся объектом детских песен. И Анна Дмитриевна в первом же куплете поёт об этом: «*Петян н'ойн'ык'ай*» (рис.5).



До этого говорилось о *чавчечан'* детских, но в нашей коллекции мы обнаружили *чавчечан'* «*Апайн'ык'ай*» – *чавчечан'* взрослому человеку, вернее, пожилому человеку – дедушке. Здесь присутствует специфический распев *кэгэнь-дэй*, а в качестве украшения имеет место речитативное изложение этнического слова *апайн'ык'ай* 'дедушка' (рис.6).



Иногда эти яркие по эмоциональной насыщенности напевы-формулы могут состоять из синсемантических слогов: *како-како'*, *кыкэ-кыкэ'*. Ввиду имеющих-ся элементов варьирования, импровизационности, свободного ритмического прочтения этот вид представляет собой неустойчивую форму. Наличие в песне таких семантических слогов – первый выразительный признак жанра детской песни-пестушки.

Пример этому можно услышать в *чавчечан'* Слепцовой Галины Ивановны, посвящённому сыну Коле. В её *чавчечан'*е синсемантический слог *кочит* дополняется словесным текстом: *кочит-кочит, колёнэрмэмури., мури к'лявьльма., тэвнымэльэв к'явьльма*. Перевод на русский язык будет примерно звучать так: «кочит-кочит, (семантический слог – Д.Ж.) мы очень сильны., мы с мужчиной., хорошо с мужчиной».

Итак, в ходе исследовательской работы мы выявили, каким образом песня влияет на жизнь чукчей, какое место чукча отводит песне в душе, в повседневной жизни, его личное отношение к песне. Следующие положения отражают исследовательские поиски: 1) песня отражает духовную жизнь чукчей: он поёт, когда работает; когда ходит, едет, радуется; 2) песня – продолжение «звучащего ландшафта» (Ю.И. Шейкин, О.Э. Добжанская, Т.И. Игнатьева, В.С. Никифорова) территории и способ выражения самоидентичности луоравэтлана (чукчи). О тесной связи природы и музыки говорится и у А.С. Ларионовой – крупного якутского исследователя, о влиянии вида традиционной деятельности на песни: «Всё это могло прямо или косвенно отразиться на музыкальном фольклоре» [7, с. 83]. Говоря о «звуковом ландшафте», можно в пример привести песню «Элык'ыйн'ын'» 'Тундровой' Чейпелиной Евдокии Ивановны. Автор тундру описывает так: она «по своим размерам большая, а езда на собаках во время мороза создаёт шум полозьев, от этого как бы земля поёт песню». В конце также использовано этническое слово *йивасгыргын*; по-видимому, автору жалко тундру – потому что там холодно, потому что там скучно; 3) индивидуализирующий сегмент – ритмические, интонационные, артикуляционные особенности – на примере отдельных исполнителей. В песнях Чейпэлиной Евдокии Ивановны обычно в конце каждого мелодического сегмента автор включает вокальную орнаментацию – форшлагги, мелизмы – в структуру квинтовых и кварто-терцовых распевов. Иногда в её напевах происходит синкопирование на опорном звуке и терцовое опевание снизу в конце фразы, что также может служить авторской характеристикой. Такие темпы применимы в игровых, танцевальных и пантомимических движениях.

В дальнейшем работа по сохранению и развитию чукотской песенной культуры видится: 1) организация и проведение музыкально-этнографических экспедиций в с. Колымское Нижнеколымского района, в Чукотский автономный округ, Пенжинский район на Камчатке, в Магаданскую область; 2) на примере проведённого Ассоциацией луоравэтланов (чукчей) РС (Я) фестиваля-семинара по чукотскому языку, культуре, оленеводству и ветеринарии в 2019 году, организация и проведение совместно с Чукотским Автономным округом на-

учно-прикладных семинаров по вопросам песенной и танцевальной культуры чукотского народа; 3) осуществить каталогизацию колымских чукотских песен, чукотских исполнителей; 4) популяризация и распространение чукотских песен путём обширной конкурсной деятельности.

В статье представлена проблематика функционирования и вопросы сохранения и возрождения в современном мире чукотских песен и танцев, а также развития у подрастающего поколения чукчей мотивации в возрождении чукотских песен и танцев.

Литература

1. www.perepis-2024.ru (дата обращения: 03.03.2024)
2. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова А.И. Народы, расы, культуры. – М.: Наука, 1984. – 272 с.
3. Муравьева А.И. Чукотско-камчатские языки / Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 586.
4. Языки народов СССР. – Л.; Наука, 1968. – Т. 5: Монгольские, тунгусо-манчжурские и палеоазиатские языки. – 524 с.
5. Богораз В.Г. Чукчи. – Л.: Изд-во Ин-та Севера ЦИК СССР, 1934. – Ч.1. – 191 с.
6. Шейкин Ю.И. Палеоазиатские народы Северо-Востока Сибири, Чукотки, Камчатки и Колымы: чукчи // Шейкин Ю.И. Музыкальная культура народов Северной Азии. – Якутск, 1996. – С. 64–82.
7. Ларионова А.С. Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. – 152 с.

~Научное издание~

ДИАЛЕКТЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Сборник научных статей

[Электронный ресурс]

На русском, якутском языках

Оператор компьютерной верстки: Степанова А.Н.

Дизайн обложки: Борисов В.Т.

Подписано в печать 9.12.2024. Формат 70х100^{1/16}.

Усл.п.л. 11,1. Уч.изд.л. 12,1. Объем 3,42 Мб

Якутск, ИГИиПИМНС СО РАН, 2024

77027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: +7(411)236-14-49

Е-mail: inip@ysn.ru

Официальный портал: www.igi.ysn.ru
